

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (21)

2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

<i>Рыженков А. М.</i> Итоговые решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ по жалобам граждан и проблемы их исполнения	3
<i>Феоктистов Д. Е.</i> Неприкосновенность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: вопросы правовой регламентации	11
<i>Синцов Г. В.</i> Особенности освобождения от должности омбудсменов в субъектах Российской Федерации	18
<i>Кузьмина Ю. А.</i> Россия и Совет Европы: проблема соблюдения прав человека в Чеченской Республике	26
<i>Ахвердян Г. К.</i> Национальное государство и национальная идентичность в свете мировых интеграционных процессов	34
<i>Доленко Д. В.</i> Феномен российской политической модернизации	41
<i>Саломатин А. Ю.</i> Сравнительная правовая политика: возможность взвешенной оценки зарубежного государственно-правового опыта	48
<i>Абрамов Р. Н.</i> Модернизация политической системы России.....	55

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Рассадина Т. А.</i> Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов)	61
<i>Фомченкова Г. А.</i> Информационно-идеологический фактор формирования духовной безопасности молодежи	71
<i>Кошарная Г. Б., Мордишева Л. Н.</i> Проблема отчуждения труда работников в современных организациях.....	78
<i>Васянин М. С.</i> Ценности предпринимательского слоя современной России	87
<i>Кошевой О. С., Голосова Е. С., Сеидов Ш. Г.</i> Организация экспертного опроса с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления	98
<i>Дуданов Е. И., Толстякова О. В.</i> Проблемы реализации кадрового потенциала промышленных предприятий в современных условиях	108

<i>Афанасьева Ю. Л., Кошарная Г. Б.</i> Влияние референтных групп на потребительское поведение студенческой молодежи	116
<i>Кошарный В. П., Корж Н. В.</i> Трудовые ценности и установки студенческой молодежи	126
<i>Найденова Л. И., Романовский Г. Б.</i> Формирование социального капитала в условиях социально-экономической дифференциации российских регионов	136
<i>Суников В. Н.</i> Моделирование социально-экономического развития регионов	143

ЭКОНОМИКА

<i>Васин С. М., Крутова Л. И.</i> Исторические предпосылки трансформационных изменений в промышленности региона	150
<i>Кухтинова Л. Г., Фирсова И. А.</i> Внутренний маркетинг в системе обеспечения конкурентоспособности высших учебных заведений	158
<i>Семеркова Л. Н., Соколова Н. Г., Бахтеев Ю. Д.</i> К вопросу моделирования жизнедеятельности населения с позиции маркетинга территории	167
<i>Володин В. М., Сергеева И. А.</i> Инновационное развитие промышленных предприятий и информационные технологии управления	175
<i>Сергеева И. А., Крутова Л. И.</i> Развитие промышленности региона: государственное воздействие и саморегулирование	183
<i>Воробьев В. П.</i> Трансформация института социальной политики в условиях перехода к новой социально-экономической системе	192
<i>Свиридова Н. В., Туктарова Ф. К.</i> Проблемы обеспечения сопоставимости данных при проведении сравнительного экономического анализа промышленных организаций	198
<i>Беркутова Т. А., Дорофеев В. Д.</i> Коэволюция содержания маркетинга и интерпретации эффективности бизнеса в процессе развития экономики	204
<i>Дорофеев В. Д., Белякова В. А.</i> К вопросу о долгосрочном маркетинговом прогнозировании рынка	209
<i>Кузьмина М. Г., Будина В. И.</i> Двухфокусная стратегия управления непрерывностью бизнеса промышленного предприятия	217

УДК 342

А. М. Рыженков

ИТОГОВЫЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РФ ПО ЖАЛОБАМ ГРАЖДАН И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики рассматриваются итоговые решения конституционных и уставных судов субъектов РФ по жалобам граждан и проблемы совершенствования регионального законодательства об их исполнении.

Ключевые слова: конституционные и уставные суды субъектов РФ, постановления, исполнение постановлений.

Abstract. The article examines final decisions of constitutional (statute) courts of the subjects of the Russian Federation on citizen's complaints and problems of perfection of the regional legislation on their execution on the basis of the analysis of legal acts and law-accomplishing practice.

Key words: constitutional (statute) courts of subjects of the Russian Federation, decision, execution of decisions.

В региональном законодательстве об органах конституционного контроля содержится важное правило, согласно которому решение действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления конституционного (уставного) суда субъекта РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

Анализ законов о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации позволяет выделить ряд признаков (свойств) постановлений:

1. Это официальный акт, который выносится от имени субъекта Российской Федерации.
2. Принимается в особой форме конституционного судопроизводства.
3. Является окончательным и обжалованию не подлежит¹.
4. Общеобязательность решения суда на всей территории субъекта РФ.
5. Действует непосредственно, не требует его утверждения каким-либо нормативным правовым актом, не требует подтверждения другим органом или должностным лицом.
6. Юридическая сила решения не может быть преодолена повторным принятием акта, признанного конституционным (уставным) судом не соответствующим Конституции (Уставу) субъекта Российской Федерации.
7. Подлежит официальному опубликованию.

¹ Свойство окончательности решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ относительно, так как окончательность может быть преодолена как самим судом, так и принятием решения федеральным конституционным судом.

В российской правовой науке до сих пор ведутся оживленные дискуссии по поводу юридической природы решений органов конституционной юстиции.

По мнению А. С. Шабурова, судебные органы не обладают правотворческой компетенцией. Судебный прецедент в нашей стране не считается источником права. В науке предложено решение указанного противоречия: предписания общего характера надо считать не нормами, а правоположениями, которые имеют юридическое значение. Последнее проявляется в том, что правоприменительные органы должны при решении конкретных вопросов учитывать содержание правоположений. Правотворческие органы в свою очередь должны следить за правоприменительной практикой и оперативно вносить изменения в законодательство [1, с. 375].

В. С. Нерсисянц полагает, что решение Конституционного суда Российской Федерации о признании закона не соответствующим Конституции РФ является правоприменительным актом. Действие признанного неконституционным положения отменяется не постановлением суда, а законодателем. Решение Конституционного суда о несоответствии рассматриваемого нормативного акта Конституции – лишь основание для отмены этого акта компетентным правотворческим органом, а не сама отмена [2].

Тем не менее господствующей является позиция о нормативном характере решений органов конституционной юстиции.

Так, Ю. В. Гаврюсов придерживается мнения, что решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ – это источники права. Хотя источники особые, своеобразные. Законодательство устанавливает общеобязательность решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ и наделяет эти суды полномочиями по принятию таких решений [3, с. 93].

Отдельные исследователи настаивают на том, что свойства решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ позволяют не только устанавливать, но и изменять, отменять правовые нормы. Решение, в результате которого акт или его отдельные положения утрачивают юридическую силу, приводит к их устранению из правовой системы субъекта РФ, фактической его отмене, тем самым к изменениям в нормативно-правовом массиве. Из этого делается вывод, что решения конституционных (уставных) судов наделяются свойствами нормативности [4, с. 102].

По мнению Ф. Х. Мухаметшина, ввиду того, что решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ и выработанные в них правовые позиции являются окончательными, не могут быть пересмотрены иным судом, их можно отнести к источникам права. Они имеют все признаки источника права: нормативный характер, непосредственное действие, общеобязательность, юридическую силу [5, с. 50].

На наш взгляд, такой подход скорее усложняет, а не раскрывает юридическую природу решений региональных органов конституционной юстиции. Во-первых, конституционные (уставные) суды субъектов РФ не вправе заниматься законотворчеством, так как это исключительная прерогатива законодательной ветви власти. Наделение органов конституционного контроля законотворческой функцией (полномочиями) нарушило бы принцип разделения властей. Во-вторых, конституционные (уставные) суды субъектов РФ вправе устанавливать лишь факт соответствия или несоответствия оспариваемого акта Конституции (Уставу) субъекта Российской Федерации. В-третьих, закон имеет более высокую юридическую силу, нежели постановление (или

иное решение) конституционного (уставного) суда. В-четвертых, главной функцией конституционных (уставных) судов является осуществление контроля за соответствием законов и иных нормативных правовых актов Конституции (Уставу) субъекта РФ, а не нормообразование. Именно в силу данного факта судебные органы обособлены от законодательных и исполнительных. В данном случае уместно говорить лишь о правокорректирующей функции органов конституционной юстиции, которая заключается в том, что они корректируют то, что уже имеется в правовой системе. В-пятых, если признать нормативный характер постановлений конституционных (уставных) судов субъектов РФ, то возникает вопрос о законодательных полномочиях региональных органов конституционной юстиции, что опять же противоречит принципу разделения властей. Кроме того, хотелось бы отметить, что в Российской Федерации судебная практика не признается в качестве источников права. Это, на наш взгляд, не случайно. Если официально решения конституционных (уставных) судов поставить в один ряд с законами, то правомерно возникнет вопрос: какие нормы права они устанавливают? Ведь даже постановления о толковании конституций (уставов) субъектов Российской Федерации не вносят изменений в действующую норму, а лишь разъясняют то, что уже сформулировано в норме, но не создают новое правило. Второй вопрос: к какому уровню закона приравнивать решения (в том числе и определения, которые принимаются в ходе рассмотрения дела и не касаются самого существа дела) конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации?

Таким образом, конституционные (уставные) суды субъектов РФ вправе давать лишь юридическую оценку рассматриваемому акту в части его соответствия или несоответствия Основному закону субъекта РФ. Кроме того, признание не соответствующей Конституции (Уставу) субъекта РФ какой-либо нормы не влечет за собой создание новой нормы – это является прерогативой законодателя.

В последние годы в литературе стал употребляться термин «правовая позиция» органов конституционной юстиции. Не вдаваясь в подробности определения данного понятия, отметим, что постановление конституционного (уставного) суда субъекта РФ и правовая позиция суда – это разные понятия. Во-первых, постановление представляет собой одно из решений, которые могут принимать конституционные (уставные) суды, состоящее из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Правовая же позиция конституционного (уставного) суда есть сформулированное им на основе правовых аргументов правило, имеющее общеобязательное значение и относящееся к особым источникам права, имеющим нормативно-императивный характер [5, с. 144]. Конституционный (уставный) суд субъекта РФ, принимая решение по делу, оценивает как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из места в системе правовых актов. Это невозможно сделать без установления правовой позиции суда по рассматриваемому вопросу [5, с. 142]. Правовые позиции могут содержаться не только в постановлениях, но и в определениях об отказе в принятии дел к рассмотрению. Конституционный (уставный) суд субъекта РФ, отказывая в принятии обращения к рассмотрению, тем не менее решает конституционно-правовую проблему по существу. Так, в Определении Конституционного суда Республики Бурятия от 7 июня 2008 г. об отказе в приня-

тии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Сатурниус» на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 1 и 3 Закона Республики Башкортостан «О запрете на территории Республики Башкортостан деятельности по организации и проведению азартных игр с использованием игровых автоматов» Суд высказал правовую позицию, согласно которой нормативный запрет сформулирован в виде общего правила и распространяется в равной мере на все игорные заведения, расположенные на территории республики. При этом, как указал Суд, предписание оспариваемых положений предполагает продолжение деятельности организаторов азартных игр в казино, к числу которых и относится заявитель, с использованием иного оборудования, за исключением игровых автоматов, и оказание сопутствующих азартным играм услуг, если для этого нет других препятствий и при условии соблюдения обязательных требований [6, с. 26].

Особого внимания заслуживает вопрос об исполнении решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, принятых по жалобам граждан на нарушение основных прав и свобод, так как при неисполнении решений названных судов теряется смысл их функционирования. Данный вопрос является актуальным еще и потому, что исполнение решений конституционных и уставных судов субъектов РФ зачастую требует от законодательной и исполнительной ветвей власти принятия соответствующих нормативных правовых актов. Ведь если закон полностью или в какой-либо части признан не соответствующим Конституции (Уставу) субъекта Федерации, то он фактически перестает действовать. Следовательно, в законодательном регулировании отдельных сфер возникают пробелы, которые необходимо заполнять.

Неисполнение актов Конституционного суда РФ представляет большую угрозу правопорядку, поскольку такое неисполнение умаляет Конституцию РФ [7, с. 92]. То же самое можно сказать применительно к неисполнению актов конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

В случае признания конституционным (уставным) судом субъекта РФ закона или иного нормативного правового акта неконституционным, последние утрачивают свою юридическую силу, т.е. не подлежат применению. Наличие решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ о признании акта противоречащим Конституции (Уставу) субъекта РФ обязывает соответствующий орган отменить данный акт полностью или в части.

Законодательство о региональных органах конституционного контроля ряда субъектов РФ конкретизирует указанное правило. Так, Закон «О Конституционном суде Республики Башкортостан» устанавливает, что в случае, если решением Конституционного суда Республики Башкортостан нормативный правовой акт признан не соответствующим Конституции Республики Башкортостан полностью или частично либо из решения Конституционного суда Республики Башкортостан вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании:

1) *Государственное собрание* – Курултай Республики Башкортостан в течение шести месяцев после опубликования решения Конституционного суда Республики Башкортостан *отменяет* признанный неконституционным закон Республики Башкортостан, постановление Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, *принимает новый закон*, новое поста-

новление или ряд взаимосвязанных законов, постановлений либо *вносит изменения и (или) дополнения* в закон, постановление, признанные неконституционными в отдельной их части. Правительство Республики Башкортостан не позднее трех месяцев после опубликования решения Конституционного суда Республики Башкортостан вносит в Государственное собрание – Курултай Республики Башкортостан проект нового закона Республики Башкортостан или ряд взаимосвязанных проектов законов либо законопроект о внесении изменений и (или) дополнений в закон, признанный неконституционным в отдельной его части. Указанные законопроекты рассматриваются Государственным собранием – Курултаем Республики Башкортостан во внеочередном порядке;

2) *Президент* Республики Башкортостан, Правительство Республики Башкортостан не позднее месяца после опубликования решения Конституционного суда Республики Башкортостан *отменяют* нормативный правовой акт соответственно Президента Республики Башкортостан или Правительства Республики Башкортостан, *принимают новый* нормативный правовой акт либо *вносят изменения и (или) дополнения* в нормативный правовой акт, признанный неконституционным в отдельной его части;

3) *глава администрации* района, города Республики Башкортостан не позднее месяца после опубликования решения Конституционного суда Республики Башкортостан *отменяет* признанный неконституционным нормативный правовой акт, *принимает новый* нормативный правовой акт либо *вносит изменения и (или) дополнения* в нормативный правовой акт, признанный неконституционным в отдельной его части;

4) *представительный орган местного самоуправления* в течение срока, установленного решением Конституционного суда Республики Башкортостан, *отменяет* признанный неконституционным нормативный правовой акт представительного органа местного самоуправления, *принимает новый* нормативный правовой акт или ряд взаимосвязанных нормативных правовых актов либо *вносит изменения и (или) дополнения* в нормативный правовой акт представительного органа местного самоуправления, признанный неконституционным в отдельной его части. Глава муниципального образования вносит соответствующий проект в представительный орган местного самоуправления не позднее десяти дней после опубликования решения Конституционного суда Республики Башкортостан;

б) *глава муниципального образования* не позднее срока, установленного решением Конституционного суда Республики Башкортостан, *отменяет* признанный неконституционным нормативный правовой акт, *принимает новый* нормативный правовой акт либо *вносит изменения и (или) дополнения* в нормативный правовой акт, признанный неконституционным в отдельной его части¹.

Подобные положения содержатся также в законах о конституционных судах республик Саха (Якутия), Тыва, Чеченской Республики².

¹ Статья 83 Закона Республики Башкортостан «О Конституционном Суде Республики Башкортостан».

² Статья 78 Конституционного закона Республики Тыва «О Конституционном Суде Республики Тыва»; ст. 93 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве»; ст. 81 Конституционного закона Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики».

Во всех других законах субъектов РФ, где действуют органы конституционной юстиции, указывается на то, что решение конституционного (уставного) суда подлежит исполнению немедленно после опубликования либо вручения его официального текста, если иные сроки специально в нем не оговорены. Так, Постановлением Уставного суда Свердловской области от 3 октября 2002 г. Постановление Главы муниципального образования «город Екатеринбург» от 23 января 2002 г. № 74 «О повышении стоимости проезда в городском пассажирском транспорте» признано не соответствующим Уставу Свердловской области. При этом в резолютивной части решения Суд указал, что Постановление в этой части подлежит исполнению с 1 января 2003 г., если ранее уполномоченными федеральным законодательством органами государственной власти не будет осуществлено регулирование цен (тарифов) на перевозки пассажиров и багажа на всех видах городского общественного транспорта [8]. При принятии Постановления Суд учел, что признание не соответствующим Уставу Свердловской области указанного Постановления Главы муниципального образования создаст пробел в правовом регулировании, что может привести к нарушению прав граждан и повлечь негативные последствия для субъектов хозяйственной деятельности. Наличие этого факта обусловило необходимость установления особого порядка исполнения Постановления суда. В связи с этим до урегулирования уполномоченными государственными органами размеров тарифов следует сохранить существующие размеры стоимости перевозок пассажиров и багажа всеми видами городского транспорта общего пользования [9].

Одной из причин игнорирования актов органов конституционной юстиции является несовершенство норм об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений конституционных (уставных) судов с серьезными санкциями [10, с. 216]. В законодательстве субъектов РФ о собственных органах конституционного контроля закреплена следующая норма с неточной формулировкой: «...влечет ответственность, установленную федеральным законодательством и законом субъекта РФ». Указанные ссылки на федеральное законодательство ведут к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В данном случае согласимся с Особым мнением судьи Конституционного суда Российской Федерации Н. В. Витрука к Постановлению Конституционного суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8 [11, с. 99]. Он считает, что «вся процедура применения мер федерального воздействия, установленная Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», настолько сложна и длительна, что если учесть еще возможность всякий раз оспорить в суде каждый ее этап (стадию), то станет ясно, что она не рассчитана на ее реальное применение, а потому теряет всякий смысл и уже в силу этого не соответствует принципам демократического правового государства». В связи с этим напрашивается вывод о незаинтересованности регионального законодателя в установлении эффективно действующих мер ответственности за неисполнение актов конституционного правосудия, а стало быть, и в самом существовании органов конституционного контроля в субъектах РФ.

Таким образом, итогом рассмотрения конституционных жалоб граждан на нарушение основных прав и свобод, по существу, является вынесение постановления. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ вправе давать лишь юридическую оценку рассматриваемого акта в части его соответствия или несоответствия Основному закону субъекта РФ. Кроме того, признание не соответствующей Конституции (Уставу) субъекта РФ какой-либо нормы не влечет за собой создание новой нормы – это является прерогативой законодателя. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос, связанный с исполнением решений органов конституционного контроля. Одной из причин игнорирования актов органов конституционной юстиции является отсутствие как такового института конституционной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений конституционных (уставных) судов с соответствующими санкциями.

Список литературы

1. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М. : Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997.
2. **Нерсесянц, В. С.** Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных органов) / В. С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права. – М., 1997. – С. 34–41.
3. **Гаврюсов, Ю. В.** Юридическая сила решений конституционных (уставных) судов / Ю. В. Гаврюсов // Юридическая природа актов конституционных судов Республики Болгария и Российской Федерации: Круглый стол болгарских и российских юристов. – София, 2004.
4. **Гошуляк, В. В.** Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации : моногр. / В. В. Гошуляк, Л. Е. Ховрина, Т. И. Геворкян. – М. : Альфа-М, 2006.
5. **Мухаметшин, Ф. Х.** О месте решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в правовой системе Российской Федерации и об отдельных проблемах их применения / Ф. Х. Мухаметшин // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. тр. – Казань : Офсет-сервис, 2008. – Вып. 3.
6. Определение Конституционного суда Республики Башкортостан от 7 июня 2008 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Сатурниус» // Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2008. – № 7.
7. **Султанов, А. Р.** Проблемы исполнения решений Конституционного суда РФ / А. Р. Султанов // Журнал российского права. – 2009. – № 9.
8. Постановление Уставного суда Свердловской области от 3 октября 2002 г. по делу о соответствии Уставу Свердловской области пункта 23 Положения «О муниципальном унитарном предприятии города Екатеринбурга», утвержденного решением Екатеринбургской городской Думы от 9 декабря 1997 г. № 30/3, и Постановления Главы муниципального образования «Город Екатеринбург» от 23 января 2002 г. № 74 «О повышении стоимости проезда в городском пассажирском транспорте» // Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2002. – № 11.
9. Постановление Уставного суда Свердловской области от 20 марта 2007 г. // Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2007. – № 4. – С. 54–55.
10. **Зацепя, О. О.** Проблемы юридической ответственности за неисполнение решений Конституционного суда Российской Федерации и конституционных

(уставных) субъектов Российской Федерации / О. О. Зацепя // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. тр. – Казань : Офсет-сервис, 2008. – Вып. 3.

11. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Н. В. Витрука к Постановлению Конституционного суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8 // Конституционный суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2002. – М., 2003.

Рыженков Андрей Михайлович
первый заместитель председателя
Пензенского областного суда;
соискатель, Пензенский
государственный университет

E-mail: pgu_gpd@mail.ru

Ryzenkov Andrey Mikhaylovich
First vice-chairman of the Penza
regional court; applicant,
Penza State University

УДК 342

Рыженков, А. М.

Итоговые решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ по жалобам граждан и проблемы их исполнения / А. М. Рыженков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 3–10.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Аннотация. Автор анализирует содержание неприкосновенности Уполномоченного, исследуются процессуальные отрасли права, развивающие конституционные положения, выявляются коллизии и пробелы в правовом регулировании, предлагаются пути их преодоления и совершенствования.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, конституционно-правовой статус, правовой иммунитет, неприкосновенность.

Abstract. The author analyzes the content of inviolability of the Commissioner, investigates legal procedures developing constitutional regulations. The article reveals contradictions and gaps in legal regulation and suggests ways to cope with and to improve them.

Key words: the Commissioner for human rights in the Russian Federation, the constitutional legal status, legal immunity, inviolability.

Специальный правовой статус лиц, замещающих государственные должности, предполагает как определенные ограничения их правосубъектности, так и предоставление им некоторых правовых преимуществ. Одним из таких «преимуществ» является правовой иммунитет, понимаемый в правовой доктрине как освобождение определенного круга субъектов права из-под действия общих норм [1, с. 196]; юридического исключительного права не подчиняться некоторым общим законам, предоставленного в определенных случаях государствам, международным организациям и лицам, занимающим особое положение в государстве [2, с. 177].

Необходимость и обоснованность введения подобного рода привилегий объясняется в большинстве случаев функциональной необходимостью – обеспечением беспрепятственного, безопасного и самостоятельного осуществления полномочий отдельных лиц, имеющих специальный статус. «Наделяя отдельных субъектов таким важным преимуществом, как иммунитет, государство, тем самым, подчеркивает исключительную значимость их деятельности для всего общества» [3, с. 108, 115], принимаются во внимание важность выполняемых ими функций, необходимость укрепления их независимости и предупреждения незаконного и необоснованного применения к ним мер государственного принуждения.

Одним из основных видов правовых иммунитетов, выделяемых юридической наукой, является правовая неприкосновенность, которая рассматривается как особый порядок возбуждения уголовного дела, применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения для носителей правового иммунитета [4, с. 7]; как особый процессуальный институт, устанавливающий усложненный порядок привлечения к уголовной либо административной ответственности, а также применение мер государственного принуждения [5, с. 9].

«Применительно к власти неприкосновенность, – отмечает О. Е. Кутафин, – одна из важнейших гарантий статуса официальных лиц, выполнения ими своих обязанностей, означающая прежде всего невозможность их ареста, привлечения к уголовной ответственности и наиболее строгим мерам административной ответственности, налагаемых судом, без согласия на это государственных органов» [6, с. 12].

Таким образом, в правовой неприкосновенности можно выделить следующие элементы: особый порядок в отношении привлечения к уголовной ответственности и к административной ответственности; особый порядок применения отдельных уголовно-процессуальных и административно-процессуальных действий.

Правовую неприкосновенность нельзя отождествлять с личной неприкосновенностью. «Применительно к населению, – пишет О. Е. Кутафин, – неприкосновенность выступает прежде всего в качестве гарантии свободы личности, ее автономии, самоопределения, защиты человека от любого вмешательства в сферу личной свободы... государство, с одной стороны, обязано обеспечить воздержание его должностных лиц от осуществления ряда конкретных действий, связанных с нарушением личной свободы и других благ, принадлежащих человеку, с другой – обеспечить осуществление необходимой защиты от посягательства частных лиц, от всякого их вторжения в личную жизнь людей, нанесения им ущерба, нарушения их спокойствия или оскорбления достоинства» [6, с. 6].

Правовая неприкосновенность тем самым является гарантией более высокого уровня по сравнению с общеправовыми гарантиями неприкосновенности личности. Как было сказано, она не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер и призвана служить публичным интересам посредством обеспечения дополнительной охраны лиц, выполняющих особые государственные функции и наделенных особым правовым статусом.

Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» предусматривает наделение неприкосновенностью лица, занимающего данную государственную должность [7].

Статья 12 Закона гласит, что Уполномоченный по правам человека обладает неприкосновенностью в течение всего срока полномочий. Далее законодатель раскрывает ее содержание:

а) Уполномоченный не может быть без согласия Государственной думы привлечен к уголовной ответственности;

б) он не может быть без согласия Государственной думы привлечен к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке;

в) без согласия Государственной думы Уполномоченный не может быть задержан, арестован, подвергнут обыску (за исключением случаев задержания на месте преступления), а также лично досмотру (за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц). В случае задержания Уполномоченного на месте преступления должностное лицо, производшее задержание, немедленно уведомляет об этом Государственную думу, которая должна принять решение о даче согласия на дальнейшее применение этой процессуальной меры. При неполучении в течение 24 часов согласия Государственной думы на задержание Уполномоченный должен быть немедленно освобожден;

г) неприкосновенность Уполномоченного распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебное транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы.

Рассмотрим соотношение норм конституционного права с иными отраслями права, затрагивающими процессуальные аспекты регулирования неприкосновенности Уполномоченного.

В части привлечения его к административной ответственности и применения отдельных административно-процессуальных мер законодательство трактуется однозначно: нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях имеют бланкетный характер и прямо предусматривают, что особые условия осуществления названных процедур в отношении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, устанавливаются Конституцией РФ и федеральными законами (ч. 2 ст. 1.4). Предполагается, что термин «федеральные законы» здесь использован для обозначения в том числе и федеральных конституционных законов. Отсюда следует вывод, что в приведенном случае нормы Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» будут иметь прямое действие.

Ряд вопросов возникает при анализе норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Решение о возбуждении уголовного дела в отношении Уполномоченного по правам человека либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается Председателем Следственного комитета Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 448). Таким образом, не предусматривается необходимость получения согласия Государственной думы на производство указанных действий – налицо явное противоречие нормам Федерального конституционного закона.

В то же время судебное решение об избрании в отношении Уполномоченного меры пресечения в виде заключения под стражу или о производстве обыска исполняется только после получения согласия Государственной думы (ч. 3 ст. 450).

Возникают закономерные вопросы относительно «противоречивости» правового регулирования в осуществлении названных процессуальных действий и установлении порядка их производства при обнаруженных коллизиях.

Первоначально следует определить приоритетность норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального конституционного закона. Как известно, кодифицированное законодательство Российской Федерации имеет силу обычного федерального закона. Конституция РФ в свою очередь прямо определяет, что федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам (ч. 3 ст. 76). Однако содержание ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ порождает определенную неясность и некоторые вопросы в сфере реализации указанного конституционного порядка:

«1. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу.

2. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом».

Дополнительную неясность добавляют нормы Конституции РФ, где термин «федеральный закон» применяется для обозначения всех видов законов. Разъяснения по сложившейся ситуации дал Конституционный суд РФ. В Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П изложена правовая позиция, следующая из анализа уголовно-процессуальных норм: «...положения частей первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм – не затрагивают определенную Конституцией Российской Федерации иерархию нормативных актов в правовой системе Российской Федерации и не предполагают распространение приоритета Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на разрешение возможных коллизий между ним и какими бы то ни было федеральными конституционными законами, а также между ним и международными договорами Российской Федерации. Если же в ходе производства по уголовному делу будет установлено несоответствие между федеральным конституционным законом (либо международным договором Российской Федерации) и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (который является обычным федеральным законом), применению – согласно статьям 15 (часть 4) и 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации – подлежит именно федеральный конституционный закон или международный договор Российской Федерации как обладающие большей юридической силой по отношению к обычному федеральному закону» (абз. 3 п. 2.1) [8].

Определив иерархию и приоритетность исследуемых правовых актов, выявив противоречия норм УПК РФ Федеральному конституционному закону «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», можно сделать вывод о необходимости получения согласия Государственной думы на осуществление всех процессуальных действий, указанных в ФКЗ.

Тем не менее проведенным анализом вопрос о правовой неприкосновенности Уполномоченного не исчерпывается. В данном контексте существенное значение имеет Постановление Конституционного суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П, содержащее правовые позиции относительного регулирования статуса лиц, обладающих неприкосновенностью. Конституционной проверке были подвергнуты положения Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в части установления запрета на привлечение к уголовной и административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, а также осуществления обусловленных этим мер уголовно-процессуального и административно-процессуального характера без согласия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Конституционный суд обозначил следующую правовую позицию в части определения объема неприкосновенности лиц, имеющих специальный статус: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом; судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (статья 118, части 1 и 2); при этом уголовные и административные дела подсудны судам общей юрисдикции (статья 126). Из данных предписаний во взаимосвязи со статьями 10, 19 (часть 1) и 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации вытекает, что только суд

может решать вопрос об аресте, заключении под стражу и содержании под стражей и только суд может разрешать дела, связанные с применением мер уголовной и административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, причем на основе принципа равенства всех перед законом и судом... применительно к специальным институтам неприкосновенности возможные вводимые федеральным законом ограничения полномочий судебной власти по разрешению дел, связанных с назначением мер уголовной ответственности и административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, могут иметь место лишь в том случае, если такие институты предусмотрены непосредственно Конституцией Российской Федерации, т.е. в отношении Президента Российской Федерации, депутатов Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, а также судей, что обусловлено особым статусом названных должностных лиц и характером выполняемых ими функций в системе государственной власти Российской Федерации (статьи 91, 98 и 122)» (п. 4.2) [9].

Неприкосновенность Уполномоченного по правам человека не установлена Конституцией РФ, следовательно, как это понимается из правовой позиции Конституционного суда РФ, в соответствующей части могут быть неприменимы и положения Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Тем не менее правовой механизм, регламентирующий производство уголовно-процессуальных и административно-процессуальных действий и гарантирующий неприкосновенность Уполномоченного, должен применяться в соответствии с нормами федерального конституционного закона вплоть до признания этих норм со стороны Конституционного суда РФ (если такое вообще произойдет) не соответствующими Конституции РФ.

В целях же устранения всех потенциальных конституционных процедур, а главное – укрепления и установления повышенных гарантий правового статуса Уполномоченного по правам человека, нормы о его неприкосновенности должны быть прописаны в Конституции РФ.

Стоит также учесть, что вопросу о неприкосновенности Уполномоченного уделялось внимание еще до принятия Федерального конституционного закона и Конституции РФ. Декларация прав и свобод человека и гражданина РСФСР предусматривала, что Парламентский уполномоченный по правам человека обладает той же неприкосновенностью, что и народный депутат РСФСР (ст. 40) [10]. В проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации, предусматривалось, что Парламентский уполномоченный РФ по правам человека обладает той же неприкосновенностью, что и депутат РФ (ст. 48) [11].

Необходимо затронуть вопрос и о порядке лишения Уполномоченного неприкосновенности. Статья 158 Регламента Госдумы указывает только на возможность лишения неприкосновенности: «Вопрос о даче согласия на лишение Уполномоченного по правам человека неприкосновенности решается на заседании Государственной Думы» (п. 3) [12].

Таким образом, отсутствуют не только отдельные процедурные моменты, но фактически и весь процессуальный институт лишения Уполномоченного неприкосновенности.

На наш взгляд, к Уполномоченному должен применяться аналогичный порядок лишения неприкосновенности, как к депутату Государственной ду-

мы. Полномочия по подготовке к рассмотрению Государственной думой вопросов о лишении Уполномоченного неприкосновенности должны быть предоставлены Комиссии Государственной думы по мандатным вопросам и вопросам депутатской этики.

Итак, правовая неприкосновенность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, установленная Федеральным конституционным законом, не в полной мере регламентирована процессуальным законодательством. В целях ее совершенствования считаем необходимым нормы УПК РФ привести в соответствие с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», неприкосновенность Уполномоченного установить на уровне Конституции РФ, а в регламенте Государственной думы детально определить процедуру лишения неприкосновенности Уполномоченного.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. – М. : Инфра-М, 2001. – 623 с.
2. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1997. – 526 с.
3. **Малько, А. В.** Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения : моногр. / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Пенза : Информационно-издательский центр ПГУ, 2005. – 180 с.
4. **Юшкова, Ю. А.** Иммуитет как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юшкова Ю. А. – М., 2008.
5. **Суменков, С. Ю.** Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Суменков С. Ю. – Саратов, 2002.
6. **Кутафин, О. Е.** Избранные труды : моногр. : в 7 т. Т. 4. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2011. – 400 с.
7. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (с изм. от 28.12.2010) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
8. Постановление Конституционного суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. П. Быкова, а также запросами Верховного суда Российской Федерации и Законодательного собрания Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 16. – Ст. 1601.
10. Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.
11. **Авакьян, С. А.** Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – 2-е изд. – М. : РЮИД, «Сашко», 2000.
12. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. от 26.11.2010) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

Феоктистов Данил Евгеньевич

аспирант, Пензенский
государственный университет

E-mail: d_e_f@bk.ru

Feoktistov Danil Evgenievich

Postgraduate student,
Penza State University

УДК 342

Феоктистов, Д. Е.

Неприкосновенность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: вопросы правовой регламентации / Д. Е. Феоктистов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 11–17.

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ОМБУДСМЕНОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Процедура и основания освобождения от должности отдельных субъектов публичного права являются существенным элементом их правового статуса. В статье исследуются основания освобождения от должности уполномоченных по правам человека в субъектах Приволжского федерального округа. Проводится анализ регионального законодательства и влияния отдельных оснований освобождения на уровень независимости омбудсменов.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации, омбудсмен, основания освобождения, независимость.

Abstract. Procedure and the grounds for dismissal of single subjects of public law are an essential element of their legal status. The article researches the grounds for dismissal of the commissioners for human rights in the subjects of the Volga federal district. The author adduces an analysis of the regional legislation and influence of the separate grounds for dismissal on a level of independence of the ombudsmen.

Key words: the Commissioner for human rights in the subject of the Russian Federation, ombudsman, grounds for dismissal, independence.

Процедура и основания освобождения от должности отдельных субъектов публичного права имеет особое значение, поскольку демонстрирует уровень их независимости, самостоятельности и стабильности функционирования в системе государственного аппарата.

Должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, в соответствии с Указом Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381, включена в перечень типовых государственных должностей субъекта Российской Федерации [1]. Данным нормативным актом установлено, что должность уполномоченного может учреждаться в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации, т.е. возможность ее образования – полностью прерогатива региональных властей. Указ, по сути, воспроизвел положения Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», в соответствии с которым должность регионального омбудсмена может учреждаться в субъекте Федерации при соответствующем финансировании за счет средств регионального бюджета (ст. 5) [2].

К марту 2011 г. должность уполномоченного по правам человека учреждена в 68 субъектах Российской Федерации [3]. В Приволжском федеральном округе данным правом воспользовались практически все регионы, за исключением Чувашской Республики – здесь в отсутствие омбудсмена общей компетенции действует только специализированный – уполномоченный по правам ребенка, функционирующий на общественных началах, назначаемый на должность и освобождаемый от нее Президентом Чувашской Республики [4].

Все уполномоченные по правам человека в регионах Приволжского федерального округа назначаются на должность и освобождаются от должности региональным парламентом, что дает возможность провести в единой правовой плоскости сравнительный анализ оснований освобождений от должности

уполномоченных как одного из важнейших элементов, обеспечивающих их независимость.

Международными стандартами предписано, что правомочие на увольнение персонала тесно связано с независимостью национального учреждения, занимающегося защитой и поощрением прав человека: «...чтобы не подрывать независимость в законах, на основании которых было создано национальное учреждение, следует максимально подробно указывать обстоятельства, при которых может быть уволен любой сотрудник. Естественно, эти обстоятельства должны определяться установленными серьезными нарушениями. Неучастие в работе этого учреждения может также рассматриваться в качестве основания для увольнения. Необходимо определить орган или лицо, которые могут увольнять персонал. В связи с характером деятельности национального учреждения по правам человека предпочтительно полномочием увольнения персонала наделить парламент или орган такого же уровня» [5, с. 30].

Поскольку в качестве «шаблона» для регионального законодателя выступал Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», перечислим основания освобождения, указанные в данном законе (ст. 13):

- нарушение требований, касающихся ограничений, связанных с занятием должности Уполномоченного;
- вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении Уполномоченного;
- неспособность по состоянию здоровья (или иным причинам) в течение длительного времени, но не менее четырех месяцев подряд, исполнять свои обязанности;
- добровольная отставка [2].

Безусловно, данный перечень является неполным и незавершенным в силу отсутствия как «очевидных», так и весьма существенных оснований, однако законодательство субъектов РФ восполнило данные пробелы.

Основания освобождения от должности регионального уполномоченного можно условно классифицировать на несколько групп:

1. «Очевидные» основания:

- добровольная отставка (установлена во всех субъектах Приволжского федерального округа). Как правило, заявление о сложении полномочий подается омбудсменом в региональный парламент. Однако существуют и исключения: в Республиках Мордовия и Удмуртия заявление в письменном виде подается главе субъекта, который в свою очередь направляет представление в региональный парламент для освобождения от должности Уполномоченного¹ [6, 7];
- смерть Уполномоченного в качестве основания освобождения предусмотрена в законодательстве всех субъектов, кроме Республики Марий Эл;

¹ См.: ч. 1 ст. 5 и п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона Республики Мордовия от 23 декабря 2005 г. № 96-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Мордовия» (с изм. от 03.12.2009); ч. 1 и 2 ст. 10 Закона Удмуртской Республики от 12 марта 2004 г. № 11-РЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Удмуртской Республике» (с изм. от 18.05.2009).

– объявление лица безвестно отсутствующим или умершим вступившим в законную силу решением суда (во всех субъектах, кроме Пензенской области и Республики Марий Эл).

2. Основания, связанные с принципами оседлости и гражданства:

– принцип оседлости. В качестве основания освобождения лица от должности регионального уполномоченного предусматривается его выезд на постоянное место жительства за пределы соответствующего региона (Республики Марий Эл, Татарстан, Кировская, Саратовская и Пензенская области). В Пермском крае, Самарской области и Республике Башкортостан территориальные границы расширены – в качестве основания освобождения указан выезд за пределы Российской Федерации на постоянное место жительства¹ [8–10].

Принцип оседлости в Кировской, Пензенской и Саратовской областях имеет двойственное значение и логически завершенный характер: постоянное проживание на территории соответствующего субъекта является требованием к кандидату на должность Уполномоченного, а выезд на постоянное место жительства за территорию субъекта является основанием освобождения от должности² [11–13].

Необходимо заметить, что рассмотренное основание имеет существенное значение, так как исполнение обязанностей Уполномоченного лицом, постоянно проживающим на территории другого субъекта РФ (или вообще за пределами страны), будет не только затруднительным, но и неосуществимым;

– утрата (прекращение) гражданства Российской Федерации. Предусмотрена законодательством всех субъектов, кроме Республики Марий Эл.

В Самарской области требования к гражданству ужесточены: лицо освобождается от должности в случае приобретения гражданства другого государства³ [9]. Наиболее строгие требования установлены законами Пермского края, Удмуртии, Башкортостана и Ульяновской области: в качестве основания освобождения от должности предусмотрены не только утрата гражданства РФ, но и приобретение лицом гражданства иностранного государства либо получение им вида на жительство или иного документа, подтверждаю-

¹ См.: Пункт «ж» ч. 1 ст. 10 Закона Пермского края от 5 августа 2007 г. № 77-ПК «Об Уполномоченном по правам человека в Пермском крае»; п. «д» ч. 1 ст. 6 Закона Самарской области от 9 февраля 2006 г. № 1-ГД «О лицах, замещающих государственные должности Самарской области» (с изм. от 04.05.2011); п. 7 ст. 8 Закона Республики Башкортостан от 27 декабря 2007 г. № 505-з «О государственных должностях Республики Башкортостан» (с изм. от 14.07.2010).

² См.: Статья 6, п. 2 ч. 1 ст. 10 Закона Кировской области от 9 ноября 2009 г. № 442-ЗО «Об Уполномоченном по правам человека в Кировской области» (с изм. от 10.03.2010); ч. 1 ст. 3, п. 6 ч. 1 ст. 8 Закона Пензенской области от 10 октября 2007 г. № 1392-ЗПЛ «Об Уполномоченном по правам человека в Пензенской области» (с изм. от 30.06.2010); ч. 1 ст. 4, п. «б» ч. 1 ст. 9 Закона Саратовской области от 12 октября 1998 г. № 50-ЗСО «Об Уполномоченном по правам человека в Саратовской области» (с изм. от 29.03.2010).

³ См.: Пункт «е» ч. 1 ст. 6 Закона Самарской области от 9 февраля 2006 г. № 1-ГД «О лицах, замещающих государственные должности Самарской области» (с изм. от 04.05.2011).

щего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства¹ [7, 8, 10, 14].

Представляется, что наложение подобных ограничений вполне обоснованно, так как Уполномоченный имеет право исследовать все «шестеренки механизма государственного аппарата», все слабые и сильные стороны его функционирования. В связи с этим недопустимо, чтобы эта информация была известна лицу, имеющему определенные правовые связи с иностранным государством.

3. Основания, препятствующие Уполномоченному исполнять свои обязанности по состоянию здоровья:

– неспособность по состоянию здоровья (или по иным причинам) выполнять свои обязанности в течение длительного времени (не менее четырех месяцев подряд). Установлено во всех региональных законах, кроме Удмуртской Республики и Ульяновской области. Отсутствие подобного основания в названных субъектах является существенным пробелом правового регулирования – теоретически лицо может не исполнять свои обязанности в силу болезни (либо в силу иных причин, в том числе и неуважительных) в течение всего срока своего мандата, а служба, таким образом, будет фактически парализована;

– признание Уполномоченного недееспособным вступившим в законную силу решением суда (во всех субъектах, кроме Республики Марий Эл);

– признание Уполномоченного ограниченно дееспособным вступившим в законную силу решением суда (Кировская, Саратовская, Самарская, Ульяновская области, Пермский край, Республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия).

Последних два основания были разделены намеренно, так как не все субъекты Федерации придерживаются единого подхода к определению объема дееспособности Уполномоченного, необходимого ему для исполнения своих конституционных (уставных) обязанностей. В субъектах, не установивших последнего основания, на практике может возникнуть ситуация, когда службу возглавит неадекватное, психически нездоровое лицо и не будет соответствующих законодательных оснований для прекращения его полномочий.

В соответствии со ст. 30 Гражданского кодекса РФ суд может ограничить гражданина в дееспособности, если вследствие злоупотребления им спиртными напитками или наркотическими средствами гражданин ставит свою семью в тяжелое материальное положение, а над самим гражданином устанавливается попечительство. Безусловно, авторитету института уполномоченного по правам человека будет нанесен колоссальный, непоправимый ущерб, если его будет возглавлять лицо, «злоупотребляющее спиртными напитками или наркотическими веществами».

¹ См.: п. «з» ч. 1 ст. 10 Закона Пермского края от 5 августа 2007 г. № 77-ПК «Об Уполномоченном по правам человека в Пермском крае»; п. 2 ч. 1 ст. 10 Закона Удмуртской Республики от 12 марта 2004 г. № 11-РЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Удмуртской Республике» (с изм. от 18.05.2009); п. 8 ст. 8 Закона Республики Башкортостан от 27 декабря 2007 г. № 505-з «О государственных должностях Республики Башкортостан» (с изм. от 14.07.2010); п. 4 ч. 1 ст. 9 Закона Ульяновской области от 4 мая 2008 г. № 63-ЗО «Об Уполномоченном по правам человека в Ульяновской области» (с изм. от 05.11.2009).

4. Основания, связанные с неправомерным поведением и нарушением законодательства региональным омбудсменом:

– вступление в силу обвинительного приговора суда в отношении Уполномоченного. Это является справедливым и объективным основанием освобождения от должности, так как возглавлять соответствующий государственный институт должно лицо, имеющее безупречную репутацию, признание и уважение в обществе. К сожалению, не все субъекты РФ Приволжского федерального округа установили данное основание – в Удмуртской Республике оно отсутствует, что, несомненно, является очередным пробелом регионального законодательства;

– неисполнение ограничений, наложенных на лицо в связи с занятием должности Уполномоченного. Специальный конституционно (уставно)-правовой статус Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ предусматривает наложение на лицо определенных ограничений, связанных, например, с запретом занятия коммерческой и иной оплачиваемой деятельностью, прохождения государственной или муниципальной службы. Несоблюдение данных ограничений закономерно ведет к освобождению лица от должности Уполномоченного. Такая практика признана и применяется не только на уровне федерального и регионального законодательства, но и в конституционном праве зарубежных стран.

5. Специфические основания, присутствующие в законодательстве отдельных субъектов РФ:

– ряд норм региональных законов об уполномоченном по правам человека, перечисляющих основания освобождения от должности омбудсменов, имеющих бланкетный характер и отсылающих к иным нормативным актам.

Так, Законом Самарской области от 24 ноября 2000 г. № 45-ГД «Об Уполномоченном по правам человека в Самарской области» установлено, что Уполномоченный освобождается от должности в случае «наличия основания досрочного прекращения полномочий лица, замещающего государственную должность Самарской области, предусмотренного Законом Самарской области «О лицах, замещающих государственные должности Самарской области»¹ [15]. Перечислим некоторые основания, установленные данным законом, не упоминавшиеся нами ранее (ст. 6): избрание депутатом Государственной думы или на выборную муниципальную должность, избрание (назначение) на должность члена Совета Федерации (п. «ж» ч. 1); замещение государственной или муниципальной должности (п. «з» ч. 1); иные случаи, предусмотренные федеральными законами и законами Самарской области (п. «к» ч. 1) [9]. Список, как видно, не является исчерпывающим, что в свою очередь потенциально оставляет правовое пространство для принятия в случае необходимости соответствующих решений.

Аналогичный нормативный порядок присутствует и в законе Республики Башкортостан от 3 июля 2007 г. № 450-з «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан»² [16].

¹ См.: Пункт «а» ч. 1 ст. 13 Закона Самарской области от 24 ноября 2000 г. № 45-ГД «Об Уполномоченном по правам человека в Самарской области» (с изм. от 09.12.2009).

² См.: Пункт 9 ч. 2 ст. 12 Закона Республики Башкортостан от 3 июля 2007 г. № 450-з «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан» (с изм. от 26.10.2009).

В числе оснований освобождения лица, замещающего государственную должность Республики Башкортостан, установлены, например, реорганизация или ликвидация государственного органа или исключение государственной должности Республики Башкортостан из Конституции Республики Башкортостан и (или) закона Республики Башкортостан, которым она установлена (п. 9 ст. 8); иные случаи, предусмотренные федеральными законами и законами Республики Башкортостан (п. 11 ст. 8) [10]. Здесь законодатель не только оставляет открытым перечень оснований для освобождения, но и косвенно допускает возможность ликвидации соответствующего государственного органа или государственной должности (в нашем случае – Уполномоченного по правам человека);

– нарушение порядка назначения на должность Уполномоченного. Предусмотрено Законом Нижегородской области от 9 января 2004 г. № 3-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области»¹ [17]. В данном нормативном акте установлен детализированный процессуальный алгоритм назначения на должность Уполномоченного, включающий как чисто технические процедуры, так и определенные политические аспекты, нарушение которых, по мнению законодателя, должно вести к досрочному освобождению лица от должности;

– ненадлежащее исполнение Уполномоченным своих обязанностей. Данное основание присутствует в Законе Республики Мордовия от 23 декабря 2005 г. № 96-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Мордовия»² [6]. Причем освобождение от должности Уполномоченного осуществляется Государственным собранием (парламентом) по представлению главы Республики Мордовия. Законом не раскрывается содержание понятия «ненадлежащее исполнение обязанностей», в связи с чем за главой республики оставлены широкие дискреционные полномочия по определению, что является ненадлежащим исполнением обязанностей со стороны Уполномоченного. С одной стороны, данное основание служит определенным «стимулом» для добросовестной и надлежащей работы Уполномоченного, однако с другой, оно, безусловно, имеет и политический подтекст, поскольку фактически ставит Уполномоченного под косвенный контроль исполнительной власти.

Проведенный анализ законодательства об уполномоченном по правам человека в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Приволжского федерального округа, в части регламентации оснований освобождения от должности региональных омбудсменов свидетельствует об отношении региональных властей к исследуемому институту. В одних регионах установлен детализированный и исчерпывающий перечень оснований, что наивысшим способом гарантирует независимость омбудсменов, в других перечень является открытым и бланкетным, в третьих обнажаются явные правовые пробелы, требующие скорейшей регламентации. В качестве положительного момента можно отметить отсутствие (за единичным исключением)

¹ См.: Часть 1 ст. 12 Закона Нижегородской области от 9 января 2004 г. № 3-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области» (с изм. от 03.02.2010).

² См.: Пункт 9 ст. 9 Закона Республики Мордовия от 23 декабря 2005 г. № 96-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Мордовия» (с изм. от 03.12.2009).

«политических» оснований освобождения Уполномоченных, что свидетельствует о признании ценности и достоинств института и отсутствии явного стремления региональных властей ограничить его независимость.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 49 (ч. II). – Ст. 5921.
2. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (с изм. от 28.12.2010) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. – 2011. – № 101 (5477). – 13 мая.
4. Закон Чувашской Республики от 24 ноября 2004 г. № 48 «О социальной поддержке детей в Чувашской Республике» (с изм. от 28.05.2010) // Собрание законодательства Чувашской Республики. – 2004. – № 11. – Ст. 695.
5. Национальные учреждения по правам человека. Руководство по созданию и укреплению национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (п. 80) ООН. – Нью-Йорк ; Женева, 1995.
6. Закон Республики Мордовия от 23 декабря 2005 г. № 96-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Мордовия» (с изм. от 03.12.2009) // Известия Мордовии. – 2005. – № 193. – 27 декабря.
7. Закон Удмуртской Республики от 12 марта 2004 г. № 11-РЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Удмуртской Республике» (с изм. от 18.05.2009) // Известия Удмуртской Республики. – 2004. – № 81. – 1 июня.
8. Закон Пермского края от 5 августа 2007 г. № 77-ПК «Об Уполномоченном по правам человека в Пермском крае» // Собрание законодательства Пермского края. – 2007. – № 9.
9. Закон Самарской области от 9 февраля 2006 г. № 1-ГД «О лицах, замещающих государственные должности Самарской области» (с изм. от 04.05.2011) // Волжская Коммуна. – 2006. – № 26. – 14 февраля.
10. Закон Республики Башкортостан от 27 декабря 2007 г. № 505-з «О государственных должностях Республики Башкортостан» (с изм. от 14.07.2010) // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2008. – № 2 (272). – Ст. 56.
11. Закон Кировской области от 9 ноября 2009 г. № 442-ЗО «Об Уполномоченном по правам человека в Кировской области» (с изм. от 10.03.2010) // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. – 2009. – № 6.
12. Закон Пензенской области от 10 октября 2007 г. № 1392-ЗПЛ «Об Уполномоченном по правам человека в Пензенской области» (с изм. от 30.06.2010) // Пензенские губернские ведомости. – 2007. – № 37. – 1 ноября.
13. Закон Саратовской области от 12 октября 1998 г. № 50-ЗСО «Об Уполномоченном по правам человека в Саратовской области» (с изм. от 29.03.2010) // Собрание законодательства Саратовской области. – 1998. – № 4. – Ст. 558.
14. Закон Ульяновской области от 4 мая 2008 г. № 63-ЗО «Об Уполномоченном по правам человека в Ульяновской области» (с изм. от 05.11.2009) : принят Постановлением Законодательного Собрания Ульяновской области от 24 апреля 2008 г. № 149/4-4 // Ульяновская правда. – 2008. – № 38. – 8 мая.
15. Закон Самарской области от 24 ноября 2000 г. № 45-ГД «Об Уполномоченном по правам человека в Самарской области» (с изм. от 09.12.2009) // Самарские известия. – 2000. – № 221. – 25 ноября.

16. Закон Республики Башкортостан от 3 июля 2007 г. № 450-з «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан» (с изм. от 26.10.2009) // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2007. – № 15 (261).
17. Закон Нижегородской области от 9 января 2004 г. № 3-3 «Об Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области» (с изм. от 03.02.2010) // Нижегородские новости. – 2004. – № 11. – 21 января.
-

Синцов Глеб Владимирович

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой частного
и публичного права, Пензенский
государственный университет

E-mail: g_sintsov@mail.ru

Sintsov Gleb Vladimirovich

Doctor of juridical sciences, associate
professor, head of sub-department of private
and public law, Penza State University

УДК 342

Синцов, Г. В.

Особенности освобождения от должности омбудсменов в субъектах Российской Федерации / Г. В. Синцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 18–25.

РОССИЯ И СОВЕТ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей политико-правового сотрудничества Российской Федерации и Совета Европы по вопросам соблюдения прав человека в Чеченской Республике на основе рекомендаций и резолюций Парламентской Ассамблеи Совета Европы, отчетов Комиссара Совета Европы по правам человека, заявлений Европейского комитета по предупреждению пыток и официальных отчетов Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека, Совет Европы, Чеченская Республика, специальная операция на Северном Кавказе.

Abstract. This article is devoted to the analysis of peculiarities of political and law cooperation between the Russian Federation and the Council of Europe on the problem of human rights' protection in Chechen Republic based on the recommendations and resolutions of Parliamentary Assembly of the Council of Europe, reports of Commissioner of the Council of Europe for human rights, statements of European Committee for Prevention of Tortures, and official documents of the Russian Federation.

Key words: Human rights, Council of Europe, Chechen Republic, special operation on the North Caucasus.

События, происходившие в Чеченской республике (ЧР) в 1994–1996 гг. и 1999–2001 гг., оказали значительное влияние на отношения России и Совета Европы, во многом усложнив их.

Еще до вступления нашего государства в данную международную организацию Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в феврале 1995 г. приостановила рассмотрение заявки России на вступление в связи с событиями в Чечне [1]. Ассамблея посчитала, что «хотя политический конфликт между Чечней и центральными властями Российской Федерации является внутренним делом, применяемые этими властями методы представляют собой нарушение международных обязательств России» [2, с. 307].

Российская Федерация стала одной из 10 стран-членов Совета Европы, подверженной процедуре мониторинга со стороны ПАСЕ. По этой причине делегации Совета Европы стали осуществлять регулярные визиты в Россию и приступили к так называемому диалогу с властью и представителями гражданского общества [3]. Генеральный секретарь Совета Европы регулярно публикует доклады о положении в Чеченской Республике, Комитет министров включает положение в Чечне в повестку заседаний. Ситуация в Чечне остается одним из приоритетных вопросов Уполномоченного Совета Европы по правам человека. Три докладчика, назначенные Парламентской ассамблеей Совета Европы, поддерживают регулярный контакт с российскими властями и периодически посещают Чечню и Ингушетию [4]. Кроме этого, Северный Кавказ регулярно посещают представители Европейского комитета по предупреждению пыток (ЕКПП), действующего на основании Европейской конвенции о предупреждении пыток 1987 г.

В связи с началом антитеррористической операции в Чеченской Республике в 1999 г. Северо-Кавказский регион оказался в центре пристального

внимания Совета Европы. ПАСЕ приняла значительное число резолюций и рекомендаций, в которых содержалась критическая оценка ситуации с правами человека в регионе. С одной стороны, Ассамблея признавала «право России охранять свою территориальную целостность, бороться с терроризмом и преступностью и защищать свое население, включая население Чечни и соседних республик и областей, от террористических нападений и актов бандитизма». Вместе с тем осуждалось, «как полностью неприемлемое, нынешнее ведение военной операции в Чечне и ее трагические последствия для большей части населения республики» [5, с. 322].

Официальная Москва была разочарована отношением Совета Европы к чеченскому кризису. По заявлению Государственной думы, органы государственной власти Российской Федерации внимательно отнеслись к Рекомендации ПАСЕ 1444 (2000) и предприняли конкретные шаги, подтверждающие добрую волю, открытость и готовность российской стороны к диалогу. Однако обсуждение вопроса о ситуации в Чеченской Республике на весенней сессии ПАСЕ показало, что многие члены Ассамблеи явно недооценивают масштабы угрозы, исходящей от терроризма, опираются на одностороннюю информацию, подвержены эмоциям¹.

Следует сказать, что руководство страны предприняло определенные шаги по созданию реально действующего механизма решения проблем, касающихся прав человека в Чечне. Было создано Бюро специального представителя Президента РФ по соблюдению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике (с. Знаменское, Чечня), в рамках которого были организованы приемы граждан в большинстве районов Чечни, регистрировались жалобы на нарушения прав человека, был составлен список лиц, пропавших без вести [6]. С февраля 2000 г. по июнь 2002 г. должность Специального представителя занимал Владимир Каламанов. В июле 2002 г. его сменил Абдул-Хаким Султыгов [7].

В состав Бюро вошли три эксперта Совета Европы. Было открыто 12 общественных приемных Бюро, в которые поступило 930 заявлений об исчезновении людей. Было установлено местонахождение 384 человек, из которых 18 погибли. По фактам исчезновения людей было заведено 577 уголовных и розыскных дел. Создана специальная группа по розыску без вести пропавших мирных граждан Чечни.

Кроме того, была создана совместная рабочая группа «Бюро В. А. Каламанова – Генеральная прокуратура» для координации деятельности по рассмотрению жалоб и заявлений жителей Чечни о неправомерных действиях военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Распоряжением главы администрации Чеченской Республики назначен Уполномоченный по защите прав детей Чеченской Республики².

В 2000 г. ПАСЕ в Резолюциях 1221 и 1227 осудила продолжающиеся бомбовые удары федеральных сил в Чеченской Республике, произвольные

¹ Заявление Государственной Думы о позиции Парламентской Ассамблеи Совета Европы по вопросу о ситуации в Чеченской Республике. Москва, 12 апреля 2000 г.

² Ответ официального представителя МИД России А. В. Яковенко на вопрос агентства «Интерфакс» в связи с сообщениями о договоренности России и Совета Европы о проведении временных целевых миссий европейских экспертов в Чечне в 2004 году. МИД России 122-26-01-2004.

аресты, исчезновение людей, мародерство, ограничение свободы СМИ. Ассамблея также призвала государства-члены Совета Европы обратиться в Европейский суд по правам человека в соответствии со ст. 33 Европейской конвенции для начала процесса против Российской Федерации [8]. ПАСЕ призвала Россию использовать политические методы урегулирования конфликта, исследовать все места массового захоронения гражданского населения (Алхан-Юрт, Старопромысловский район, Алди) и предать виновных военных суду и др. [9].

В 2001 г. в Резолюции 1240 и Рекомендации 1498 ПАСЕ сохранила критическую оценку действий федеральных властей в Чечне [10].

10 июля 2001 г. Европейский комитет по предупреждению пыток сделал публичное заявление, содержащее резко негативную оценку сотрудничества России с Комитетом по вопросам обеспечения прав человека в Чеченской Республике.

Поводом для обвинения в «провале» сотрудничества послужило необъективное, по мнению Комитета, расследование событий, имевших место в с. Чернокозово в декабре 1999 г. – начале февраля 2000 г., а также других случаев жестокого обращения с лицами, лишенными свободы на территории Чеченской Республики. Кроме этого, ЕКПП был не удовлетворен предоставленной российской стороной информацией о ходе расследования по факту обнаружения в феврале 2001 г. массового захоронения под Ханкалой¹.

В 2002 г. критическая позиция ПАСЕ по отношению к России была изменена. На январской сессии 2002 г. ПАСЕ приняла Резолюция 1270 (2002), в которой поддержала идею создания консультативного совета, включающего все социальные группы и ассоциации, представителей органов власти Чечни и России, с целью выработки предложений по демилитаризации Республики и установлению демократических процедур, инициативу В. В. Путина о начале переговоров с представителями Масхадова [11].

Осенью 2002 г. по инициативе А.-Х. Султыгова был разработан договор «Об общественном согласии в Чеченской Республике». В течение короткого периода времени Договор подписали более 400 представителей политических партий, общественных организаций, трудовых коллективов. Разработка и подписание Договора сыграли большую роль в подготовке и проведении референдума по принятию Конституции Чеченской Республики [12].

В 2003 г. ПАСЕ вновь выступила с острой критикой ситуации с правами человека на Северном Кавказе. Российские власти обвиняли в неспособности урегулировать конфликт политическими средствами, эффективно противодействовать исчезновению людей и расследовать совершенные преступления [13]. Кроме того, ПАСЕ обвинила Россию в приостановлении мандата экспертов ОБСЕ в Чечне и отсутствии эффективного сотрудничества России с ЕКПП [14].

Объективно следует отметить, что Вооруженные силы РФ и правоохранительные органы на территории Чеченской Республики получили ряд директив в отношении соблюдения прав и свобод граждан. В частности, была проведена работа по соблюдению личным составом федеральных сил действующего законодательства, прав и свобод человека, выполнению положений Конвенции. Кроме этого, был разработан и доведен до личного состава сов-

¹ Письмо зам. министра Е. Гусарова Министру юстиции РФ Ю. Я. Чайке.

местный приказ командующего ОГВ(с) в Северо-Кавказском регионе и военного прокурора ОГВ(с) № 98/110 от 23 апреля 2003 г., согласно которому введена в действие «Инструкция по взаимодействию должностных лиц и других военнослужащих ОГВ(с) с органами военной прокуратуры во время проведения специальных операций в Чеченской Республике, при задержании граждан и разрешению сигналов о совершенных преступлениях». Дополнительно утверждена и доведена до руководства силовых структур, действовавших в контртеррористической операции, директива РОШ № 2 от 26 августа 2003 г. «О порядке проведения специальных операций и оперативно-боевых мероприятий»¹. Кроме этого, был издан приказ № 80, согласно которому все военные подразделения, действующие на территории Чечни, должны иметь опознавательные знаки, а также приказ № 46, который требует присутствия прокурора при проведении обысков и проверке документов [4].

После принятия на всенародном референдуме Конституции в марте 2003 г. институт Специального представителя Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в ЧР был упразднен, а на базе Бюро по обеспечению его деятельности был сформирован Комитет Правительства ЧР по обеспечению конституционных прав граждан РФ, проживающих на территории ЧР, который в 2005 г. преобразован в Управление Президента Чеченской Республики по обеспечению конституционных прав граждан РФ, проживающих на территории ЧР [12].

Изменившаяся в 2003 г. ситуация в Республике потребовала пересмотра мандата экспертов Совета Европы, который уже перестал соответствовать задачам, стоящим перед федеральными и республиканскими властями. Теперь эксперты Совета Европы стали привлекаться по просьбе российской стороны к выполнению конкретных мероприятий в рамках реализации согласованной на 2004 г. программы сотрудничества для Чечни. Эта программа охватывает такие направления, как экспертиза законодательства ЧР, развитие местного самоуправления, психологическая и социальная реабилитация женщин и сирот, подготовка сотрудников правоохранительных органов, местной милиции и исправительных учреждений в области прав человека, проведение семинаров и обучение чеченских студентов по тематике прав человека и т.п. В этой связи можно говорить о том, что сотрудничество между Россией и Советом Европы вышло на более высокий уровень – от простого мониторинга в области прав человека к осуществлению реальных программ по налаживанию мирной жизни в Чечне и оказанию содействия в становлении республиканских органов власти и гражданского общества.

Значительный вклад в решение задачи правового просвещения и формирования гражданского общества в Чеченской Республике внесла совместная Программа сотрудничества России и Совета Европы по поддержанию демократических процессов в Чеченской Республике [15].

Несмотря на положительную динамику, 10 июля 2003 г. ЕКПП сделал повторное публичное заявление, в котором содержалась резко негативная оценка сотрудничества России с Комитетом в части, касающейся ситуации в Чеченской Республике. При этом ЕКПП, вопреки своему мандату, сосредото-

¹ Пятый периодический доклад Российской Федерации о соблюдении Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

чил основное внимание на характере спецопераций федеральных сил, ходе расследования дел в отношении российских военнослужащих, оценке шагов по политическому урегулированию в Чечне и т.д. Российская сторона отвергла обвинения ЕКПП¹.

В июле и сентябре 2004 г. Комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хиль-Роблес совершил официальный визит в Российскую Федерацию. В программу визита было включено посещение Чеченской Республики. В своем официальном отчете Альваро Хиль-Роблес нашел ситуацию в регионе трудной, отметил отсутствие восстановительных работ в г. Грозном, сложности с получением компенсации от государства, озвучил проблему исчезновения людей, безнаказанности, жестокого обращения с задержанными и др. [16].

После многочисленных террористических актов (убийство Президента А. Кадырова, захват двух самолетов 24 августа 2004 г., взрыв около станции метро «Рижская» в Москве, захват заложников в г. Беслане) позиция Совета Европы по отношению к России изменилась. Теперь ПАСЕ осуждала действия бандформирований и призывала официальные власти не допускать новой эскалации конфликта [17]. В Резолюции 1403 ПАСЕ, однако, отметила, что в расследовании совершенных преступлений было достигнуто мало прогресса, а комментарии, полученные от официальных властей, противоречивы и неполны [18].

На январской сессии 2006 г. ПАСЕ призвала Россию опубликовать все отчеты о визитах ЕКПП и отчеты России по принятым мерам для исправления ситуации, выразила сомнения в эффективности принимаемых мер по наведению порядка в Чечне, рекомендовала организовать дополнительный инструктаж для сотрудников правоохранительных органов в целях соблюдения с их стороны прав человека, поддержала деятельность НПО в регионе и выразила обеспокоенность принятым в России законом, регулирующим деятельность данных организаций, который может препятствовать их эффективной работе [19].

25–26 февраля 2006 г. Чеченскую Республику вновь посетил с официальным визитом Комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес. В своем отчете он отметил улучшение материальной базы изолятора временного содержания в Чернокозово, реконструкцию Республики, подчеркнул важность расследования преступлений исчезновения людей и изучения мест массового захоронения людей, обратил внимание на необходимость исследования неизвестных эпидемий, решения экологических проблем, проблем безработицы, коррупции [20].

С 20 февраля 2006 г. в Чеченской Республике стал действовать институт Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике [12]. С 2006 г. Уполномоченный опубликовал три годовых отчета о проделанной работе и три специальных доклада, посвященных проблеме установления местонахождения похищенных и пропавших без вести граждан. В соответствии с докладами в Республике до сих пор не решена проблема похищения людей; расследование преступлений, произошедших во время контртеррористической операции, должным образом не проводится; межведомственная группа

¹ Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания. Справка МИД России. Октябрь 2003 г.

на федеральном уровне для расследования указанных преступлений, создание которой было предложено А. Кадыровым, не создана. Вследствие такого положения дел гражданское население ощущает собственную незащищенность, несостоятельность и коррумпированность республиканской и федеральной власти, нарастает апатия к происходящим мирным политическим процессам [21].

С 27 февраля по 1 марта 2007 г. новый Комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг находился с визитом в Чеченской Республике. Комиссар выразил удовлетворение значительным прогрессом в восстановлении чеченских сел и городов, в особенности г. Грозного. В то же время Томас Хаммарберг призвал власти продолжить работу по расследованию совершенных преступлений, в том числе внести ясность в многочисленные дела, касающиеся похищения граждан и все еще остающиеся нераскрытыми. Комиссар выразил поддержку идее создания Комиссии по контролю над сбором информации по исчезновениям людей. Эта Комиссия должна будет объединить в себе представителей федеральных и республиканских властей, гражданской общественности и экспертов. Комиссар выразил обеспокоенность серьезными проблемами в сегодняшнем функционировании системы правосудия Чеченской Республики. Во время посещения грозненской тюрьмы он убедился в существовании жестокого обращения и применения пыток в ходе следствия со стороны представителей правоохранительных органов как федерального, так и республиканского уровня [22].

13 марта 2007 г. ЕКПП сделал третье публичное заявление относительно ситуации в Чеченской Республике. Во время визита в Чечню в 2006 г. эксперты Комитета отметили прогресс в условиях содержания под арестом. Однако ЕКПП отметил, что сотрудники правоохранительных органов применяют пытки, незаконное задержание, а эффективное расследование данных фактов не проводится. После своих визитов в Российскую Федерацию в 2006 г. Комитет предоставил письменные замечания, однако реакция федеральных властей, по мнению ЕКПП, была несовместима с тяжестью обнаруженных на территории Чечни преступлений, что послужило поводом для обвинения в провале сотрудничества с российскими властями и последующего публичного заявления [23].

Сегодня ситуацию с соблюдением прав человека в Чеченской Республике нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, открытое вооруженное противостояние прекращено. В регионе начато мирное строительство, улучшается социально-экономическая ситуация. С другой стороны, систематически происходят террористические акты в Чечне и Ингушетии, большинство случаев исчезновения людей по-прежнему не раскрыто, не исследуются места массовых захоронений людей, по заявлению Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике, директивы не выполняются на практике, а приказы не являются надежным средством защиты гражданского населения [20]. Проблема нарушения прав человека в Чеченской Республике активно используется международными институтами для небезосновательной критики правящего в России политического режима.

Отношения с ЕКПП осложнены бюрократической волокитой: официально взаимодействие с Комитетом должно находиться в ведении Министерства юстиции, однако Министерство иностранных дел ведет официальную переписку, каждый раз посылая официальные запросы в Минюст и МВД о ситуации в той или иной области. Эффективной межведомственной комис-

сии, о необходимости создания которой не раз заявлял МИД, до сих пор не существует.

В связи с этим необходимо организовать полномасштабное информационное освещение ситуации с правами человека на Северном Кавказе, расследовать все случаи нарушения прав человека и передать виновных в руки правосудия, а также создать эффективную межведомственную комиссию (Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, федеральный и республиканские уполномоченные по правам человека) по взаимодействию с Европейским комитетом по предупреждению пыток.

Список литературы

1. Отношения России с Советом Европы в свете чеченской проблемы. К сообщению о визите на Северный Кавказ делегации Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) (по материалам Справочной службы ИТАР-ТАСС) // ИНФО-ТАСС. – 22.06.2000.
2. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1055 по заявке России на вступление в Совет Европы в свете ситуации в Чечне от 2 февраля 1995 г. // Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. – 1995. – Приложение № 4.
3. Council of Europe parliamentarians urge Russia to improve its democracy. 22.06.2005. – URL: <http://assembly.coe.int/ASP/Press/StopPressView.asp?ID=1655>
4. Российская Федерация: Чеченская Республика – «нормализация» в чьем представлении? «МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ» Индекс МА EUR 46/027/2004 (Для свободного распространения). Июнь 2004 г. – URL: <http://amnesty.org.ru/pages/ruseur460272004>
5. Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1444 «Конфликт в Чечне» от 27 января 2000 г. // Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. – 2000. – Приложение № 9.
6. **Горшкова, С. А.** Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению / С. А. Горшкова // ЖРП. – 2001. – № 6.
7. Российская Федерация: ответ Совета Европы на ситуацию в Чеченской Республике // Российская Федерация и Совет Европы. – 2004. – № 1. – С. 31–33.
8. Resolution 1221 (2000) Conflict in the Chechen Republic. Follow-up to Recommendations 1444 (2000) and 1456 (2000) of the Parliamentary Assembly. – URL: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta00/ERES1221.htm>
9. Resolution 1227 (2000) Conflict in the Chechen Republic: recent developments (follow-up to Recommendations 1444 (2000) and 1456 (2000) of the Parliamentary Assembly). – URL: <http://assembly.coe.int/documents/AdoptedText/TA00/ERES1227.htm>
10. Resolution 1240 (2001) Conflict in the Chechen Republic: recent developments; Recommendation 1498 (2001) Conflict in the Chechen Republic: recent developments. – URL: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta01/ERES1240.htm>
11. Resolution 1270 (2002) Conflict in the Chechen Republic. – URL: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/TA02/ERES1270.htm>
12. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике в 2006 году / Нухажиев Нурди Садиевич. – Грозный, 2007. – 216 с.
13. Resolution 1315 (2003) Evaluation of the prospects of a political solution to the conflict in the Chechen Republic. – URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta03/ERES1315.htm>
14. Resolution 1323 (2003) The human rights situation in the Chechen Republic. – URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta03/ERES1323.htm>
15. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике в 2008 году. – URL: http://chechenombudsman.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=229&Itemid=192

16. Доклад Альваро Хиль-Роблеса, Комиссара по правам человека, о его визите в Российскую Федерацию с 15 по 30 июля 2004 года, с 19 по 29 сентября 2004 года Комитету Министров и Парламентской Ассамблее. – URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=984559&Site=CommDH&BackColorInternet=FEC65B&BackColorIntranet=FEC65B&BackColorLogged=FFC679>
17. Resolution 1402 (2004) The political situation in the Chechen Republic: measures to increase democratic stability in accordance with Council of Europe standards. – URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta04/ERES1402.htm>
18. Resolution 1403 (2004) Human rights situation in the Chechen Republic. – URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta04/ERES1403.htm>
19. Resolution 1479 (2006) Human rights violations in the Chechen Republic: the Committee of Ministers' responsibility vis-à-vis the Assembly's concerns. – URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta06/ERES1479.htm>
20. Report by Mr Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on his visit to the Chechen Republic of the Russian Federation 25–26 FEBRUARY 2006 For the attention of the Committee of Ministers and the Parliamentary Assembly. – URL: <http://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=979423&Site=CommDH&BackColorInternet=FEC65B&BackColorIntranet=FEC65B&BackColorLogged=FFC679>
21. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике «Проблема установления местонахождения похищенных и пропавших без вести граждан». 16.04.2009. – URL: http://chechenombudsman.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=141&Itemid=193
22. Предварительные заключения по результатам визита Комиссара по правам человека в Чеченскую Республику (с 27 февраля по 1 марта 2007 года). – URL: <http://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1104913&Site=CommDH&BackColorInternet=FEC65B&BackColorIntranet=FEC65B&BackColorLogged=FFC679>
23. Public statement concerning the Chechen Republic of the Russian Federation (13 March 2007). – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/rus/2007-17-inf-eng.htm>

Кузьмина Юлия Александровна
ассистент, кафедра восточных языков
и лингвокультурологии, Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Kuzmina Yuliya Alexandrovna
Assistant, sub-department of oriental
languages and linguistic culture,
Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky

E-mail: odintsova-julia@rambler.ru

УДК 327.7

Кузьмина, Ю. А.

Россия и Совет Европы: проблема соблюдения прав человека в Чеченской Республике / Ю. А. Кузьмина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 26–33.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СВЕТЕ МИРОВЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье анализируется круг вопросов, касающихся перспективы национального государства. Также рассматривается одна из ключевых проблем современности – национальная идентичность в процессе трансформации обществ.

Ключевые слова: национальное государство, глобализация, интеграционные процессы, идентичность, цивилизация, гражданство, космополитизм.

Abstract. The article deals with the scope of problems regarding the perspective of national security. Also the article considers a key problem of modernity as national identity in the process of society transformation.

Key words: nation state, globalization, integration processes, identity, civilization, citizenship, cosmopolitanism.

В условиях, когда сложность взаимосвязей общества не поддается регулированию внутритерриториальной политикой, когда традиционные представления о внутригосударственной и международной политике подвергаются серьезнейшим изменениям, когда транснационализация хозяйственной жизни привела к формированию глобальной экономики, когда девальвируются старые механизмы восприятия мира и формируется новое общечеловеческое сознание, государство встает на безальтернативный путь обособления. Процесс адаптации может проявляться переосмыслением государством собственной роли и перераспределением своих функций.

Сегодня мировая общественность, включая ее политическую и научную элиты, все в большей степени склоняется к признанию правового социального государства в качестве оптимального для нынешней фазы развития человечества. В далеком прошлом остались макиавеллевские времена, когда для удержания дружбы народа, по мнению мыслителя, достаточно было государю не угнетать его [1, с. 69]. В нынешний исторический период человек занимает центральное положение в процессе реализации государственных функций. Результаты двух мировых войн оказались достаточным основанием для достижения общемирового консенсуса в вопросах по правам человека. Закрепление человеческого достоинства в качестве универсальной ценности во Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. [2] заложило начало того международного политико-правового состояния, которое сегодня в научно-интеллектуальных кругах циркулирует как режим прав человека. В дальнейшем были приняты десятки международно-правовых актов, в которых были детализированы права человека по разным отраслям общественной и частной жизни, учреждено множество международных и неправительственных организаций по обеспечению заявленных прав и свобод человека и личности. В свете демократизации, охватившей подавляющее большинство государств, права человека выступают чуть ли не в роли центрального критерия правомерности международных отношений. В связи с этим С. Сассен не от-

рицает вероятности возникновения «режима прав человека» как главного эффекта текущих международных процессов [3].

В юриспруденции принято классифицировать внутренние и внешние функции современного постиндустриального государства следующим образом: к внутренним функциям относятся обеспечение народовластия, экономическая, социальная и культурная функции, охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка, природоохранительная функция и т.д.; к внешним – защита от нападения извне, поддержание международного правопорядка, борьба с международной преступностью, поддержание международных политических отношений в целях разрешения глобальных проблем современности, участие в международной охране окружающей среды, интеграция в мировую экономику и т.д. Нетрудно заметить, какую высокую степень условности приобрела такого рода классификация. Совершенно ясно, что многие внутренние и внешние функции имеют взаимообуславливающий характер и что практически не существует ни одной функции, которая выполняла бы сугубо внутреннюю или внешнюю задачу. Таким образом, несмотря на такую теоретическую систематизацию, на практике аналогичные внутренние и внешние функции государства сливаются в единую функцию определенной сферы регулирования. В данном контексте интересным представляется единая классификация функций государства. Это относительно новая идея в праве и социологии. При таком подходе любое государство осуществляет следующие функции:

– политическую (обеспечение территориальной и общественной безопасности, суверенитета, национального согласия, поддержание законности и т.д.);

– экономическую (обеспечение функционирования и развития экономики, ведение внешнеэкономических отношений и т.д.);

– социальную (охрана прав и свобод населения или его части, реализация мер по удовлетворению социальных потребностей населения, повышению уровня жизни и т.д.);

– идеологическую (поддержание определенной идеологии, организация образования, функции в сфере науки и культуры и т.д.);

– экологическую (постоянная организация природоохранительных мер, участие в международной охране окружающей среды и т.д.).

При этом функции государства не носят статического характера и в конкретно-исторических условиях могут подвергаться изменениям. В теории существует много версий перераспределения функций государства, продиктованных уровнем развития современного информационного общества. Как правило, речь идет о разгрузке государства от некоторых функций за счет международных институтов и неправительственных организаций. Довольно интересную модель представляет С. Удовик, в которой перераспределение государственных функций производится по следующим макроуровням:

1) *надгосударственный*¹. Часть своих функций государство делегирует на вышестоящий уровень – цивилизационный или международный;

¹ Мы считаем такое определение не совсем корректным для обозначения данного макроуровня, так как принцип надгосударственности присущ лишь нескольким международным организациям. Формулировка автора, однако, оставлена неизменной.

2) *нижний*. Часть функций государства переходит на нижний уровень – региональный или локальный, что объясняется заботой о личности;

3) *неформальные, негосударственные гражданские организации*;

4) *государство как таковое*. За ним остаются следующие функции: право делегирования полномочий и ответственности на все уровни, создание благоприятной среды обитания и ведения бизнеса, поддержание порядка, мониторинг экологии и т.д. и т.п. [4, с. 391–394].

В современных реалиях, когда, как пишет А. Неклесса, «наряду с прежней политической схемой, на планете складывается транснациональная, геоэкономическая модель властных отношений» [5, с. 10], государство терпит кризис (или как минимум переживает переходный период) как субъект, устанавливающий целостность институтов управления и принципы властвования и контроля, как базисная система правления и порядка, как наивысшая инстанция, формирующая общественно-идеологическую атмосферу. Что касается роли и функций государства в постсовременную эпоху, мнения исследователей сгруппировались по следующим принципиальным позициям:

– *девальвация государственности*. Довольно приличный состав современных светил политической мысли строго убеждены, что государственность в буквальном смысле обесценивается (или, в крайнем случае, минимизируется ее роль), становясь не способной принять вызовы современности. Они полагают, что процессы глобализации кардинальным образом меняют суть государственности, которая на горизонте недалекого будущего представляется полной фикцией. Данная концепция отличается множеством вариаций, каждая из которых занимает определенное положение между умеренностью и гиперглобализмом;

– *усиление национального государства*. Это абсолютно противоположное предыдущему истолкование процессов новейшей эпохи с точки зрения их влияния на роль государства. Трубадуры этой концепции не только отрицают всякую девальвацию государственности, но и утверждают обратные тенденции. Они полагают, что научно-технические достижения и усовершенствование международной политической системы вывели национальное государство на новый уровень влияния и контроля;

– *альтернативное видение: адаптация*. Это скептическая позиция на выше представленные полярные видения современных реалий. Когорта приверженцев этой точки зрения считают, что национальное государство приспосабливается к новой среде и что в крайнем случае уместно говорить о структурных трансформациях, что не есть девальвация или усиление контроля. Следовательно, национальное государство находится в длительной стадии выработки эффективных механизмов для отражения вызовов постсовременной эпохи.

Таким образом, не существует доминирующей концепции, доводы которой своей весомостью затмили бы все альтернативные видения. По всей вероятности, государственность подвергнется определенным метаморфозам, но однозначно ответить на вопрос – обесценится или усилится ее роль или же ее суть останется неизменной, к моменту написания настоящей статьи, на наш взгляд, представляется некорректным.

Одним из важнейших вопросов глобализационного контекста, привлекающего внимание научного мира, остается перспектива национальной идентичности. «Пространство опыта индивида больше не совпадает с национальным пространством» [6, с. 38], – полагает У. Бек. Немало работ было по-

священо перспективе национальной идентичности, однако среди них не просматривается более или менее доминирующей линии, что вполне объяснимо по ряду причин. Во-первых, объективно трудно сделать прогнозы относительно перспективы национальной идентичности в общей неопределенности судьбы национального государства. Во-вторых, существуют немало специалистов, весьма скептически настроенных на революционность глобализации и считающих утрату национальной идентичности одним из постулатов так называемой глобалистской мифологии, ставших закоренелыми стереотипами в массовом сознании. В-третьих, прогнозы не совпадают даже у тех, кто не сомневается в том, что национальная идентичность подвергается эволюции.

«Своим историческим успехом, – пишет Ю. Хабермас, – национальное государство обязано тому обстоятельству, что оно заменило распадавшиеся корпоративные узы раннего новоевропейского общества солидарной взаимосвязью между гражданами государства» [7, с. 211]. Теперь можно сказать, что эта «солидарная взаимосвязь», ставшая основой для формирования национальной идентичности под воздействием транснациональных уз глобального общества, ослабевает. На проблематике национальной идентичности в свете глобализационных процессов сфокусировано внимание сразу трех дисциплин: социологии, культурологии и политологии. Относительно перспективы национальной идентичности перед нами обрисовываются контуры вероятно будущего в следующих четырех сценариях.

1. *Самоидентификация на базе гражданства.* Такой сценарий кажется вероятным с учетом размаха современных демократизационных процессов. «В языке юристов «гражданство», «citoyennete» или «citizenship», – пишет Ю. Хабермас, – долгое время означало лишь подданство или национальность; лишь с недавнего времени это понятие расширяется и приобретает смысл гражданского статуса, который описывают через гражданские права» [8, с. 217]. Теперь это понятие обозначает не только членство в государстве, но и определенный правовой статус и юридическое содержание. В наши дни гражданство – в первую очередь юридическое понятие, определяющееся как устойчивая и правовая связь между человеком и государством. Оно, можно сказать, полностью утратило всякую этническую составляющую.

Международный пакт о гражданских и политических правах еще в 1966 г. на международном уровне узаконил право каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную (ст. 12) [9]. Развитие коммуникационных технологий по геометрической прогрессии объективно повысило не только степень реализуемости данного права, но и собственно спрос на его реализацию. Нет никаких оснований прогнозировать в неотдаленном будущем отказ от общепланетарного демократизационного курса (за вычетом небольшого числа стран) и регресс в интеграционных процессах. Однако есть все основания предположить, что демографическое состояние подавляющего большинства стран склонно к быстрым изменениям и что этот процесс будет ускоряться. В таких условиях на базе института гражданства могла быть сформирована менее жесткая конструкция идентичности, которая успешно заменила бы национальную идентичность.

2. *Активизация национального самосознания.* Устойчивое развитие в условиях глобализации представляется чуть ли не неосуществимой задачей. Контрастность в распределении экономических благ становится главной характерной чертой не только при сопоставлении регионов и государств, но и

при рассмотрении состояния внутри обществ. Обострение проблем экологического и демографического плана воспринимается как результат бешеного темпа глобализации. Наконец, процессы в сфере культуры и эмоционально-трагическое осознание утраты национальной идентичности замыкают список основных посылок активизации национального самосознания. В этой связи интересным представляется наблюдение Э. Тодда на примере ряда мусульманских стран. Он приходит к выводу, что за переходом из состояния повсеместной неграмотности к общему уровню образованности, как правило, следует всплеск национализма [10]. С усилением глобализационных процессов мы четко наблюдаем рост националистических настроений. Такая ответная реакция на неумолимые тенденции современности «выказывается» в полной гармонии с парадигмой антиглобализма. Справедливости ради нужно подчеркнуть, что в антиглобалистском движении, как овеществленной форме антиглобалистского дискурса, процент участия по этнонациональным вопросам крайне невелик. В этом направлении относительно преуспели международные неправительственные организации экологического толка. Да и в целом антиглобалистское движение представляет собой по большей части артикулированную оппозицию грядущим изменениям, нежели дееспособный упреждающий механизм, способный предотвратить их наступление. Что касается дискурса антиглобализма, то, в отличие от парадигмы неолиберализма, он являет собой конгломерат размытых, несвязных и несконструированных идей.

Это ни в коем случае не означает, что вероятность возникновения националистических устремлений сводится к минимуму. Весь человеческий опыт показал, что регрессы столько же (если не больше) свойственны ходу времени, сколько и развитие. Все прогнозы, даже самые авторитетные, по большому счету всего лишь гипотезы, а не проекции будущего. При таких обстоятельствах было бы весьма заблаговременно сбрасывать со счетов вероятность усиления национально-этнического фактора.

3. *Усиление цивилизационного фактора.* На фоне активных политических интеграционных процессов и формирования глобальной экономики большой интерес приобретает цивилизационный фактор. Весьма актуальным представляется вопрос: облик будущего миропорядка в какой мере будет определяться межцивилизационными отношениями? В связи с этим возникает ряд вопросов, без решения которых невозможно эффективно определить роль цивилизаций в складывающемся миропорядке. Во-первых, нужно разобраться в том, что берется за основу для определения современных цивилизаций, во-вторых, попытаться установить перечень существующих цивилизаций и, в третьих, оценить реальные возможности каждой из них выступать в качестве нового геополитического игрока.

Мы не будем углубляться в этимологию термина «цивилизация», потому что для разностороннего представления сведений о его возникновении и изложения существующих формулировок понадобилось бы процитировать как минимум несколько десятков авторов, что могло бы стать рассредоточивающим абстрагированием в ущерб предмету рассмотрения.

Понятие «цивилизация» развивалось в течение 350 лет после своего появления, приобретая новую смысловую нагрузку. У А. Тойнби, заслугу которого в изучении цивилизаций нельзя переоценить, мы находим следующие элементы цивилизационной идентичности: религия, история, язык, обычаи и культура [11]. С. Хантингтон ограничивается только религиозным принципом

в определении цивилизаций. Он полагает, что важнейшие границы, разделяющие человечество, будут определяться культурой и преобладающие источники конфликтов будут находиться в маргинальных зонах соприкосновения цивилизаций [12, с. 754]. Реакцией на это стало идея М. Хатами, в 1998 г. выдвинувшего альтернативное мировидение, где «столкновение» заменено «диалогом» и которое предполагает многополюсный и мультикультурный мир. Это стало темой широчайших дискуссий по всему миру. Тем не менее и эта парадигма не отменяет значения цивилизационной идентичности. Ссылаясь на демографическую ситуацию в большинстве государств, И. Василенко пишет, что «многие страны сегодня находятся одновременно внутри одной цивилизации и сами состоят из множества цивилизаций» [13, с. 74].

Несмотря на активизацию интеграционных процессов в рамках отдельных цивилизационных ареалов, культурный фактор как источник самоидентификации все еще имеет слабое действие. Однако сегодняшние реалии дают достаточно оснований предположить, что противостояние по схеме «мы – они» может перейти на цивилизационный уровень.

4. *Торжество космополитизма.* Этот сценарий представляет, пожалуй, самый распространенный прогноз в научной литературе о грядущих переменах. Корни космополитизма берут начало с античной греческой философии времен Антисфена и Диогена, суть которого заключается в его этимологии (греч. *kosmopolites* – гражданин мира). Идея «единства человеческого рода» заложена в фундаменте многих конфессий. Но эта универсалистская и крайне утопическая ценностная установка служила некой целью, к чему должен был быть устремлен ход человеческого развития. Сегодня, однако, часто говорится о космополитизме как о возможных (незапланированных) последствиях определенных процессов. Пока нереалистичным представляется также кантианская идея мирового государства.

Приверженцы данного сценария исходят из реальных обстоятельств и тенденций современности. Ускорение интеграционных процессов и всеобщая демократизация, размах транснационализации и формирование глобальной экономики, технологизация и возникновение информационного измерения – все это, по их мнению, ведет к упадку национального и цивилизационного самосознания. Своеобразную модель будущего глобального общества представляет У. Бек. Под «космополитизацией» автор подразумевает «внутреннюю глобализацию», трансформирующую «содержание социального и политического внутри национальных государств» [6, с. 25]. Он не прогнозирует утраты национальной идентичности, но считает, что по аналогии поствестфальского периода, когда государство было отделено от церкви, нация в результате космополитизации будет отделена от государства.

Можно однозначно согласиться с П. Бергером в том, что изоляция от глобальной культуры обязательно требует изоляции и от глобальной экономики [14, с. 17]. Эпоха глобализации придала новую форму старой идее космополитизма, которая приобрела особую актуальность. Этот сценарий, сохраняя известную долю утопизма, на наш взгляд, является не менее реалистичным, чем три предыдущих.

Список литературы

1. **Макиавелли, Н.** Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли ; пер. с итал. Г. Муравьевой, Р. Хлодовского. – СПб. : Азбука – классика, 2007. – 288 с.

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека : сб. междунар. документов. – М. : Юридическая литература, 1998. – 608 с.
3. **Sassen, S.** Losing Control?: Sovereignty in an Age of Globalization / S. Sassen. – N. Y. : ColumbiaUniversity Press, 1996. – 158 p.
4. **Удовик, С. Л.** Глобализация: семиотические подходы / С. Л. Удовик. – М. : Рефл-бук, 2002. – 480 с.
5. **Неклесса, А. И.** Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века / А. И. Неклесса // Российские стратегические исследования / под ред. Л. Л. Фитуни. – М. : Логос, 2002. – 192 с.
6. **Бек, У.** Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, № 1. – С. 24–53.
7. **Хабермас, Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; пер с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.
8. **Хабермас, Ю.** Гражданство и национальная идентичность / Ю. Хабермас // Демократия, разум и нравственность. – М. : Академия, 1995. – 247 с.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Права человека : сб. междунар. документов. – М. : Юридическая литература, 1998. – 608 с.
10. **Тодд, Э.** После империи. Pax Americana – начало конца / Э. Тодд. – М. : Международные отношения, 2004. – 240 с.
11. **Тойнби, А.** Постигание истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
12. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Василий М. А. Политология : хрестоматия. – М. : Гардарики, 2000. – 843 с.
13. **Василенко, И. А.** Политическая глобалистика / И. А. Василенко. – М. : Логос, 2000. – 360 с.
14. **Бергер, П.** Культурная динамика глобализации / П. Бергер // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер с англ. В. В. Сапова ; под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

Ахвердян Геворг Каренович
аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет

Akhverdyan Gevorg Karenovich
Postgraduate student, Saint
Petersburg State University

E-mail: h.georg@mail.ru

УДК 327

Ахвердян, Г. К.

Национальное государство и национальная идентичность в свете мировых интеграционных процессов / Г. К. Ахвердян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 34–40.

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические этапы и особенности политической модернизации России. Раскрываются содержание и результаты этого процесса на либеральном, социалистическом и постсоциалистическом этапах. Обосновывается тезис об уникальности российской политической модернизации.

Ключевые слова: политическая модернизация, демократия, Россия, исторический феномен.

Abstract. The article discusses historical stages and characteristics of political modernization in Russia. The author reveals the contents and results of this process at the liberal, socialist and post socialist. The author proves the thesis about the uniqueness of the Russian political modernization.

Key words: political modernization, democracy, Russia, a historical phenomenon.

Политическая модернизация является составной частью исторического процесса модернизации – перехода от традиционного к современному обществу (модерну), т.е. обществу с индустриальной, рыночной (капиталистической) экономикой, правовым регулированием общественных отношений и политической системой либерально-демократического типа [1, с. 270–271]. Таким образом, понятие «политическая модернизация» обозначает становление политических систем современного типа, включающее институционализацию прав и свобод человека, свободных выборов органов власти, политического и идеологического плюрализма, разделения властей и др.

Исторически модернизация раньше всего началась в странах Запада, и современное общество раньше всего сформировалось здесь. Позже подобный процесс модернизации в разных формах (выборочной модернизации, вестернизации) охватил и многие страны за пределами Запада. Поскольку в основе этой модернизации лежала экономическая деятельность, основанная на частной собственности, а ее главным результатом было утверждение экономической, политической и культурной свободы, такой тип модернизации можно назвать **либеральным**.

Наряду с либеральной модернизацией в XX в. в ряде стран была осуществлена **социалистическая** модернизация, результатом которой стало создание современного общества социалистического типа с новым (по сравнению с либерально-демократическими системами) типом политических систем.

В конце XX в. в большинстве социалистических стран начался процесс **постсоциалистической** модернизации – переход от социалистического к либерально-рыночному обществу.

Анализ политической модернизации России показывает, что она, по-видимому, является во многом **уникальным историческим феноменом**, как с точки зрения этапов, так и содержания этого процесса.

В ходе процесса политической модернизации страна прошла три различных по продолжительности этапа, в рамках которых были реализованы все три вышеназванных типа модернизации: либеральный, социалистический

и постсоциалистический, причем каждый был реализован с существенными особенностями по отношению к другим странам.

На путь либеральной (капиталистической) модернизации Россия встала еще в начале XIII в. – раньше других государств (Османской империи, Японии) за пределами Запада. Началом такой модернизации европейского типа стали реформы Петра I на основе использования опыта европейских стран в сфере индустриализации, государственного управления, организации экономической жизни, культуры. В значительной мере такая модернизация имела «догоняющий» характер по отношению к странам Запада, а в сфере культуры она принимала характер вестернизации. Модернизационные изменения осуществлялись в виде реформ «сверху», т.е. в решающей мере зависели не от процессов на уровне гражданского общества, а от власти в условиях абсолютной монархии (моноцентрического и персоналистского режима, где главную роль играл император, его взгляды и предпочтения).

При этом политическая модернизация происходила с сильным отставанием от экономической. С точки зрения развития гражданской и политической свободы, становления демократических институтов наиболее важное значение имеют освобождение дворян от обязательной государственной службы и превращение их в свободных землевладельцев, создание городского самоуправления, реформы Александра II (крестьянская, земская, судебная, военная), столыпинская аграрная реформа и особенно политическая реформа Николая II, осуществленная в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Последняя реформа открыла путь развитию парламентаризма, политических свобод, многопартийности и института свободных выборов. Таким образом, в России сформировались основы демократической системы: в результате земской реформы Александра II была создана система земского самоуправления на губернском и уездном уровнях, реформа Николая II создавала демократические институты на общегосударственном уровне.

Таким образом, в конце имперского периода в России были заложены основы демократии, обеспечен высокий уровень политической свободы, соответствовавший в значительной мере уровню западных стран и, очевидно, самый высокий в незападном мире. В Российской империи начала XX в. были созданы предпосылки для дальнейшего демократического развития и превращения ее в конституционную парламентскую монархию. Вместе с тем и в этих условиях сохранялся моноцентрический и персоналистский политический режим, при котором главным центром, институтом власти оставался император, от личности которого в значительной мере зависела дальнейшая модернизация страны.

Заключительной фазой либерального этапа российской модернизации стала Февральская революция 1917 г., открывшая путь еще более радикальным либерально-демократическим преобразованиям в рамках парламентской республики с перспективой всеобщих выборов Учредительного собрания и принятия конституции. Однако этот процесс был прерван в результате социалистической революции, которая стала началом советского этапа **социалистической модернизации**. С точки зрения официальной советской идеологии содержанием этого этапа было строительство социализма и коммунизма, в ходе которого решались и типичные модернизационные задачи. Например, были осуществлены ускоренная индустриализация страны, урбанизация, ликвидация неграмотности, создание новой правовой системы и др.

С позиции модернизационной парадигмы строительство социализма и коммунизма можно назвать **обгоняющей** модернизацией, поскольку ее целью было создание первого в мире социалистического, а затем коммунистического общества, которое рано или поздно должно стать универсальной моделью для всего человечества. Другими словами, социалистическая модернизация представляла собой попытку обогнать развитые капиталистические страны на пути общественного прогресса.

С точки зрения политического строя социалистическая модернизация привела, во-первых, к уничтожению всех демократических институтов предшествующего периода и замене их качественно новой политической системой – «диктатурой городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [2, с. 199]. Юридически эта диктатура была установлена первой советской (и первой российской) конституцией в 1917 г. Таким образом, **первая в истории России конституция легитимизировала первую в истории политическую систему диктатуры пролетариата**, главной функцией которой было построение первого в мире социалистического общества.

На деле эта диктатура означала установление в стране тоталитарного режима во главе с коммунистической партией, характерными чертами которого стали массовый террор и террористический контроль над обществом. По мере выполнения своих задач (подавление сопротивления, уничтожение политических противников) диктатура пролетариата переросла в соответствии с официальной идеологией в **«социалистическое общенародное государство»**. На конституционно-правовом уровне вышеназванная концепция была закреплена в Конституции СССР 1977 г. (последней советской конституции), которая констатировала построение «развитого социалистического общества, общества «подлинной демократии», где главным направлением развития политической системы является «дальнейшее развертывание социалистической демократии» [2, с. 112–114], а высшей целью – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление [2, с. 112–114].

В то же время эта конституция закрепляла особое положение коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества, «ядра политической системы» [2, с. 113], не предусматривала существования многопартийности. Хотя она устанавливала выборы депутатов Советов всех уровней на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, но отсутствие многопартийности (оппозиционных партий) изначально исключало политическую конкуренцию в ходе этих выборов: выборы были безальтернативными.

Таким образом, реально социалистическая демократия характеризовалась отсутствием всех важнейших, общепризнанных в то время атрибутов демократии: свободных выборов власти, политического и идеологического плюрализма, оппозиции, подлинной политической свободы, независимых средств массовой информации и т.д. Она воспроизводила в новых политических условиях моноцентрический характер власти, где главным ее центром («ядром политической системы») была Коммунистическая партия во главе с Генеральным секретарем, личность которого играла существенную роль в политике.

С царским советский моноцентризм сближала неограниченность власти и у царя, и у коммунистической партии, которая стояла над всеми органами

власти (была их «ядром»). В то же время советский моноцентризм имел и существенные отличия от царского. Если последний базировался на традиции самодержавия, то первый – на конституции. Кроме того, они несопоставимы и по объему властного регулирования: царский не имел тотального характера, тогда как советский осуществлял всеохватывающее властное регулирование всех сфер общественной жизни.

Такая модель «социалистической демократии» просуществовала на протяжении всего советского этапа, хотя формы и методы осуществления власти при этом менялись: в послесталинский период политический режим приобрел более либеральный характер, хотя политическое инакомыслие и тем более оппозиционная деятельность по-прежнему не допускались.

Коренной перелом в развитии советского государства произошел в условиях перестройки, начавшейся во второй половине 1980-х гг. по инициативе нового руководителя правящей коммунистической партии М. С. Горбачева (моноцентризм и персонализм власти в очередной раз сыграли важнейшую роль в развитии страны). Перестройка предполагала реформирование общества с целью его демократизации. Эта модернизация социализма первоначально проявилась лишь в некоторой либерализации режима: гласности, осуждении репрессий 1930-х гг., критике «командно-бюрократической системы» и др. Однако перестройка привела к развитию нового гражданского общества – в частности, к возникновению демократического движения. И на первых в советской истории относительно конкурентных выборах в новый орган государственной власти – Съезд народных депутатов СССР многие представители этого движения одержали победу. В результате их парламентской деятельности и благодаря активному воздействию на власть гражданского общества вне парламента удалось придать реформам более радикальный характер. Особенно важное значение имела отмена статьи советской конституции о руководящей роли Коммунистической партии, что положило конец монополии на власть этой партии и открыло дорогу становлению новых партий. Таким образом, в 1990 г. после отмены статьи конституции о руководящей роли КПСС начался этап радикальных институциональных перемен: становление многопартийной системы, введение конкурентных выборов органов государственной власти, передача властных функций от партийных советским органам, создание новых демократических институтов на уровне союзных республик, региональном и местном уровнях. По-существу, в 1990–1991 гг. страна развивалась по пути **демократического социализма**, а СССР был **первым в мире социалистическим демократическим государством**, экономической основой которого по-прежнему оставалась общественная собственность на средства производства, действовали все прежние социальные гарантии, а в политической сфере происходило становление демократических институтов, отвечающих современным (общепризнанным) стандартам.

В этот же период (1990–1991 гг.) начался процесс реформирования государственного устройства СССР: подготовка нового союзного договора. Такой договор предусматривал трансформацию СССР в новое геополитическое образование – в Союз Суверенных Государств – «конфедеративное демократическое государство» [3, с. 395].

Таким образом, в соответствии с окончательным проектом союзного договора речь шла о создании **уникального государства**, сочетающего элементы федерации (союзного государства) и конфедерации (союза государств).

Однако этот проект не удалось реализовать из-за политического кризиса в стране и борьбы внутри политической элиты. В конечном счете это привело к распаду единого государства и образованию на его месте Содружества Независимых Государств.

Распад СССР и начало радикальных рыночных реформ в России правительством, ее Президентом Б. Н. Ельциным фактически положили начало новому этапу – **постсоциалистической** модернизации. Эта модернизация была не классической модернизацией, переходом от традиционного к современному обществу, а трансформацией одного типа современного (модернизированного) общества – социалистического в другое – либерально-рыночное. Другими словами, постсоциалистическая модернизация означала отказ от обгоняющей модернизации и переход к тому типу общества, которое уже существовало в развитых странах, создание основных институтов такого общества: частной собственности, политического и идеологического плюрализма, правового государства, разделения властей и т.д. Все эти институты были юридически зафиксированы в Конституции Российской Федерации 1993 г., которая определила и новое качество российского государства, соответствующее современным политическим стандартам развитых европейских демократических государств: **демократическое федеративное правовое и социальное государство** [4, с. 4–6].

По существу, Конституция Российской Федерации юридически закрепила переход от социализма, основанного на общественной собственности на средства производства, к либерально-рыночному обществу с частной собственностью, от «социалистического общенародного» к демократическому правовому государству. При этом очевидны существенные особенности России по сравнению с другими постсоциалистическими государствами, осуществившими модернизацию либерально-демократического типа (речь идет прежде всего о странах Центральной и Восточной Европы). Для них характерны политические системы парламентского типа, в которых главную роль играет не президент, а парламент, наличие политической конкуренции и, как результат, чередование у власти различных политических сил, включая левые партии (бывших коммунистов). В России же сложился политический режим, сочетающий элементы демократии и авторитаризма, который можно назвать демократическим моноцентризмом. Здесь, с одной стороны, существует институт конкурентных свободных выборов как представительных органов власти, так и Президента. На этих выборах происходит реальная конкурентная борьба, существуют политический и идеологический плюрализм, системная и несистемная оппозиция. В России действует и соблюдается норма о возможности пребывания на посту президента не более двух сроков. С другой стороны, политическая система России изначально по конституции создавалась как президентская система, где президент не только является главой исполнительной власти, но и обладает значительными полномочиями в законодательной сфере. В 2000-е гг. были значительно расширены его полномочия в сфере федеративных отношений. Кроме того, при сохранении и соблюдении нормы о двух сроках пребывания на посту президента отработан механизм избрания на этот пост выбранного действующим президентом преемника, с 2012 г. сам срок пребывания на этом посту увеличен до 6 лет (это дает возможность реально быть президентом 12 лет).

В сфере политического плюрализма также существуют свои особенности. В России был легализован один тип политических партий – массовая партия с высокими требованиями к ее численности. Это привело в 2000 г. к резкому сокращению количества партий в стране. Кроме того, была сформирована, по существу, партия власти – партия поддержки президента, которая в свою очередь, опираясь на его поддержку и всей «вертикали власти», смогла обеспечить себе и своим представителям доминирование в системе политической власти на всех ее уровнях.

Таким образом, в результате политической модернизации в России сложилась политическая система, в которой действуют современные демократические институты, но которая в то же время имеет ярко выраженный моноцентрический и персонализированный характер, где главную определяющую роль играют президент (как институт и как личность) и поддерживающая его партия.

Еще одна уникальная особенность постсоциалистической модернизации России связана с формированием ее федеративного устройства. В социалистический период Россия (РСФСР) была де-юре национальной федерацией в составе СССР. В результате подписания Федеративного договора и принятия Конституции Российской Федерации она превратилась в реальную федерацию с **уникальным устройством**, включающим **два типа** субъектов: территориальных и национальных с разным политико-правовым статусом. Такая «смешанная» и асимметричная федерация отличается от всех существующих в современном мире федеративных государств.

В еще большей степени своеобразие российской политической модернизации проявилось в сфере международной политики. Россия, являясь качественно новым субъектом мировой политики и международного права, в то же время является наследницей и правопреемницей Советского Союза – одной из двух мировых держав, игравших ведущую роль на мировой арене. Несмотря на то, что распад СССР повлек за собой существенные потери территории, населения, коммуникаций, экономического и военного потенциала, сфер влияния, системы безопасности, России удалось сохранить целый ряд важнейших факторов силы и влияния на международной арене. К ним относятся самая большая в мире территория, значительный природно-ресурсный потенциал, военная мощь, статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, дающий возможность оказывать решающее воздействие на принятие важнейших решений этой организацией.

В силу этого становление России как демократического государства не означает утрату ее уникальной роли в мировой политике. В современных условиях национальные интересы России связаны как с развитием демократии, так и с превращением ее в **мировую державу** в формирующемся **многополярном мире** [5], а **региональными приоритетами** ее внешней политики являются все мировые регионы: СНГ, Европа, Северная Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка [6].

В целом же все вышесказанное подтверждает тезис о том, что политическая модернизация России представляет собой уникальный исторический феномен. Она прошла через два больших исторических этапа и находится на третьем. В рамках этих этапов осуществлялись различные типы политической модернизации: либеральный, социалистический и постсоциалистический. При этом начало каждого из них было результатом ее внутреннего раз-

вития: либо в результате выбора действующей власти, либо после смены власти в результате политического кризиса.

На пути своей модернизации Россия зачастую была исторически первой: она первой из независимых государств за пределами Запада начала либеральную модернизацию и достигла на этом пути после реформы 1905 г. уровня развития демократии, сопоставимого со странами Запада и самого высокого за его пределами. Россия первой осуществила социалистическую модернизацию, с помощью тотального государственного регулирования осуществила индустриализацию, стала мировой державой, обеспечила реализацию социально-экономических прав граждан. В результате демократических реформ в ходе перестройки Советский Союз в 1990–1991 гг. стал уникальным демократическим социалистическим государством.

Постсоциалистическая модернизация России также характеризуется существенными особенностями. В результате реформ были созданы демократический моноцентрический режим и уникальная федерация, отличающаяся от других современных федеративных государств.

Наконец, еще более существенная особенность российской политической модернизации связана с ролью и местом демократической России в международной политике: превращением ее в мировую державу в условиях формирования многополярного мира.

Список литературы

1. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. – М. : Экономика, 2004. – 620 с.
2. Конституция общенародного государства. – М. : Политиздат, 1978. – 247 с.
3. Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. – М. : Аст: Аст Москва, 2007. – 526 с.
4. Конституция Российской Федерации. – М. : Юридическая литература, 1993. – 64 с.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года. – URL: www.kremlin.ru
6. Концепция внешней политики Российской Федерации. – URL: www.kremlin.ru

Доленко Дмитрий Владимирович
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой регионоведения
и политологии, Историко-социологический
институт Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева
(г. Саранск)

E-mail: depart_reg_pol@isi.mrsu.ru

Dolenko Dmitry Vladimirovich
Doctor of political sciences, professor,
head of sub-department of area studies
and political science, Institute of history
and sociology, Mordovia State University
named after N. P. Ogaryov (Saransk)

УДК 323 (470)

Доленко, Д. В.

Феномен российской политической модернизации / Д. В. Доленко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 41–47.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ВОЗМОЖНОСТЬ ВЗВЕШЕННОЙ ОЦЕНКИ ЗАРУБЕЖНОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ОПЫТА

Аннотация. Статья расширяет традиционную сферу сравнительного правоведения, утверждая, что сравнительное государствоведение и сравнительная политология вместе со сравнительным правоведением составляют кластер компаративистских дисциплин, важных для юриспруденции. Этот кластер может быть использован для осуществления сравнительной правовой политики, задача которой – определить возможность рецепции зарубежного права или отказа от таковой.

Ключевые слова: сравнительное правоведение; сравнительное государствоведение; сравнительная политология; сравнительная правовая политика; возможность рецепции зарубежного права или отказа от таковой.

Abstract. The article enlarges the traditional Sphere of Comparative Law saying that Comparative State Studying and Comparative Political Science with Comparative Law make a cluster of comparative disciplines important for Jurisprudence. This cluster of disciplines may be used for the realization of Comparative Legal Policy which is to define the possibility of reception or non-reception of foreign law.

Key words: Comparative Law; Comparative State Studying; Comparative Political Science; Comparative Legal Policy; Possibility of Reception or Non- Reception of Foreign Law.

В эпоху постмодернизации и глобализации правомерно ставится вопрос о необходимости глубокой межпредметной компаративизации знаний [1]. Использование одного только сравнительно-правового метода или опоры на сравнительное правоведение как дисциплину с полуторазековой историей уже недостаточно. Нам не хватает, с одной стороны, комплексного, а с другой – тщательно выверенного, прагматичного подхода к оценке государственно-правовых явлений. Ю. А. Тихомиров справедливо расширяет предметное поле сравнительного правоведения, включая в него четыре вида макроправовых систем – национальные правовые системы, правовые семьи, правовые системы межгосударственных объединений и систему международного права. Ко второму предметному блоку относятся элементы системы права, начиная с норм и законов и заканчивая юридической техникой. «Третий блок – ситуационно-целевой, когда для транснациональных проектов и т.д. ищутся новые правовые решения. В четвертом блоке, или круге сравнения, можно выделить: а) правовые концепции; б) правосознание; в) правовую культуру; г) правомерное и неправомерное поведение. Пятый блок охватывает: а) юридическое образование; б) юридическую профессию. Шестой блок включает государственные и общественные институты, опосредуемые правом» [2, с. 36].

Однако дело даже не в том, чтобы максимально насытить предмет сравнительного правоведения различными разнопорядковыми элементами, сколько в углублении его содержания за счет развития кооперационных связей с близкими дисциплинами.

Сравнительно-правовые знания структурно можно представить в виде вложенных друг в друга окружностей (рис. 1).

Рис. 1. Структура сравнительно-правовых знаний

Применение сравнительного метода к правовым явлениям самого разного рода (от анализа норм права до функциональных проблем и состояний) – это самый неупорядоченный, самый хаотичный способ компаративизации юридических знаний. Использование сравнения в отраслях права (например, сравнительное уголовное право, сравнительное конституционное право, сравнительное трудовое право и т.д.) требует больших организационно-логических усилий и упорядоченности. Сравнительный анализ правовых систем с точки зрения чистой науки – это «искусство высшего пилотажа», поскольку подразумевает наиболее последовательное комплексное изучение правового явления высшего порядка – правовой системы. Что же касается учебного процесса, то опыт и логика подсказывают, что здесь последовательность должна быть иной. Мы первоначально читаем студентам дисциплину «**Правовые системы современности**», затем в магистратуре предлагаем им **конкретные отрасли права в сравнительном аспекте**, а узко практическую **компаративистскую проблему** выпускникам надлежит раскрыть в квалификационной работе. Но при этом как в науке, так и в образовании мы подходим к такому рубежу, когда одного сравнительного правоведения юристам недостаточно. Их компаративистский анализ в ряде случаев должен опираться на элементы **сравнительного государственоведения и сравнительной политологии** (рис. 2). Скажем, оценивая значение института жюри присяжных для США и России, мы должны изначально обратиться не только к сравнительному анализу его функционирования в этих двух странах и уж тем более не к нормативному материалу, устанавливающему «правила игры» для него, а к сопоставлению государственно-правовых систем данных государств. Следует дать ответы на вопросы, когда и при каких обстоятельствах за Атлантическим океаном и на евразийском пространстве возник институт жюри присяжных, как он вписался в механизм государства, насколько оказался востребованным и эффективным. Ведь очевидно, что в **США** он стал не только частью антиколониальной, антибританской традиции, но и продолжением «низовой демократии», результатом слабости государственного аппарата и гибкого федеративного устройства с широкими полномочиями для отдельных штатов, графств, общин.

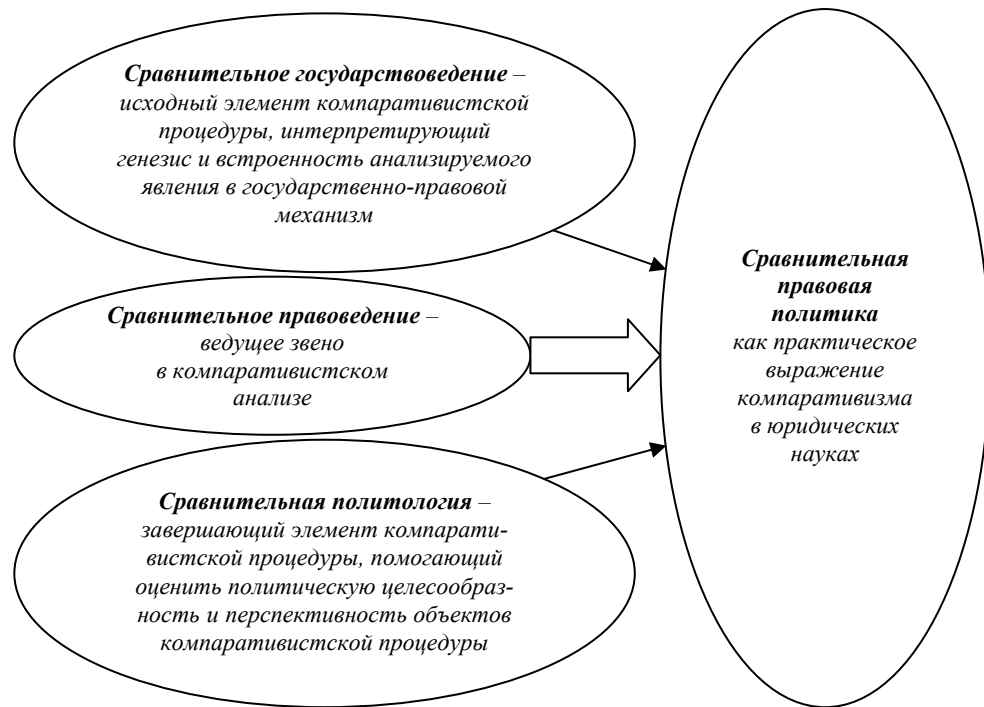

Рис. 2. Кластер смежных дисциплин, необходимый для компаративистского анализа в юридических науках

В то же время в **России** в середине XIX в. после отмены крепостного права жюри присяжных стало модной новацией с Запада, организационно и идеологически полезной, но чуждой традиционной российской государственности. Естественно, что в подобной ситуации этот демократический институт не приобрел всепоглощающего влияния [3].

Другая сторона проблемы – отношение общества и его общественно-политических структур к тому или иному явлению. **Сравнительная политология** помогает объяснить отношение граждан разных стран к аналогичным явлениям правовой жизни. В контексте рассматриваемого нами примера важно вспомнить о долговременных, базисных различиях в **политической культуре** американцев и россиян. Для потомков американских пионеров характерен жесткий индивидуализм и нежелание поступаться какими-либо личными и политическими правами, а значит – и сохраняющаяся приверженность к участию в жюри присяжных, зафиксированная в Конституции 1787 г. Для потомков российских крестьян с их бунтарским духом и приверженностью к правовому нигилизму, отсутствием устойчивого демократического опыта политическая (да и правовая) культура препятствует с энтузиазмом относиться к демократическим процедурам в судебном процессе. Разумеется, приведенный нами пример изложен весьма неполно и схематично. Он лишь очерчивает контуры сложного и многогранного компаративистского анализа, который мог бы быть применен в связи с оптимизацией правовой политики.

Как известно, правовая политика представляет из себя научно-обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных структур по созданию эффективного механизма правового регулирования [4, с. 26].

Совершенно справедливо указывается, что среди недостатков правового регулирования – неудачное определение его предмета, «когда в нем плохо отражены глубинные процессы и тенденции политического и социально-экономического развития», недооценка системного аспекта, «когда готовятся и принимаются акты вне связи друг с другом... неравномерно развиваются отрасли законодательства». К сожалению, «не преодолена практика поспешной и неглубокой подготовки правовых актов без серьезных обоснований, расчетов и прогнозных оценок», низка правовая культура разработчиков, «допускается механическое копирование текстов иностранных законов», что «порождает инородные «правовые тела» [5, с. 30].

Для устранения последнего недостатка особенно важна **сравнительная правовая политика**. Совершенно очевидно, что исходной точкой разработки правовой политики является сравнительный анализ деятельности зарубежных государств в сфере правотворчества и реализации права, налаживания функционирования судебных учреждений и правоохранительных органов, правового образования и правового воспитания. Именно это и составляет **содержание сравнительной правовой политики**.

Но **сравнительная правовая политика – это не механическая и формальная процедура правового копирования. Заимствование никак не должно быть бессистемным.** То есть следует исключить случаи, когда «не ясно, почему в одном случае берется за основу опыт США, в другом заимствуется правовая конструкция Франции, в третьем – Германии. Чем обусловлены предпочтения, оказанные той или иной стране в смысле заимствования ее правового опыта, влияют ли на этот выбор субъективные или объективные обстоятельства, в большинстве случаев остается за кадром» [6, с. 74–75].

По-нашему мнению, началом процедуры реализации сравнительной правовой политики является, по крайней мере, констатация способов поиска правовых явлений. Это может быть **целенаправленный** (т.е. поиск под заказ) или **инициативно-случайный** поиск (он является выражением произвольных, самостоятельных интеллектуальных усилий, например, соискателями ученых степеней, результаты которых затем исследователем или коллективом исследователей продвигаются в общественную практику) (рис. 3).

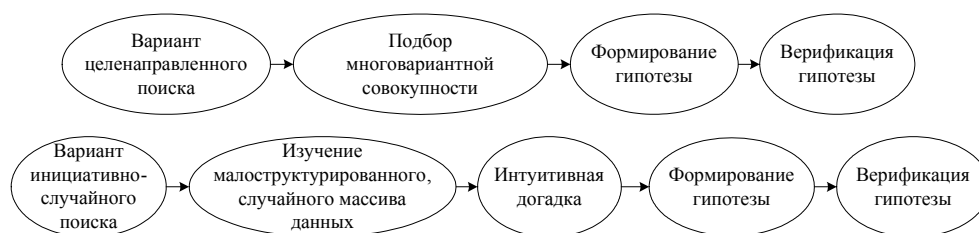

Рис. 3. Процедура сравнительно-правовой идентификации

Очевидно, что в ходе инициативно-случайного поиска исследователь, не имея перед собой конкретной, четко сформулированной задачи, может затратить на всю процедуру больше времени и усилий. Но означает ли это, что государство и общество должны игнорировать или запрещать инициативно-случайный поиск? Ведь известно, что именно случайность и интуиция сопровождали многие серьезные научные открытия.

Верификация гипотезы – самый ответственный этап, но его нельзя формализовать на все случаи жизни. Представляется, что самое главное – это то, что при отборе проявлений правовой реальности мы должны прежде всего исходить из **характеристик** этих проявлений по отношению к собственной правовой системе. Если они являются **генезисно-системными** (т.е. особенно тесно срослись с данной системой, являются неотъемлемым продуктом ее эволюции), то возникает еще один вопрос: удастся ли эти проявления приспособить к другим правовым системам? Во всяком случае возможность адаптации должна быть особенно тщательно проработана, взвешены все плюсы и минусы, среднесрочные и долгосрочные последствия. В то же время **инструментально-новаторские** проявления, будучи лишь удачной находкой правового регулирования данной страны, безусловно заслуживают того, чтобы быть взятыми на вооружение другими странами после некоторого их относительно непродолжительного изучения.

Возьмем для примера **организацию федеративного устройства в различных странах**. Очевидно, что мы можем выделить федерации, организованные «снизу» (т.е. на основе согласия населения отдельных территорий на государственную консолидацию) и созданные «сверху», путем волевых усилий более сильных государств и территорий, осуществляющих присоединение более слабых. Например, по первой модели происходило объединение американских штатов в федеративный союз, по второй – объединение Германии в 1871 г. и создание СССР. В этой связи очень сомнительно, чтобы конституционный опыт США оказался востребованным в чистом виде в Германии и России, и наоборот, конституционные наработки двух европейских государств оказались востребованными за океаном. Ведь конституционные конструкции принадлежат к генезисно-системным характеристикам правовой системы, и их не так просто заимствовать (а точнее говоря, в этом, видимо, и нет необходимости). Иное дело **опыт антимонопольного регулирования в США**. Хотя его жесткость была обусловлена некоторыми свойственными для США специфическими факторами (ранним и бурным развитием монополий, огромными размерами внутреннего рынка, сильным политическим давлением фермерства и других антимонопольно настроенных сегментов общества), эти факторы не являются генетически связанными с правовой системой США и уж тем более с англо-американской правовой семьей. Американское антимонопольное законодательство – это скорее некоторая находка в правовом регулировании, которой по ряду причин не смогли и не захотели воспользоваться европейские государства (прежде всего из-за меньшей зрелости форм монополистических объединений и бюрократической косности и консерватизма государственного аппарата). Но значит ли это, что другим странам следует игнорировать удачное изобретение заатлантической республики?

К любым нововведениям следует относиться с особой осторожностью хотя бы потому, что состояние российского общественного мнения не укладывается в привычные рамки западной государственно-правовой традиции. По данным опросов населения России, проведенных Центром фундаментальных исследований Государственного университета – Высшей школы экономики в 2007 г., со следованием образцам западного общества связывают гражданское общество в России лишь 5 % опрошенных [7].

Мы не можем не прислушаться к мнению В. И. Лафитского, что в странах славянской правовой традиции «законодательство остается лишь одной из форм существования права. Большое значение имеют обычаи, традиции, дополняющие, изменяющие либо сдерживающие инициативы власти. Действующие в различных местных, национальных либо профессиональных сообществах, они формируют мощный глубинный пласт права, который не подвластен воле правителей. Именно это объясняет неудачи в применении многих законодательных актов в России и Украине, Болгарии и Сербии, Польше и Чехии» [8, с. 273].

Означает ли это, что заимствование новаций совсем чуждо России и российскому менталитету? Разумеется, нет. Но любые новации требуют особой осторожности, в том числе и новации в праве. Тем более, что исследование законодательства зарубежных стран дает примеры не только позитивного, но и негативного опыта, который должен учитываться при разработке концепций развития российского законодательства. В частности, неудачным был опыт построения рынка ценных бумаг, регулирования миграционных потоков, организации банковского дела, борьбы с организованной преступностью [9, с. 20]. Сложная процедура осуществления сравнительной правовой политики в сочетании с социально-правовым мониторингом призвана социальные, политические, да и экономические риски правовых новаций минимизировать, отсеив все внешнее, наносное и адекватно, творчески применив все ценное, оптимизирующее работу правовой системы.

Список литературы

1. **Тихомиров, А. Д.** Юридическая компаративистика: философские, теоретические и методологические проблемы / А. Д. Тихомиров. – Киев : Знання, 2005. – 334 с.
2. **Тихомиров, А. Ю.** О тенденциях современного развития сравнительного правоведения / А. Ю. Тихомиров // Порівняльне правознавство: досвід і проблеми викладання : збірник наукових праць і навчально-методичних матеріалів. – Киев, 2011.
3. **Саломатин, А. Ю.** Жюри присяжных (анализ зарубежного и российского опыта) / А. Ю. Саломатин // Российский судья. – 2010. – № 2.
4. Правовая политика: слова и проект концепции / под ред. А. В. Малько. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2010. – 287 с.
5. **Тихомиров, Ю. А.** Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – 400 с.
6. **Немытина, М. В.** Возможности адаптации в российском праве зарубежного и отечественного опыта / М. В. Немытина // Жидковские чтения «Методологические проблемы сравнительного правоведения» : материалы Всерос. науч. конф. (г. Москва, 27 марта 2009 г.). – М. : РУДН, 2009.
7. **Мерсиянова, И. В.** Мониторинг гражданского общества / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – Вып. 1: Общественная активность населения в восприятии гражданами условий развития гражданского общества.
8. **Лафитский, В. И.** Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2010. – Т. 1.
9. Концепции развития Российского законодательства / под ред. чл.-корр. РАН, д.ю.н., проф. Т. Я. Хабриевой, д.ю.н., проф. Ю. А. Тихомирова. – М. : Эксмо, 2010. – 732 с.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
руководитель Центра сравнительно-
правовой политики, Пензенский
государственный университет,
действительный член Академии
политической науки

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yuryevich

Doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of state and law
theory and political science, director
of the Center of Comparative Legal Policy,
Penza State University, full member
of the Academy of Political Sciences

УДК 327

Саломатин, А. Ю.

**Сравнительная правовая политика: возможность взвешенной
оценки зарубежного государственно-правового опыта / А. Ю. Саломатин //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные
науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 48–54.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются особенности становления и развития политической системы России, рассматриваются меры, которые предпринимаются для политической модернизации. При этом особое внимание уделяется Северо-Кавказскому региону как региону, наиболее подверженному террористической угрозе и в котором необходимость преобразований видна наиболее ярко.

Ключевые слова: политическая система, Северный Кавказ, социально-политическое развитие, демократия, реформирование, федеральный округ, субъект федерации, политическая стабильность, политическая модернизация.

Abstract. The article analyzes the features of formation and development of Russia's political system, examines measures encouraging political modernization. Particular attention is paid to the North Caucasus region as the region most exposed to the terrorist threat and where the need for change is most clearly visible.

Key words: political system, the North Caucasus, the socio-political development, democracy, reform, federal district, the subject of the federation, political stability and political modernization.

Одним из процессов в современной политической жизни многих стран мира является модернизация. В мировой науке тема политической модернизации не нова. В западной политической науке теория модернизации первоначально возникла в США, новые стимулы для своего развития получила в 1950–1960 гг. в связи с освобождением целого ряда государств «третьего мира» от колониального господства и возникшими перед ними трудностями дальнейшего развития. О модернизации писали Ш. Эйзенштадт, Д. Аптер, Э. Шилс, Л. Пай и другие исследователи. В своих идейных истоках теории модернизации восходят к идее прогресса, где история, общественно-политический процесс понимались как predetermined объективными социально-экономическими факторами движение от так называемого традиционного общества к обществу переходному, а затем – к современному (модерному).

Американский социолог У. Мур отмечает, что модернизация есть «понятие тотальной трансформации досовременного общества к тому типу технологии и соответствующей ему структуры, которые характерны для развития экономически процветающих и политически относительно стабильных стран западного мира». В политической сфере общества модернизация характеризуется становлением и укреплением национальных суверенных государств, правовых структур государственности, реального разделения основных ветвей власти, политической демократии. Она связана с реальной активизацией политического участия населения, развитием многопартийности, становлением и развитием открытых плюралистических политических систем.

Среди современных представлений о политической модернизации заслуживает внимание вывод о том, что строительство демократии нельзя сводить только к изменению политического режима, но необходимо учитывать задачи культурного, социального, экономического и иного развития, стоящие

го перед государством. Демократическая модернизация предполагает осознание уникальности конкретной политической ситуации, ее слитности с социально-экономической и духовно-культурной средой [1].

Современная Россия унаследовала от бывшего Советского Союза как его правопреемница проблемы социально-экономического развития, политической трансформации общества. Вступление России в новую эпоху либерализации заставило руководство страны реформировать политическую систему. При этом складывается своя, непохожая на аналогичную в других странах, политическая система, появляется и активно используется понятие суверенной демократии. Это концепция, введенная в широкий оборот заместителем руководителя администрации президента России В. Ю. Сурковым в 2005–2006 гг. Смысл выражения состоит в возможности для российского государства не подчиняться другим крупным центрам власти, как это вынуждены делать маленькие государства, а строить свою самобытную, суверенную демократию. На основе этой концепции происходило строительство и модернизация политической системы страны с учетом национальных особенностей нашего государства.

Само понятие «политическая модернизация» совмещает в себе совокупность экономических, социальных, культурных, политических перемен, происходящих в обществе в связи с процессом индустриализации, освоения научно-технических достижений [2]. В России начала 1990-х гг. все эти отрасли находились в крайнем упадке. Из-за тяжелого экономического положения не выплачивались зарплаты, пособия, пенсии. Следствием кризиса в экономике стали все более усиливающаяся социальная дифференциация, резко возросший уровень криминализации общества, потеря веры граждан в справедливую политику государства. Для большинства политиков стала очевидна необходимость политической модернизации, реформ, которые бы позволили решить проблемы отношений между властью и обществом.

Попытки стабилизировать ситуацию начались в годы правления первого Президента России Б. Н. Ельцина, были произведены преобразования в экономике и системе государственного управления. В 1991–1992 гг. правительством Гайдара проведены либерализация розничных цен, реорганизация налоговой системы и другие преобразования, радикально изменившие экономическую и социальную ситуацию в стране. В 1993 г. последовала конституционная реформа и была принята новая конституция. Но все эти преобразования не смогли изменить в качественно лучшую сторону политическую и экономическую системы страны, население страны со скептицизмом относилось к преобразованиям Ельцина.

Понятие «политическая модернизация» актуализировалось с приходом к власти в 1999 г. Президента Российской Федерации В. В. Путина. В начале своего правления на посту президента Путин произвел модернизацию административно-территориального деления страны, были созданы федеральные округа. Для более полного и прозрачного контроля за деятельностью органов власти на местах вводится институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральном округе на основе Указа Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 [3]. Первым серьезным изменением в конституционно-политической системе страны было осуществленное в августе 2000 г. изменение порядка формирования Совета Федерации, в результате которого губернаторы и главы законодательной власти регионов,

до того бывшие членами Совета Федерации по должности, были заменены назначенными представителями. Представители региона стали работать в Совете Федерации на постоянной и профессиональной основе, при этом одного из них назначает губернатор, а второго – законодательный орган региона [4]. В 2004 г. изменился порядок управления регионами: вместо избрания руководителя субъекта федерации напрямую народом вводится практика их назначения президентом. В 2005 г. изменяется модель выбора депутатов Государственной думы РФ: все депутаты стали избираться исключительно по партийным спискам.

Реформирование политической системы России продолжилось в годы правления Д. А. Медведева. В 2008 г. Президент РФ Д. А. Медведев подписал законопроект «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной думы», по которому срок полномочий Президента увеличился до шести лет, а Государственной думы – до пяти лет. По оценке Д. А. Медведева, демократические институты в целом сформированы и стабилизированы, но их качество весьма далеко от идеала. Гражданское общество слабо, уровень самоорганизации и самоуправления невысок. Результатом проводимой в последние годы политики является стабилизация экономической ситуации, преодоление центробежных тенденций в обществе. Вместе с тем «террористические атаки на Россию продолжаются. Жители республик Северного Кавказа просто не знают покоя. Гибнут военные и работники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, мирные люди» [5].

Северо-Кавказский регион в настоящее время является наиболее уязвимым регионом с точки зрения национальной безопасности России. Именно поэтому произошло выделение Северо-Кавказского федерального округа из Южного федерального округа на основании указа Президента РФ Д. А. Медведева 19 января 2010 г. [6]. Создание Северо-Кавказского федерального округа имело под собой несколько причин: низкая заработная плата, высокий уровень коррупции, отстающая модернизация промышленности и сельского хозяйства. Все это в конечном итоге может отрицательно сказаться на развитии социальных, межэтнических отношений как в этом регионе, так и за его пределами.

Назначение руководителем региона Александра Хлопонина вызвало положительную реакцию со стороны глав северокавказских республик. Президент Ингушетии Юнус-Бек Евкуров назвал полпреда на Кавказе и вице-премьера Правительства РФ «опытным управленцем и ярким борцом с коррупцией». «Назначение такого управленца, как Хлопонин, еще раз свидетельствует о том, что федеральный центр выбрал стратегию социально-экономического развития региона», – процитировал слова Евкурова его пресс-секретарь Калой Ахильгов. Евкуров отметил, что это назначение «подтверждает... необходимость развития региона» [7].

Модернизация региона невозможна без развития высшего и среднего образования. Сейчас во многих республиках происходит открытие новых школ, что должно повысить доступность образования для населения. Для развития высшего образования на Северном Кавказе правительство предполагает открытие нового федерального университета, который будет находиться в Ставрополе; основой для него станут пять вузов города. Это должно уменьшить отток местного населения в вузы городов Москвы и Санкт-

Петербурга для получения образования. Также это должно положительно повлиять на динамику безработицы: вновь открывшийся университет создаст новые места для преподавателей. Вследствие уменьшения безработицы снизится уровень социальной напряженности в регионе.

Сейчас многое делается для повышения уровня экономической привлекательности региона. В ходе визита в Пятигорск в 2010 г. премьер-министр России принял решение о снятии ограничений на ввоз и оформление импортной продукции в Чеченскую Республику. Также принимаются меры по «адаптации тех, кто взял оружие, но не совершил преступление». Им предлагаются возврат к мирной жизни, амнистия за незначительные преступления. При этом предполагаются жесткие меры к людям, которые совершают теракты и не желают сложить оружие. «За установление факта терроризма, то есть взрывов, убийств... на мой взгляд, можно было бы говорить о введении смертной казни», – сказал Хлопонин журналистам [8]. Все эти меры направлены прежде всего на нормализацию обстановки в регионе, повышение безопасности.

С целью повышения безопасности региона и проведения более активной и адресной социальной политики полпред президента в Северо-Кавказском федеральном округе предложил создать программу по привлечению русскоязычного населения в республики округа. «Мы стремимся усилить присутствие русскоязычного населения на территории республик», – сказал Хлопонин на встрече с журналистами 16 декабря 2011 г. [9]. Значительные шаги сделаны для восстановления разрушенного боевыми действиями хозяйства. Уровень коррупции в регионе значительно снизился. В. В. Путин отметил, что глава Чечни Рамзан Кадыров восстанавливает республику, при этом «коррупционная составляющая минимальна» [10].

Произошло изменение статусов глав северокавказских республик, упразднен сам институт президентства, президенты региона по инициативе главы Чечни Рамзана Кадырова обратились в Госдуму с предложением переименовать свои должности. Рамзан Кадыров обсудил эту идею с президентами Кабардино-Балкарии Арсеном Каноковым, Ингушетии Юнус-Бекон Евкуровым и Дагестана Магомедсаламом Магомедовым и заручился их поддержкой. «Мы исходим из того, что в России только руководитель страны должен называться президентом», – пояснил Кадыров [11].

На основании вышеизложенного можно сделать обнадеживающий прогноз относительно стабилизации и политической модернизации в России в целом и Северо-Кавказском регионе в частности. В послании Федеральному собранию Дмитрий Медведев озвучил планы по масштабной реформе политической системы, предложив вернуться к прямым выборам губернаторов и изменить систему парламентских выборов. «Сегодня на новом этапе развития государства, поддерживая ту инициативу, с которой выступил Председатель Правительства Владимир Владимирович Путин, я предлагаю комплексную реформу нашей политической системы», – заявил Д. А. Медведев. Реакция со стороны представителей регионов была положительная: полпред президента в Северо-Кавказском федеральном округе, вице-премьер Александр Хлопонин отметил, что возвращение принципа избрания глав субъектов прямым голосованием востребовано на Северном Кавказе.

Глава государства также сделал ряд предложений, касающихся изменения системы парламентских выборов и регистрации кандидатов в президенты. В частности, Медведев предложил отменить необходимость собирать

подписи для участия в выборах в Госдуму и в региональные законодательные органы.

Кроме того, глава государства назвал целесообразным изменение системы выборов в парламент и введение пропорционального представительства по 225 округам. Эта мера, как он отметил, позволит каждой территории иметь своего непосредственного представителя в парламенте. Медведев также предложил сократить количество подписей избирателей, необходимых для участия в выборах президента России, до 300 тыс. для самовыдвиженцев и до 100 тыс. для кандидатов от непарламентских партий.

Реформа политической системы в будущем может коснуться и деятельности избирательных комиссий: президент предложил изменить порядок формирования ЦИК и региональных избирательных комиссий. По его словам, представительство политических партий в избиркомах должно быть расширено, партии должны получить право отзывать своих представителей в комиссиях досрочно в случае необходимости. «Хотел бы сказать, что я слышу тех, кто говорит о необходимости перемен, и понимаю их», – сказал Медведев [12].

Федеральный центр видит важность принципиально нового подхода к взаимодействию между субъектами федерации и федеральным центром, построению открытого диалога с обществом. Нежелание видеть и решать государственные, общественные проблемы приводило в разные годы нашей истории к драматическим событиям. Можно надеяться, что современная российская власть не допустит тех ошибок и политическая система России и дальше продолжит развиваться в духе демократии и плюрализма. При этом трудно не заметить повышенное внимание к Северному Кавказу, желание улучшить социально-экономическое положение региона. Гармоничное развитие региона в составе Российской Федерации должно послужить улучшению социально-экономического положения, повышению безопасности и достижению целей модернизации политической системы нашей страны.

Список литературы

1. **Изергина, Н. И.** Современные подходы к модернизации постсоветской России / Н. И. Изергина // Россия в глобальном мире. – 2011. – № 9. – С. 142–146.
2. Политический словарь. – URL: <http://www.slovarus.ru>
3. Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2000/05/14/okruga-dok-site-dok.html>
4. Внутренняя политика России в период президентства Владимира Путина. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. «Россия, вперед!». – URL: <http://www.aif.ru/society/article/29406>
6. Указом Президента образован новый федеральный округ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/6666>
7. С созданием нового федерального округа Северный Кавказ приобретает особый статус в России. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/164427/>
8. Хлопонин решил истребить весь Северный Кавказ? – URL: <http://kavkaz.ge/2011/12/17/xloponin-reshil-istrebit-ves-severnyj-kavkaz/>
9. Хлопонин хочет заселить Северный Кавказ русскоязычным населением. – URL: <http://kavkaz.ge/2011/12/17/xloponin-xochet-zaselit-severnyj-kavkaz-russkoyazychnym-naseleniem/>
10. Путин: коррупционная составляющая в Чечне минимальна. – URL: <http://kavkaz.ge/2011/12/17/putin-korruptcionnaya-sostavlyayushhaya-v-chechne-minimalna/>
11. Кавказские республики договорились оставить в России только одного президента. – URL: <http://lenta.ru/news/2010/08/13/nopresidents/>

12. Медведев наметил контуры новой политической системы России. – URL:
<http://www.ria.ru/politics/20111222/523319027.html>

Абрамов Руслан Николаевич

аспирант, Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(г. Саранск)

E-mail: shumyel@mail.ru

Abramov Ruslan Nikolaevich

Postgraduate student, Mordovia State
University named after N. P. Ogaryov
(Saransk)

УДК 321.01

Абрамов, Р. Н.

Модернизация политической системы России / Р. Н. Абрамов //
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные
науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 55–60.

ДОВЕРИЕ К СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ «ОБЩЕСТВА РИСКА» (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ)¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию отношения жителей современной российской провинции к центральным и местным СМИ. В основе работы – эмпирические исследования, проведенные под руководством автора в 2010 г. в российских регионах повышенного и обычного риска.

Ключевые слова: риск, общество риска, территории обычного и повышенного риска, доверие, доверие-недоверие к средствам массовой информации.

Abstract. The article is devoted to research of relation of residents of modern Russian province to central and local media networks. The core of the study is empirical research carried out under author's supervision in 2010 in Russian regions of increased and normal risk.

Key words: risk, risk society, areas of increased and normal risk, trust, distrust to mass media.

Постоянное нахождение в условиях «общества риска», когда прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности, причиной нынешней жизни и деятельности становится будущее, т.е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное, актуализирует проблему доверия. Доверие имплицитно содержит особые ожидания в отношении того, как поведет себя другой в некой будущей ситуации, а также убежденность, уверенность в действиях. П. Штомпка рассматривает данное понятие как ставку в отношении будущих непредвиденных действий других [1]. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой сущность феномена определяет через состояние уверенности «в чьей-либо добросовестности, искренности и правдивости» [2, с. 172]. В социологии и психологии под доверием понимаются «открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях» [3]. Доверие возникает при взаимодействии ряда факторов: интересов человека, его установок, эмоциональных реакций и личного опыта. Позитивные результаты действий вызывают доверие к ним и при повторении закрепляют положительную реакцию доверия. Доверие возникает, когда человек уверен в правильности и адекватности процессов и явлений своим ценностным установкам. Разграничение доверия и уверенности зависит от «способности индивида различать опасности и риски» [4]. Эта способность обусловлена степенью рефлексии

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 10-03-21305а.

индивида по поводу альтернативных стратегий действия в сложившихся обстоятельствах.

Риск как событие или явление с неопределенными последствиями имеет принципиальное сходство с бифуркациями. Процесс упорядочивания структур, снятия энтропии происходит при нахождении системы в далеких от равновесия состояниях, вблизи от особых критических точек (точек бифуркаций), в окрестности которых ее поведение становится неустойчивым. Начинает работать принцип «разрастания малого» или «усиления флуктуаций». В точках бифуркации система под влиянием самых незначительных воздействий может резко изменить свое состояние, начать эволюционировать в новом направлении, или нелинейность может усилить флуктуации, делая малое отличие большим, даже макроскопическим по последствиям. Сам выбор (индивидуальный или солидарный) моделирует ситуацию бифуркации, которая может дать непредсказуемые результаты, оказать кардинальное воздействие на социальный процесс. Постоянно обновляемые, трудно прогнозируемые ситуации риска превращают повседневную жизнь человека в процесс их постоянной калькуляции и осмысления в терминах риска. Как блестяще показал У. Бек, модерн производит не только новые риски, но и новые рефлексивные способности, позволяющие минимизировать данные риски. В таком обществе сознание определяет бытие. Вместе с тем осмысление риска в «колонизации будущего» (Э. Гидденс) не может быть полным, возможны непредвиденные и неожиданные исходы. Современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального (Н. Луман).

Социальная обеспокоенность проблемой риска, по мысли Н. Лумана, имеет отношение к возросшей значимости доверия как средства нейтрализации риска и противодействия неопределенности. Доверие становится «способом примириться со сложностью будущего, порожденного технологией» [1, с. 12]. Дж. Коулман, Р. Патнэм и Ф. Фукуяма, используя и развивая термин П. Бурдьё, утверждают, что доверие есть социальный капитал и непосредственная основа построения последующих общественных отношений [3]. Ф. Фукуяма определяет доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [5, с. 52]. Он указывает на зависимость между уровнем доверия и темпами формирования социального капитала, что влияет на развитие общества. Дж. Коулман подчеркивает, что группа, «внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами» [6, с. 126].

В условиях риска, неопределенных и непредвиденных ситуаций проблема доверия общества к различным социальным институтам, прежде всего средствам массовой информации (СМИ), приобретает статус центральной. Доверие общества – тот социальный капитал, обладая которым, СМИ претендуют на статус четвертой власти. СМИ – фактор формирования обобщенного доверия. Глобализация информационного пространства и технические достижения превратили СМИ в мощнейший фактор воздействия на картину мира социальных субъектов. Они способны воздействовать на общественное мнение, влиять на установки, ценности, отношения аудиторий. Вместе с тем

СМИ являются первичным объектом доверия, поскольку сами являются объектом доверия к ним целевых аудиторий. Современные оценки влияния СМИ на сознание и поведение людей весьма неоднозначны и даже противоречивы. Распространено представление о том, что сознание и поведение людей существенно зависят от информационного поля, создаваемого СМИ. Отдельные исследователи массовых коммуникаций (а вместе с ними и многие политики и журналисты) говорят о грядущей эпохе «медиакратии» – власти СМИ, которые уже не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.

Проблема доверия/недоверия к СМИ активно изучается социологами. По результатам опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в 2006 г., средствам массовой информации не доверяет каждый четвертый россиянин. По данным Гэллуп Интернешнл (2007 г., опрос 55 тыс. респондентов из 60 стран мира), каждый второй на планете (49 %) считает, что журналистам нельзя доверять, каждый третий (35 %) полагает, что журналисты говорят правду. Исследования показывают, что к первоочередным характеристикам СМИ, которые могут вызвать доверие, относятся правдивость, честность, неподкупность, беспристрастность [7]. Особенности СМИ, степень доверия к ним во многом зависят от политической системы, в рамках которой они функционируют. Политические институты в новейшую историю России permanently находились в кризисном состоянии, «кокон основополагающего доверия» (Э. Гидденс) к ним разрушен. Среди главных причин недоверия к СМИ в современной России [8]: широкое использование технологий манипулятивного воздействия; неучет социальных последствий трансляции информации; коммерциализация СМИ; отсутствие в России общественного сектора вещания, способного несколько компенсировать негативные последствия коммерциализации СМИ; игнорирование общественных потребностей и запросов; усиление монотонности содержания при тяге к сенсационности, уникальности, «перфомансности» информации; асоциальность СМИ (С. Г. Корконосенко) как пренебрежение обязанностями по адекватному отражению действительности, размывание понятия «факт», конструирование «второй» информационной реальности, демонстрация непослушания обществу, своей равновеликости ему или господство над ним, замыкание на интересах, ценностях, жизненном опыте квазиэлитарной журналистской корпорации; низкий уровень профессионально-этической культуры журналистов, незрелость системы саморегулирования журналистского сообщества в России; процесс гибридации журналистики и пиара; неподконтрольность СМИ населению. Наконец, в условиях постоянных рисков, угроз, кризисов СМИ становятся одним из мощных факторов формирования «кризисного сознания», характеризующегося пессимистическими, депрессивными настроениями, пронизанными чувствами страха, тревоги, обеспокоенности.

Современные масс-медиа – один из факторов, который помогает справляться с рисками и одновременно порождает новые риски.

В статье приведены результаты исследования, проведенного в провинциальных российских городах, территориях повышенного и обычного риска. К территориям повышенного риска отнесены: Саратовская область (г. Балаково, Вольск и Шиханы-1, Шиханы-2 Вольского района); Ульяновская область (г. Димитровград). Ульяновск отнесен к городам обычного риска.

Методы сбора информации: количественный (формализованное интервью, контент-анализ прессы); качественный (фокус-группа). Выборочная совокупность социологического исследования, выполненного опросным методом, – 900 респондентов. Выборка многоступенчатая, квотная. Квотируемые признаки: место жительства, пол, возраст. Доверительная вероятность выводов (P) равна 95 %, точность оценивания (Δ) – 5 %.

Любой регион современной России правомерно может быть отнесен к среде риска. Выбор данных регионов обусловлен наличием в них институционализированной среды рисков: объектов военно-промышленного комплекса (производство, испытание химического оружия в п. Шиханы-1, Шиханы-2 Вольского района Саратовской области); атомной энергетики (Балаковская АЭС в Саратовской области, НИИАР в г. Димитровград Ульяновской области); рискогенных производств, работающих с советских времен, не претерпевших серьезной модернизации за последние два десятилетия (Саратовская ГЭС, производство «Химволокно» и др. в г. Балаково, цементное производство как градообразующее в г. Вольск Саратовской области). Как следствие – высокие показатели онкологии, аллергических заболеваний, патологии дыхательной, сердечно-сосудистой и прочих систем. Обе территории находятся в оползневых зонах. Условия лета 2009 г. негативно отразились на урожае зерновых в Саратовской области. Лето 2010 г. дало новые риски не только сельскохозяйственного характера, когда погибла большая часть урожая в обоих регионах, но и резко увеличило смертность людей, прежде всего в категориях риска (в частности, с сердечно-сосудистыми заболеваниями). Ульяновская область до недавнего времени оставалась депрессивным регионом с высоким уровнем бедности. Некоторая экономическая стабилизация произошла со сменой областного руководства за последние пять-шесть лет. Саратовская область по-прежнему остается преимущественно дотационным регионом. Волны мирового финансово-экономического кризиса, безусловно, негативным образом отразились на обоих регионах.

Как показало исследование, в рейтинге значимых личных проблем респондентов следующие: безработица, болезни («свиной грипп», СПИД, онкология и др.), финансово-экономический кризис, преступность, бедность. На этом общем фоне субъективное для респондентов и их семей распространение дезинформации СМИ (газетами, телевидением, радио, Интернет) воспринимается как минимальный риск и угроза (16-я позиция в шкале; выбор 7,2 % опрошенных). «Публичная повестка дня», как известно, никогда полностью не совпадает с медиа-повесткой. Существуют проблемы, о которых люди знают непосредственно из собственного опыта, считают их важными вне зависимости от того, освещаются они СМИ или нет. Вместе с тем СМИ являются онтологически необходимой составляющей жизни современного человека. Повторим, масштабы их распространения, возможности влияния переоценить невозможно.

В качестве источников, из которых больше всего получают информацию о событиях опрошенные, можно назвать телевидение (78,7 %), газеты (48,1 %), Интернет (38,4 %), радио (34,3 %), друзья, знакомые (29,3 %). Телевидение – несомненный лидер на рынке информационных услуг, популярно во всех группах, привлекает зрителей визуальной картиной происходящего, оперативностью и легкодоступностью информации. Информационное про-

странство становится телецентрично, т.е. телевидение не просто главное СМИ, оно выстраивает вокруг себя все остальные медиа. Главными печатными СМИ становятся телегиды, в остальных газетах обсуждаются телевизионные сюжеты вчерашнего вечера, т.е. телевидение формирует повестку дня. Несмотря на то, что за последние годы печатные масс-медиа во многом утратили свои позиции в формировании общественного мнения, уступив пальму первенства телевидению, в нашем рейтинге они прочно занимают второе место. Исследование выявило больше всего непользователей у местного радио, Интернета, центрального радио.

Телевидение популярно во всех социальных группах. Женщины больше мужчин предпочитают телевидение (81,4 против 75,5 % мужчин), общение с друзьями, знакомыми (31,3 и 27,1 %), мужчины несколько больше читают (49,8 и 46,7 %), а также пользуются Интернетом (45,1 и 32,5 %). Интерес к чтению, слушанию радио растет с возрастом; общение, Интернет больше интересуют молодые группы. Больше всех читают шиханцы, меньше других ульяновцы и вольчане. Интернет, радио используют больше представители Ульяновской области, меньше – саратовских территорий.

В условиях серьезных рисков, угроз, опасности для респондентов важно: знать о ситуации все (43,6 %) (особо для мужчин), как можно больше знать о ситуации (42,4 %) (более мягкий вариант присущ прежде всего женщинам). В условиях рисков, угроз, опасностей СМИ лучше всего справляются с функциями: привлекать внимание к событиям (66,4 %), что подтверждает наблюдения Д. Меррилла; стимулировать обсуждение информации (63,1 %); предоставлять информацию оперативно (55,9 %). Очевидна меньшая удовлетворенность респондентов объективностью (36,8 %), достаточностью (35,0 %) информации. СМИ в глазах только трети опрошенных выступают в качестве единственного правдивого источника информации.

Современные СМИ не только по причине необходимости информирования населения о базовых жизненно важных проблемах, рисках, но зачастую и в угоду конъюнктуре, в погоне за рейтингами в качестве первоочередных новостей информируют об очередном террористическом акте, заказном убийстве, угрозе стихийных бедствий и других подобных случаях. Больше всего претензий у респондентов по поводу замалчивания серьезности проблемы (59,2 %), недостаточности информации (48,4 %) и одновременно в связи с сообщением лишней информации, не имеющей отношения к потребностям и интересам людей (47,9 %). Тенденция асоциальности прессы скорее не исчерпала себя. Одним из важных ее проявлений является восприятие опрошенными ее действий как совершающихся прежде всего в интересах власти (суммарно 48,5 %), в меньшей степени – в интересах общества (43,3 %).

Эффективность деятельности СМИ связывается с результативностью воздействия на общественное сознание, способностью формировать, изменять социальные установки, ценности и т.п., влиять на социальное поведение. Результативность воздействий, как показывает исследование, и конструктивных, и негативных, довольно высока. Субъективные оценки респондентов указывают на то, что СМИ в условиях риска наводят панику, сеют страх (76,7 %), одновременно помогают искать решения (47,9 %). Несколько меньшая эффективность – в процессе смены отношений (к другим людям (43 %), власти (43,1 %)). Это еще раз подтверждает, что существуют селективные

фильтры общественного сознания, отбирающие информацию, стимулирующие определенную направленность социальных оценок и установок. Наиболее категорично утверждают о дисфункциональных действиях СМИ по поводу формирования страха, панических настроений жители территорий повышенного риска (шиханцы – почти 100 %; свыше 80 % – жители Димитровграда, Балаково). Именно они, проживая в таких условиях, имеют возможность более объективно сравнивать предлагаемую СМИ информацию и реальные риски, угрозы. Меньше других воспринимают информацию СМИ как объективную жители Вольска, Шихан. Ульяновские потребители (Ульяновск и Димитровград) больше приписывают СМИ действий в интересах общества, умение оперативно информировать о событиях, прояснять ситуацию, стимулировать обсуждение проблем, статус единственного средства правдивой информации; более однозначно оценивают результативность СМИ по изменению отношений к людям, власти; высоко оценивают СМИ как средство, оказывающее помощь в поиске решений проблем.

Анализ данных фокус-групп, а также незаконченных предложений («Получая информацию из СМИ об опасностях, рисках, я...») еще раз подтвердил, что типичными реакциями на информацию СМИ о рисках являются: эмоции (сочувствую пострадавшим; переживаю за близких; начинаю нервничать; надеюсь «авось пронесет»; пойду, покурю; переживаю за свою страну и планету); когнитивные (стараюсь сделать выводы; стараюсь узнать больше; думаю, как выбраться из таких положений); поведенческие (ничего не делаю, пока не коснется меня; стараюсь сделать выводы и обезопасить себя в будущем; обсуждаю с друзьями; принимаю меры безопасности; предупреждаю знакомых; иду на работу). 62,1 % опрошенных утверждают, что нет телевизионных и радиопередач, которые бы помогали справиться с рисками, угрозами; 37,3 % считают, что им помогают телепередачи; 5,9 % – радиопередачи. Среди телевизионных передач и каналов, которые помогают справиться с рисками, угрозами, называют «Новости», «Время», «Вести», 1 канал, НТВ, «Час пик», «Совершенно секретно», ЧП на НТВ, музыкальные передачи, «Домашний», СТС, РЕН ТВ. К таковым же относят ответившие на этот вопрос утвердительно Loverадио, радио России. 73,1 % респондентов считают, что нет таких телевизионных и радиопередач о современных рисках, угрозах, которые бы их дезориентировали, запугивали. 25,8 % называют среди последних телепередачи; около 3 % – радиопередачи. Из них дезориентирующими и запугивающими называют следующие программы: «Пусть говорят» (самый высокий рейтинг), «Суд идет», «Федеральный судья», «Новости», «Вести», обзор событий за неделю, темы апокалипсиса, выступления депутатов Думы (чаще других жители Вольска), криминальные новости, «Максимум», дорожные сводки, каналы НТВ, ТВЦ, радио «Маяк».

Эти особенности функционирования центральных и местных СМИ актуализируют проблему доверия к ним. Рейтинги доверия достаточно высоки у всех массово-коммуникационных каналов. Максимум доверия информации имеют центральное телевидение, центральное радио, местное телевидение, центральные газеты. Больше всего недоверия к Интернету, местным газетам, местному радио. Местному телевидению больше доверяют шиханцы (имея в виду Саратовское, Балаковское телевидение), димитровградцы и ульяновцы; местному радио – жители саратовских территорий; местным газетам – жи-

ханцы, димитровградцы и ульяновцы. Больше других в ситуациях рисков доверяют сообщениям очевидцев, участников событий (62,5 %), экспертов (50,1 %), журналистов (40,6 %), официальных лиц (38,6 %). Менее всего – сообщениям предпринимателей (10,5 %), руководителей предприятий (12,9 %). Очевидцам, участникам событий больше доверия в саратовских территориях, экспертам – в Вольске, Димитровграде; журналистам – у жителей Шихан, Балаково; официальным лицам – в Димитровграде, Ульяновске; лидерам партий – в Шиханах, Ульяновске, Димитровграде. В числе главных причин недоверия называются выгоды, субъективность восприятия, оценок. Многие, «лицом к лицу» не сталкиваясь с рисками, не могут непосредственно воспринимать их. Воспринимаются особенности уже принятых кем-то решений, ведущих к ощущению риска, чьи-то суждения. А потому нередко оперирование понятием риска происходит лишь в субъективных категориях.

Производство рисков изменяет политическую систему общества. По мнению Бека, главной особенностью современного западного общества является все увеличивающаяся свобода индивидов от влияния общественных структур. Наблюдается также ослабление доверия между людьми и, особенно, к органам власти, социальным институтам, т.е. происходит сужение социального пространства. Особенности СМК, степень доверия к ним во многом зависят от социально-политических и экономических условий, в которых они функционируют.

Обратимся к показателям доверия-недоверия СМИ. В нашем исследовании самый проблемный город как производитель и потребитель повышенных рисков – Балаково. Население выживает за счет собственной высокой экономической активности, рыночной и политической экспансивности, социальной мобильности. Рейтинги доверия местным властям в Балаково одни из самых низких – 9,6 % (ниже только в Вольске). Недоверие местному телевидению (активно развивающемуся) выражает самое большое число опрошенных балаковцев (суммарно 24,6 %). Местным газетам в большинстве территорий не доверяет примерно четверть населения (исключение – Вольск – самый высокий показатель; Шиханы – самый низкий). Вольск – промежуточный в нашей шкале рисков. Территориально находится между Балаково и военными городками Шиханы, имеет сложную экологическую ситуацию, слабую экономическую базу, стал периферийным, ведомым в рыночных процессах. Значительная часть работающих предприятий, являющихся реальной налогооблагаемой базой, как то рынок, предприятия пищевой промышленности, магазины и пр., принадлежит балаковским предпринимателям. Квалифицированные вольские специалисты ежедневно выезжают на работу в Балаково. Представители балаковской политической элиты успешно избираются в Вольске на ведущие политические посты (как, например, руководитель Вольского районного территориального образования), создают преференции балаковским предпринимателям в Вольске. Властная среда пронизана конфликтными отношениями, как следствие – слаба. Вольчане продемонстрировали самую большую неудовлетворенность действиями властей. Доверие городской администрации выразили только 4,3 %. Недоверие местному телевидению суммарно выразил 23,1 % респондентов (2-е место после Балаково), местному радио – 32 %, местным газетам – 37,9 % (самые высокие показатели среди всех территорий). Шиханы – территория повышенного риска, самая за-

крытая, с сохранившимися довольно сильными социальными связями, общинными отношениями, зависящая от государства финансово и в плане социальной защиты, развития и полагающаяся на него. В целом можно констатировать, что население проживает в относительно спокойных (точнее, рутинных) условиях. Шиханцы продемонстрировали самые низкие показатели недоверия СМИ. Администрации городов доверяют не более 12 % жителей.

Условия выживания Вольска, Шихан «вынуждают» жителей «плыть по течению», поскольку нет реальной возможности осуществить прорыв объективных ограничений. Отношения к социальным институтам (СМИ и власти) здесь как в бифуркационных социумах, разновекторные. При очень низких показателях доверия власти в обеих территориях одни, вероятно, имеют основания также категорично проявлять недоверие СМИ (вольчане), другие проявляют к ним самые толерантные отношения, возможно как к последней инстанции (шиханцы). Политические действия (или бездействия) можно квалифицировать как факторы, усугубляющие имеющиеся экологические, промышленные и другие риски, а также как самостоятельные факторы риска. В таких условиях происходит рост потребности в формировании институтов гражданского общества, прозрачности отношений, открытости информации.

Димитровград – город, отнесенный к территории повышенного риска, однако с достаточно спокойной социально-политической ситуацией, ориентированный на определенный уровень развития инновационных технологий, взаимодействующий с различными отечественными и зарубежными инвесторами, имеющий вполне реальные перспективы развития. Ульяновск последнюю пятилетку находится в достаточно стабильных политических, экономических, социальных условиях, однако существенных прорывов все-таки нет. Здесь отсутствует повышенный риск, социальная система поддерживается в рабочем тоне, стимулируется ее движение, хотя социальная стабилизация, активное формирование общества потребления довольно быстро, не всегда заметно способствуют появлению застойных коннотаций. Ульяновских жителей в минимальной степени интересуют проблемы отсталости экономики и техники, слабости гражданского общества. В ульяновских территориях показатели доверия власти и СМИ самые высокие (власти в среднем каждый четвертый выражает доверие, показатели доверия местным СМИ ниже, чем в Шиханах, но значительно выше, чем в Балаково и Вольске). Отношения можно квалифицировать как сдержанные.

Таким образом, несмотря на подорванное доверие, СМИ продолжают оказывать влияние на мало доверяющую им, но не отказывающуюся от них аудиторию, оставаясь самым важным каналом получения информации. В бифуркационных условиях, в рискованной среде отношения к СМИ соскальзывают в крайности, с учетом комплекса местных особенностей имеют разный знак. В условиях стабилизации социума отношения к социальным институтам, включая СМИ, становятся более взвешенными.

Особенности СКМ, степень доверия к ним во многом зависят от политической системы, в рамках которой они функционируют. П. Штомпка справедливо утверждал, что доверие – необходимая предпосылка политического порядка, в то же время – результат политического порядка. Индивидуальное восприятие риска опосредовано местным сообществом. Действие социальных институтов по управлению риском изменяет социальную интерпретацию

риска. Восприятие СМИ и отношение к ним во многом зависят от восприятия индивидом основного субъекта этого воздействия (журналиста, владельца СМИ, органа власти и т.п.), а также от осознания, в чьих интересах (массовой аудитории, элитных групп, самого СМИ) это воздействие осуществляется. СМИ зачастую воспринимаются не только как информационный канал, средство выражения общественного мнения, но и как орган социального управления или связанный с ним, что может еще больше снижать доверие населения к их сообщениям.

Исследования показывают неоднозначность оценок СМИ. Их приверженность принципам свободы слова, борьба за прозрачность власти, нередко противостояние ей могут вызывать симпатии. Вместе с тем ориентация на прибыль в условиях рыночной экономики, погоня за сенсационностью, игнорирование интересов общественности, этических принципов, манипулирование общественным мнением, информационные войны вызывают справедливые упреки СМИ в ангажированности, необъективности, безответственности. В таких условиях сообщества активно рефлексировать, возникает общественное мнение о проблеме, начинаются процессы самоорганизации в обществе, которые предполагают активность не столько «снизу», но и «сверху». Появляются ожидания регуляции деятельности СМИ. С ростом опасности при одновременном политическом бездействии в обществе риска появляются оценки, при которых риски приписывают не их производителям, а тем, кто их вскрывает, тем самым сеет в обществе беспокойство, т.е. СМИ.

Риск выгоден. Производство рисков приносит деньги, власть, социальный статус. Ситуации рисков, кризисов, опасностей, по мнению опрошенных, выгодны: олигархам – 44,1 %; другим государствам (например, США) – 34,8 %; государству – 32,7 %; СМИ – 7,1 %. Менее всего выгодны самим людям – 8,5 %; никому не выгодны – 14,7 %; региональной власти – 18,8 %. Названы прямые выгоды от таких ситуаций для СМИ: информация, деньги, власть, обман населения, запугивание людей, сеяние паники, самопоказуха, рейтинги. В высказываниях очевидная асимметрия негативного. Единицы вспоминали о возможностях создания нового, положительного.

Коммуникативные воздействия с точки зрения создания условий взаимопонимания, кооперации часто неэффективны, а усилия по социальному контролю грубы и непредсказуемы. Необходимо понимать важность осторожного обращения с высокочувствительными сложными социальными системами. Информационное воздействие должно быть не энергетически мощным, а адекватным, в этом смысле – правильно организованным. Такие воздействия способны подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных путей развития, обеспечить самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие, тем самым минимизируя риски, повышая доверие между социальными подсистемами.

Список литературы

1. **Фреик, Н. В.** Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки / Н. В. Фреик // Социологические исследования. – 2006. – № 11. – С. 10–18.
2. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ Ltd, 1992. – 955 с.
3. Энциклопедия социологии. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology>

4. **Алексеева, А.** Уверенность, обобщенное доверие: критерии различия / А. Алексеева // Социальная реальность. – 2008. – № 7.
5. **Фукуяма, Ф.** Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
6. **Коулман, Дж.** Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
7. **Басина, Е.** Некоторые аспекты отношения российских граждан к СМИ / Е. Басина // Библиотека центра экстремальной журналистики. – URL: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=557&c_id=6602
8. **Короченский, А. П.** Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ / А. П. Короченский // Журналистика и медиарынок. – 2006. – № 12.

Рассадина Татьяна Анатольевна

доктор социологических наук,
профессор, кафедра связей
с общественностью, Ульяновский
государственный университет

E-mail: t.rassadina@mail.ru

Rassadina Tatyana Anatolyevna

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of public relations,
Ulyanovsk State University

УДК 316

Рассадина, Т. А.

Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 61–70.

ИНФОРМАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируется информационно-идеологический фактор, который формирует духовную составляющую молодежи, являющуюся основой ее безопасности. Автор представляет сравнительный анализ промежуточных результатов социологического исследования с информационно-идеологической позиции, обеспечения национальной безопасности государства и нации в целом.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационно-идеологический фактор, молодежь, духовная безопасность, патриотизм, угрозы.

Abstract. The article deals with the informational and ideological factor forming the spiritual part of the youth's life (which is the base of their security). The author analyses the process of providing national state security (security of the whole nation) through comparison of the intermediate results of sociological study (opinion poll among youngsters) from informational and ideological point of view.

Key words: informational security, informational and ideological factor, the youth, spiritual security, patriotism, threats.

В силу многих причин объективного и субъективного характера исследованию проблем национальной безопасности уделяется большое внимание только в последнее время. Это связано с тем, что, с одной стороны, произошел распад Советского Союза и современная Россия приняла новую парадигму национальной безопасности, а с другой стороны, научное исследование в любой области предполагает прежде всего выявление основных факторов, т.е. причин, рассматриваемых социальных проблем. Как правило, главными направлениями национальной безопасности выступают безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства в таких сферах, как оборона, общественная жизнь, международная жизнь, экология, экономика, информация [1], которые должны включаться в единую систему, учитывающую угрозы одним объектам, при этом отражая эти угрозы, защищаясь или уничтожая их носителей в превентивном порядке другими объектами.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации в числе сегодняшних фундаментальных интересов называет национальные интересы в информационной сфере [2].

Однако, понимая важность информационной безопасности общества, необходимо отметить тот факт, что существует некоторая размытость в содержании терминов, связанных с «информацией», которые так или иначе раскрывают понятие «информационная безопасность». В энциклопедических изданиях сущность понятия «информационная безопасность» отражается, с одной стороны, в содержании понятия «безопасность», т.е. «состояние надежной защищенности жизненно важных интересов... положение, при котором кому-либо, чему-либо (в самом широком смысле) не угрожает опасность любого вида и рода» [3, с. 104], с другой стороны – в содержании понятия «информационная сфера» (информационные процессы, отношения), без которой невозможно представить общество.

Кроме того, при анализе процесса становления истории человечества напрашивается вывод о том, что сила информационного воздействия создавала информационно-идеологические системы – религиозные, национальные, культурные, образовательные, которые, в силу объективных причин, особенно актуальны для современного молодого поколения. Это связано с тем, что «молодежь – ... социально-возрастной слой общества, через который воспроизводится вся совокупность общественных отношений. От степени восприятия молодежью тех или иных исторических ценностей (духовных, нравственных, материальных), от творческого развития молодежи зависит будущее Российского государства» [4]. Следовательно, «информационная безопасность» общества должна быть основана на информационно-идеологическом факторе, который формирует духовную составляющую молодежи, а значит и является основой ее безопасности.

В последние десятилетия мир переживает период перехода от индустриального общества к информационному. Соответственно, социальный аспект обеспечения информационной безопасности сосредоточен на месте и роли человека в условиях наступления информационной «волны». К ключевым проблемам для личности в этих условиях причисляют: соблюдение прав и свобод в информационной сфере; защиту персональных данных; обеспечение социально-психологической безопасности; создание условий для духовного, интеллектуального и профессионального развития. Безусловно, каждый из этих рисков актуален. Но наиболее опасным является риск разрушения национальной культуры, духовной культуры человека, ее подмена попкультурой, оказывающей негативное воздействие на русский язык, падение общественной морали, что может повлечь за собой разрушение самой основы русской национальной культуры. Во многом это связано с отсутствием продуманной системы воспитания молодого поколения, недостаточным влиянием на эти процессы образования и высшей школы.

Особенно весомый вклад в процесс «духовного» становления молодежи вносит рыночная ТВ-продукция, на экранах бытуют сцены насилия, секса, замаскированного под «эротiku», пропагандируется культ наживы любой ценой, вседозволенности – именно эта продукция доминирует над художественно-эстетической и культурно-просветительской. Происходит деформация системы массового информирования как за счет монополизации средств массовой информации, так и за счет неконтролируемого расширения сектора зарубежных средств массовой информации. Недостаточное финансирование соответствующих программ и мероприятий приводит к постепенному упадку объектов российского культурного наследия и, как следствие, к неспособности современного общества обеспечить формирование у молодого поколения общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны.

Критерий массового охвата аудитории становится ведущим принципом функционирования телевидения, существующего на основе самоокупаемости и коммерческой выгоды. В российских СМИ процветает полная бесконтрольность, и любые предложения о наведении порядка отвергаются под предлогом конституционного запрета цензуры, однако во многих развитых странах существуют наблюдательные советы.

Массовый охват молодежной аудитории СМИ подтверждается авторским исследованием (общий объем выборки составил 1000 человек, приняли участие респонденты обоих полов, из которых 495 юношей и 505 девушек, возрастные границы – от 15 до 18 лет, средних и высших учебных заведений г. Смоленска и г. Ярцево Смоленской области, исследование проводилось в 2009–2010 гг.). Респонденты указали на то, что они получают информацию о жизни современной молодежи через следующие источники: телевидение – 26,4 %; интернет – 23,6 %; знакомых, друзей, соседей – 18,8 %; педагогов, родителей – 14,0 %; газеты и журналы – 10,2 %, печатные издания – 7,0 % (рис. 1).

Рис. 1. Распределение источников информации о жизни современной молодежи с позиции респондентов (в процентах от числа опрошенных, $n = 1000$)

Однако высокий рейтинг телевизионного продукта, призванного удовлетворять духовные потребности современного молодого человека, не означает его высокое качество. Продукция, духовно возвышающая человека, воспитывающая разносторонне развитую личность, укрепляющая институт семьи и духовные ценности, в условиях рыночной экономики с неизбежностью исчезает из эфира. Результатом увлечения коммерциализацией стало нарушение основного требования государства к культуре – ее доступности для всего народа.

В государстве, имеющем богатейшие традиции и культуру, ежедневно предоставляется информация, наносящая вред духовному и эстетическому развитию молодых россиян. Классическая и народная музыка практически «ушла» из эфира многочисленных радиостанций. Музыкальный и эмоциональный мир современной молодежи становится примитивным и убогим. Подменяются нравственные ценности – участливость, совесть, уважение к старшему поколению. Происходит психологическое подавление наиболее уязвимой части общества – детей и молодежи.

К сожалению, за небольшое время телевидение сумело нивелировать основу всех достижений страны и будущего ее развития – исторически устойчивое в России уважение к образованию, профессии. Происходит обесценивание подлинных культурных ценностей и подмена их суррогатами «массовой культуры». Получила распространение потребительская мораль, а многое из того, что традиционно считалось пороком, возводится в добродетель. Все это свидетельствует о духовном нездоровье общества, о постепенной утрате им своих духовно-нравственных и идейных основ. Однако на

фоне этих негативных тенденций молодое поколение пытается противостоять пропагандируемым ценностям. Так, согласно эмпирическим данным, полученным в результате опроса, 62,3 % молодежи применили бы нравственную цензуру на продукцию СМИ, 3,7 % – частичную цензуру (например, на аморальные поступки), но, к сожалению, одна треть опрошенных (34 %) не стала бы этого делать (рис. 2). Можно предположить, что пропаганда безнравственности вызывает у подрастающего поколения раздражение, отстраненность и агрессию против принятых и пропагандируемых обществом ценностей.

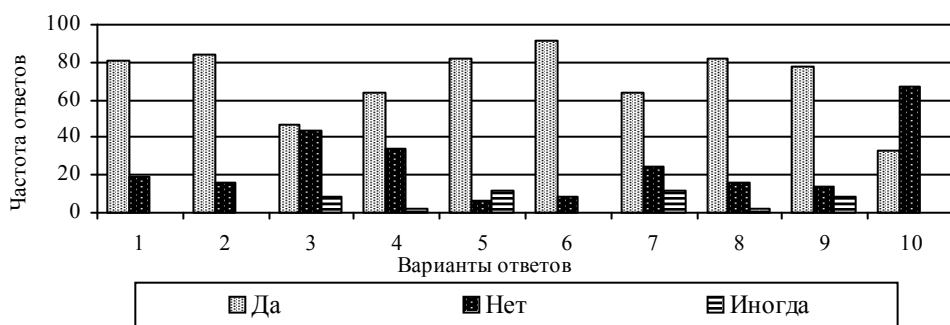

Рис. 2. Мнение молодежи о возможности применения нравственного контроля для продукции СМИ (в процентах от числа опрошенных, $n = 1000$)

Таким образом сегодня важно не просто осознать степень нависшей над обществом опасности, но и, выявив угрозы духовного уничтожения молодежи, определить, какими средствами можно их предотвратить. С позиции автора статьи, это должно быть патриотическое воспитание в широком смысле: историко-краеведческое, экологическое, военно-патриотическое, педагогическое и т.п., что подтверждается и мнением респондентов.

Безусловно, информационно-идеологический фактор невозможен без патриотического воспитания. Патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, являющаяся важнейшим духовным достоянием личности, характеризующая высший уровень ее развития и проявляющаяся в активно-деятельностной самореализации на благо Отечества. Доктор социологических наук, профессор А. А. Козлов определяет патриотизм как «интегративную, системообразующую характеристику личности (социальной общности, общества в целом), имеющую генетические корни, отражающую исторически объективно сложившуюся связь человека (общность) и подразумевающую нравственно-эмоциональную связь названных субъектов с комплексом географических, этнических, исторических, культурных, идеологических, эстетических, религиозных и т.п. представлений, оцененных в понятии «Родина», имеющих ценностно-деятельностную природу и проявляющихся в стремлении данные ценности отстаивать, защищать и приумножать» [5].

Существует несколько подходов к исследованию патриотизма: возвышенно-деятельностный (патриотизм трактуется как возвышенное чувство любви к Родине, Отечеству, которое побуждает человека к активным дей-

ствиям на ее благо); как общественное явление (содержание и характер данного явления в значительной степени обуславливаются особенностями исторического развития общества, государства и его правящей элиты); как явление общественного сознания (с середины 80-х гг. XX в. преобладает тенденция осмысления патриотизма как одного из явлений духовной жизни общества); этический (согласно Г. Гегелю патриотизм означает стремление к общим целям и интересам государства через интересы личности, группы, общества в целом, а государство выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности и выражается в чувстве гордости за державу); личностный (первостепенная роль отводится личности как высшей ценности); духовно-религиозный (рассматривает данное качество личности как акт высокой духовности, являющийся глубоко религиозным) [5].

Если опираться на патриотизм как на явление общественного сознания (третий подход), рассматривать государство как главный объект патриотизма (четвертый подход) и предположить, что он может являться фундаментальной основой обеспечения национальной безопасности общества, то возникает вопрос: «Через какие субъекты обеспечивается национальная безопасность, с точки зрения современной молодежи?». Для того чтобы ответить на него, в анкеты авторского исследования был введен вопрос: «Что обеспечивает, по Вашему мнению, национальную безопасность государства (безопасность нации в целом)?». Варианты мнений респондентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Мнение респондентов о том, что может обеспечить национальную безопасность государства (безопасность нации в целом) (в процентах от числа опрошенных, $n = 1000$)

Вариант ответа	Армия	Правовая база	Идеология, патриотизм	Высшее духовное развитие общества	Церковь
Определенно НЕТ	2,5	4,8	4,1	5,3	3,4
НЕТ	2,1	2,5	5,2	2,9	2,6
Может быть	1,5	4,3	5,1	6,8	2,5
ДА	1,2	4,5	7,9	6,2	2,6
Определенно ДА	1,6	3,3	9,1	4,6	3,4

Анализируя полученные результаты, важно обратить внимание на следующее:

– национальную безопасность государства (безопасность нации в целом), по мнению опрошиваемых, может обеспечить патриотическое воспитание (идеология). Средний показатель (ответ «Да» и «определенно Да») составил 17,0 % (хотя четвертая часть респондентов с этим мнением не согласна: ответ «Нет» и «определенно Нет» составил 9,3 %);

– ранговые позиционные показатели выглядят следующим образом – ответ «Да», «определенно Да»: высшее духовное развитие общества – 10,8 %; правовая база – 7,8 %; церковь – 6,0 %; армия – 2,8 %; ответ «Нет», «определенно Нет»: армия – 4,6 %; церковь – 6,0 %; правовая база – 7,3 %; высшее духовное развитие общества – 8,2 %;

– если учитывать ответ «Может быть», то ранговые показатели не изменились, однако процентный показатель увеличился (первых три ранга, по убывающей): около четвертой части молодежи настаивает на том, что национальную безопасность государства может обеспечить патриотическое воспитание (идеология) – 22,1 %, высшее духовное развитие общества – 17,6 %, правовая база – 12,1 %.

Следовательно, большая часть опрошенной молодежи склоняется к тому, что идеология, патриотизм, духовность и законность общества смогут обеспечить безопасность нации в целом (национальную безопасность общества).

Трудно не согласиться с тем, что патриотизм представляет собой сложное и многогранное явление. Будучи одной из наиболее значимых ценностей общества, он интегрирует в своем содержании социальные, политические, духовно-нравственные, культурные, историко-краеведческие и многие другие компоненты (ранговые позиции, по результатам исследования, подтвердились). Проявляясь в первую очередь как эмоционально-возвышенное отношение к Отечеству, как одно из высших чувств человека, патриотизм выступает в качестве важной составляющей духовного богатства личности, характеризует высокий уровень ее социализации.

На основании вышеизложенного выделим основные риски информационно-идеологического фактора формирования духовной безопасности молодого поколения [8]:

– доминирование рыночных критериев отечественных СМИ над художественно-этическими и культурно-просветительскими и, как следствие, резкое снижение качества и доступности культурных благ (литература, театр, отечественный кинематограф);

– негативное информационно-психологическое воздействие СМИ (как отечественных, так и зарубежных) на наиболее информационно уязвимую часть населения – детей и молодежь;

– вытеснение базовых жизненных ценностей российской цивилизации (патриотизм, духовность, уважение к образованию, профессии, уважение к старшему поколению, участливость, совесть и др.) агрессивной свободой культуры, порой ориентированной на потребности маргинальных слоев.

Таким образом, раскрыв важность информационно-идеологического фактора в формировании духовной личности молодого человека и выделив его основные риски, мы представляем свое видение в решении проблемы духовной безопасности молодежи, которая рассматривается как патриотическо-идеологическое воспитание, включающее в себя информационно-идеологический фактор и имеющее три направления реализации: экологическое (формирование личностных и семейных ценностей, культуры здоровья, уважения к религиозным основаниям отечественной культуры), историко-краеведческое (культурно-историческое воспитание и образование; борьба с мифологизацией истории; участие в исторических акциях: военно-исторических клубах, вахта памяти и т.п.) и гражданско-идеологическое (воспитание уважения к моральным и юридическим нормам, регулирующим жизнь общества; формирование идеологически-правового сознания).

Итак, подведем итог вышесказанному. Информационные технологии усиливают возможности целенаправленного манипулирования людьми, из-

меня их сознание и поведение. Так в периоды культурно-нравственной революции жизни общества, когда происходит сдвиг моральных и духовных ценностей, сознание человека, и особенно сознание молодого человека, теряет привычные ориентиры поведения, повышается внушаемость, усиливается «эффект толпы», увеличивается асоциальное и криминальное поведение. В идеологической сфере это приводит к попыткам создания контркультуры, принципиально противопоставленной прежней, традиционной, с ее духовными ценностями, что в принципе сегодня мы и наблюдаем. Для решения проблемы гражданско-духовного становления молодежи необходимо учитывать информационно-идеологический фактор при разработке и реализации мероприятий, направленных на формирование ее духовной безопасности.

Список литературы

1. Положение о Совете безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 29. – Ст. 3479 ; № 41. – Ст. 4689.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (с изм. и доп. от 10 января 2000 г. № 24). – М., 2000.
3. Политическая энциклопедия. – М. : Мысль, 1999. – Т. 1. – С. 104.
4. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : словарь. – М. : Республика, 2001. – 544 с.
5. **Козлов, А. А.** О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект : учеб.-метод. материалы / А. А. Козлов. – URL: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2266.

Фомченкова Галина Алексеевна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии, Смоленский
государственный университет

E-mail: galalfom@yandex.ru

Fomchenkova Galina Alekseevna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of sociology, Smolensk State University

УДК 316.346.32-053.6

Фомченкова, Г. А.

Информационно-идеологический фактор формирования духовной безопасности молодежи / Г. А. Фомченкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 71–77.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к изучению категории отчуждения труда. На основе проведенного социологического исследования рассматриваются наиболее распространенные проявления отчуждения труда работников автотранспортных предприятий.

Ключевые слова: отчуждение труда, аномия, самоотчуждение, экономическое принуждение.

Abstract. The article analyzes various approaches to studying a category of alienation of labour. On the basis of the conducted sociological research the authors consider the most widespread displays of labour alienation of workers at motor transportation enterprises.

Key words: work alienation, an anomy, self-alienation, economic compulsion.

Современная традиция употребления термина «отчуждение труда» берет начало от К. Маркса. Источником отчуждения, по К. Марксу, является отчужденный характер труда, поскольку именно труд является основной деятельностью человека, в которой он реализует себя. К. Маркс выстраивал целостную концепцию отчуждения продуктов деятельности человека от его личности. По К. Марксу, личность обретает себя в своем труде и результатах этого труда, но в условиях царствования наемного характера труда личность теряет себя и вынуждена отторгать продукты своей деятельности в чуждую и часто враждебную ей сферу.

В целом отчуждение, по К. Марксу, проявляется в следующих феноменах:

– отчуждение человека от процесса и продукта труда (субъективная неудовлетворенность, ощущение вынужденной деятельности, инструментальный характер деятельности вместо творческого);

– отчуждение человека от родовой сущности (и вследствие этого – неспособность воспринимать человеческий смысл предметов культуры, «слепота» к ценностям);

– отчуждение человека от предметного мира (частная собственность становится предметом формального обладания, а не действительного ее освоения);

– фрагментация жизни (жизнь человека в ее различных сферах не имеет единой направленности и переживается им как разорванная, чуждая);

– отчуждение человека от человека (дегуманизация отношений, другой человек становится средством, а не целью) [1, с. 43–174].

Идеи К. Маркса об отчуждении труда становятся популярными среди представителей Франкфуртской школы. Так, Э. Фромм, опираясь на идеи К. Маркса, раскрывал и описывал отчуждение от работы со стороны рабочего (для которого труд становится мучением, а идеалом – лень и враждебность по отношению к труду), со стороны собственника производства (который рассматривает его как капитал и не несет ответственности за процесс), а также со

стороны бюрократа (который относится к миру как к объекту своей деятельности) [2, с. 635].

Именно благодаря представителям Франкфуртской школы термин «отчуждение» получает широкое распространение среди социологов в 1960–1970-е гг. Употребление данного термина по отношению к работе в социологической литературе трактовалось как неудовлетворенность, отсутствие мотивации, утрата контроля, субъективного смысла труда, отсутствие самовыражения и т.д.

Современные отечественные исследователи проблемы отчуждения труда Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиулина, В. В. Радаев, Т. П. Субботина акцентировали внимание на том, что «отчуждение труда существует, когда в процессе и в результате своей деятельности работник воспроизводит внешние, не контролируемые им материальные силы и отношения, которые в дальнейшем противостоят ему как чужие, навязанные ему условия труда и жизни» [3, с. 22].

Таким образом, в случае отчуждения труда человек, принудительно или добровольно, включается в трудовой процесс, зажатый в тиски социальных условий, которые являются внешними и чуждыми для него, более того, поработают человека, делают его труд бессмысленным, уродующим морально и физически. Причем человек своими собственными руками и мыслями продолжает воспроизводить эти социальные условия.

В свою очередь В. В. Радаев выделяет несколько форм принуждения к хозяйственной деятельности, неизбежно приводящих к отчуждению труда. Во-первых, силовое или внеэкономическое принуждение, выражающееся отношениями непосредственного господства и подчинения, личной зависимости человека от других людей, административных, политических или военных органов. В условиях внеэкономического принуждения человеком движет страх – перед возможным физическим насилием (вплоть до уничтожения), перед лишением юридического, гражданского или социального статуса – быть избитым, посаженным в тюрьму, уволенным с работы.

Во-вторых, экономическое принуждение, под которым понимается односторонняя зависимость человека от материальных условий его существования. Когда не обеспечен минимум базовых потребностей, у человека фактически отсутствует выбор: им также руководит страх перед голодом, нищетой, деградацией. Причем речь идет не только о физиологическом, но и о социальном минимуме, определяемом принадлежностью к какому-то сообществу или конкретным группам.

В-третьих, технологическое принуждение, выражающееся односторонней зависимостью человека от условий труда и производства, порождаемое его узкой профессиональной квалификацией, прикреплением к рабочему месту. Примером могут послужить «монозаводские» города, где наиболее вероятным исходом для большинства трудоспособного населения является работа на единственном предприятии. В результате закрепления несложных узкопрофессиональных навыков покинуть свое место с годами становится все труднее, да и уходить особенно некуда. Люди становятся придатками конкретного технологического процесса.

В-четвертых, идеологическое принуждение – наиболее тонкое из перечисленных форм воздействия. Оно возникает как продукт манипулирования

личным интересом: используется страх Божьей кары, потери жизненных ориентиров, разрыва социальных связей с референтной группой. И без того условная грань между негативной и позитивной мотивацией здесь практически стирается [4, с. 96–98].

Представляет интерес анализ исторического опыта Н. И. Лапиным, в ходе которого он пришел к выводу, что современное отчуждение работающих от результатов своего труда, от адекватной его оплаты стало следствием трудовой и продовольственной мобилизации периода военного коммунизма, системы ГУЛАГа и более «мягкой» индустриальной и аграрно-коллективизаторской мобилизации [5, с. 20–22].

Бесспорно, отчуждение труда крайне негативно влияет на деятельность организаций и отрицательно сказывается на процессах интеграции организационных систем. Более того, последствия отчуждения труда для организации могут быть критическими: снижение производительности и качества труда, инициативы в связи с ослаблением мотивации; снижение психологического, а затем и физиологического здоровья работников; различные формы проявления девиантного поведения.

В изучении проблемы отчуждения труда возникла гипотеза так называемой «П-образной» кривой, согласно которой отчуждение работников увеличивается по мере механизации труда, но затем уменьшается с переходом к развитой технологии [6, с. 56; 7, с. 298].

Несмотря на то, что проблема отчуждения не является новой для современной российской социологии, вместе с тем в социологической литературе наблюдается нехватка эмпирических исследований по данной проблеме. Все обсуждения отчуждения ведутся на уровне абстрактных философских категорий и понятий либо ограничиваются обсуждениями отдельных аспектов данной проблемы. Тем не менее западными учеными накоплен богатый опыт в решении данного вопроса.

Разработанная профессором Школы социальной экологии Калифорнийского университета С. Мадди диагностика отчуждения представила собой удачную попытку преодолеть проблему отсутствия надежных и валидных инструментов, которые позволяли бы не только диагностировать общий уровень отчуждения, но и дифференцировать различные аспекты этого сложного феномена. Авторы предприняли попытку измерить отчуждение как субъективное состояние, о котором человек способен отдавать себе отчет. Теоретической основой методики послужила концепция отчуждения С. Мадди, который выделяет четыре формы отчуждения:

1. **Вегетативность** – неспособность поверить в истину, важность или ценность любой реально осуществляемой или воображаемой деятельности. Вегетативность является наиболее тяжелой формой отчуждения.

2. **Бессилие** – утрата человеком веры в свою способность влиять на жизненные ситуации, однако при сохранении ощущения их важности, что позволяет считать бессилие менее серьезной формой отчуждения, нежели вегетативность.

3. **Нигилизм** – убеждение в отсутствии смысла и активность, направленная на его подтверждение путем занятия деструктивной позиции. Эта форма недуга включает в себя переживание некоторого смысла – пусть это и парадоксальный, антисмысл – и связана с активностью по его реализации, что

позволяет считать нигилизм менее серьезной формой отчуждения, чем вегетативность и бессилие.

4. Авантюризм (С. Мадди также употребляет термин «крусадерство») – поиск жизненности, вовлеченности в опасных, экстремальных видах деятельности в силу переживания бессмысленности в повседневной жизни. Эта форма отчуждения является наименее серьезной, поскольку связана с активностью, поиском новых ощущений [8].

Авторы измеряют уровень отчуждения в пяти сферах жизнедеятельности: работа, общество в целом, межличностные отношения, семья, собственная личность.

Признанный авторитет в западной социологии по проблеме отчуждения Р. Блаунер выделил четыре переменных отчуждения:

1. Бессилие. Личность испытывает отчуждение данного типа, когда является не субъектом, а объектом, управляемым людьми или какой-нибудь иной внешней системой.

2. Бессмысленность. Отчуждение данного типа возникает тогда, когда работник не чувствует, что его собственные действия и деятельность, которую он выполняет, не приводят к достижению жизненно важных целей, не являются заметным вкладом в деятельность его коллектива, организации и общества в целом.

3. Изоляция. Данный тип отчуждения возникает при условиях разрыва личных связей, когда работник, находясь в обществе, не чувствует себя его членом. Рабочий может испытывать данный тип отчуждения даже вследствие таких причин, как неудачно оборудованное рабочее место или неудобный график работы.

4. Самоотчуждение. Данный тип отчуждения возникает в условиях, когда работа становится самоцелью, когда трудовая деятельность не способствует проявлению индивидуальности и изобретательства и негативно влияет на чувство собственного достоинства [9].

Данного направления придерживаются и отечественные исследователи. Например, Ж. Т. Тощенко включает понятие отчуждения труда в структуру «частичного» человека, поставленного в «положение простого исполнителя функций определенного производственного цикла» [7, с. 294–301].

Стоит отметить, что отчуждение труда связано с потребительской ориентацией на труд. Недаром потребление некоторыми исследователями трактуется как «бегство» человека от отчужденного труда [10]. Трудовая деятельность в целом ассоциируется со средством получения дохода, в этом каждый обыватель видит предназначение и ценность труда, формируя «потребительское» отношение к нему [11, с. 23; 12, с. 87].

Согласно результатам исследования ценностных ориентиров работников государственных предприятий в период с 1994 по 2003 гг., выявляется смещение акцентов в ценностном сознании работников государственных предприятий с направленности на творческую самореализацию к ориентации на прагматические ценности. Работники же индивидуальных частных предприятий, если сравнивать 2003 г. и середину 1990-х гг. (1994, 1997), характеризуются более выраженной ориентацией на ценности личной жизни, тем не менее первое место занимает группа прагматических ценностей, ценностей деловой и экономической активности [13, с. 121–141]. Проведенное исследо-

вание оценки отношения к труду у работников выявило, что 55,3 % респондентов предпочитают «не напрягаться, но требования выполнять»; 27,8 % отличаются «отношением безразличия, отсутствием заинтересованности выкладываться», и только 16,9 % респондентов выделяются «отношением ответственным и заинтересованным» [14, с. 49].

Тем не менее труд может и должен являться непосредственной, самостоятельной ценностью, источником развития. Положение труда как побочного аспекта жизнедеятельности, на наш взгляд, является прямым следствием отчуждения труда. Так или иначе, труд, став самоцелью и не утратив значимости как средства присвоения различных благ, исключает возможность развития состояния отчуждения.

Вместе с тем стремление к труду как к средству присвоения внеуродовых благ или отсутствие каких-либо положительных мотивов у подавляющего большинства работников было и остается характерным для российского общества.

При изучении категории отчуждения возникает вероятность путаницы данного явления с аномией. Проблема соотношений категорий отчуждения и аномии, безусловно, исключительно сложна и многомерна.

Вспомним, что аномия (от франц. *anomie* – беззаконие, безнормность) представляет собой такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно. Именно к категории аномии обращаются исследователи, пытаясь объяснить причины и условия девиантного поведения. Понятие аномии рассматривается в качестве методологической базы для определения состояния в условиях перехода от одной целостной общественной системы к другой, качественно новой.

В случае аномии человек выполняет трудовые функции, вступая в отношения, не урегулированные социальными нормами: правила и предписания в данной области еще не выработаны или они существуют, но отвергаются определенными группами. Здесь на поверхность нередко прорываются не лучшие человеческие качества в виде безудержной алчности или безжалостной конкуренции.

Аномия возникает при отсутствии разделяемых обществом норм, а отчуждение труда – результат принудительного, вынужденного труда. Однако, как отмечает В. В. Радаев, между данными категориями есть и определенные сходства: оба состояния указывают на принципиальное значение социальных условий трудовой деятельности и на различия ролей, которые они играют в трудовом процессе [4, с. 117–118].

Приступая к рассмотрению проблемы отчуждения труда работников сферы пассажирских автотранспортных предприятий (далее – ПАТП), отметим, что Р. Блаунер изучал данное явление через категории отстраненности, бессмысленности, изолированности и самоотстранения, как отмечалось ранее. Рассмотрим каждую из них в отдельности применительно к сфере ПАТП.

Категория отстраненности, безвластия над той трудовой ситуацией, в которой работник не может контролировать свои действия или условия существования, является неоднозначной для рассматриваемых групп работников (водительский и кондукторский составы, ремонтные рабочие). С одной стороны, в работе существуют жесткие нормы, предписания трудовой дея-

тельности. С другой стороны, специфика работы диктует необходимость принятия самостоятельных решений, инициативы, исключает монотонность, утрату квалификации и пр.

Кроме того, стоит отметить, что категории рассматриваемых работ сферы ПАТП не предполагают высокого профессионального и административного роста, что усиливает ощущение отстраненности.

Показатель ограниченности, бессмысленности выполняемого труда у сотрудников ПАТП невысок, поскольку личный трудовой вклад сотрудников в общее дело организации очевиден, каждый работник видит конечную цель и результат выполняемой работы. Более того, каждый заинтересован в результатах своего труда, поскольку существует прямая зависимость уровня заработной платы от качества выполненной работы (система премий).

Категория изолированности работника, влияющая на уровень отчуждения труда, возникает в случае потери чувства принадлежности к группе. Развитие состояния отчуждения в значительной мере зависит от психологической и духовной ориентации человека, его общего настроя по отношению к окружающим.

Следующая категория отчуждения труда – это самоотстранение работника, возникающее при отсутствии внутреннего удовлетворения трудом. Неприятие трудовой деятельности становится основой сознательного самоотстранения от всех проблем производства, уменьшения ответственности, отсутствия заинтересованности в труде и пр. Самоотстранение работника диктует отношение к труду как к цели: ценность труда отражает его свойство как универсальное средство удовлетворения других потребностей – материальных и духовных.

На наш взгляд, уровень самоотстранения работника возможно изучить через четыре показателя отчуждения, выработанных под руководством С. Мадди: вегетативность (неспособность поверить в ценность любой деятельности), бессилие (утрата веры в способность влиять на жизненные ситуации), нигилизм (убеждение в отсутствии смысла и активность, направленная на его подтверждение путем занятия деструктивной позиции) и авантюризм (вовлеченность в опасные виды деятельности в силу переживания бессмысленности в повседневной жизни) [8]. Оценки указанных показателей отчуждения работников каждой профессиональной группы сферы ПАТП представлены на рис. 1.

Согласно результатам исследования, наименьший уровень отчуждения труда выявлен у ремонтных рабочих, а наибольший – у кондукторского состава и водителей маршрутных такси (рис. 1).

Высокий уровень отчуждения труда среди кондукторов продиктован более низкой квалификацией выполняемой работы, высокой материальной ответственностью, высокой психоэмоциональной нагрузкой, связанной с постоянным общением с пассажирами.

Особо стоит отметить различия в оценках отчуждения труда, показанные водителями частных и муниципальных ПАТП (46,6 и 37,5 % соответственно). Данное «опережение» произошло за счет высокого уровня отчуждения труда водителей маршрутных такси. Без учета указанной категории уровень отчуждения труда сотрудников частных ПАТП будет даже несколько ниже, чем у сотрудников МУП «Пассажирские перевозки города Пензы» (далее – МУП «ППП»).

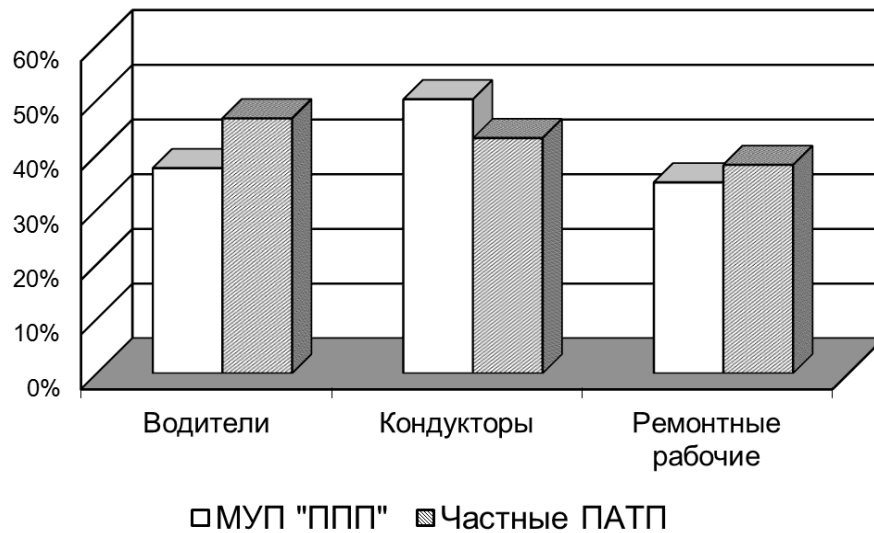

Рис. 1. Средние показатели уровня отчуждения труда работников ПАТП (в процентах от абсолютного отчуждения, $n = 261$)

Более детальное рассмотрение оцениваемых категорий отчуждения труда по табл. 1 показало, что преимущественно отчуждение от трудовой деятельности проявляется у респондентов через нигилизм (57,1 % – у работников МУП «ППП» и 60,8 % – у работников частных ПАТП). Данная позиция в целом характеризует отношение к обществу и выражается в отрицании осмысленности человеческого существования, значимости общепринятых нравственных и культурных ценностей, непризнании авторитетов.

Таблица 1
Оценка отчуждения труда сотрудников сферы пассажирских автоперевозок (в процентах от абсолютного отчуждения, $n = 261$)

	Вегетативность	Бессилие	Нигилизм	Авантюризм	Средний показатель	
МУП «ППП»						
Водители	40,7	29,4	54,4	25,7	37,5	
Кондукторы	42,9	53,4	65,6	38,7	50,1	
Ремонтные рабочие	42,4	21,9	51,4	23,8	34,9	
Частные предприятия						
Водители маршрутных такси	46,6	41,2	63,6	51,4	50,7	43,6
Водители автобусов	34,8	27,1	64,8	19,7	36,6	
Кондукторы	35,3	43,3	60,9	32,4	43,0	
Ремонтные рабочие	39,7	29,4	53,8	29,6	38,1	

Показатели категории вегетативности также высоки: 42,0 % – у работников МУП «ППП» и 39,1 % – у работников частных ПАТП. Данная категория является наиболее тяжелой формой отчуждения и проявляется в неспособности поверить в истину, важность или ценность любой деятельности.

Менее выраженная категория бессилия (34,9 % – у работников МУП «ППП» и 35,3 % – у работников частных ПАТП) была отмечена кондукторским составом, что говорит об утрате веры в свою способность влиять на рабочую ситуацию у данных работников.

Несмотря на то, что параметр «авантюризм» проявился в наименьшей степени (29,4 % – у работников МУП «ППП» и 33,3 % – у работников частных ПАТП), тем не менее высокий показатель данного параметра выявился у водителей маршрутных такси (средняя оценка – 51,4 %). Выявленное обстоятельство свидетельствует о предрасположенности данной группы к опасной, экстремальной деятельности.

В целом, несмотря на то, что выявленные показатели отчуждения труда нельзя считать критическими, они довольно высоки, и выявленная неудовлетворенность неизменно способствует дисциплинарным проступкам. Так, в результате проведения анализа документов (приказов по личному составу, касающихся дисциплинарных взысканий) выяснилось, что основная доля санкций относится к небрежности (58,3 %), меньшее количество – к абсентеизму (21,3 %) и воровству (20,4 %) [15, с. 48].

Подводя итог рассмотрению отчуждения труда, отметим, что наибольшей степенью отчуждения обладают кондукторский состав и водители маршрутных такси, в наименьшей – ремонтные рабочие. Отчуждение от трудовой деятельности проявляется у респондентов преимущественно через нигилизм, в наименьшей степени – через авантюризм.

Список литературы

1. **Маркс, К.** Отчужденный труд. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 42.
2. **Фромм, Э.** Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с англ. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. – М. : АСТ, 2004.
3. **Кузьминов, Я. И.** Отчуждение труда : история и современность / Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина, В. В. Радаев, Т. П. Субботина. – М. : Экономика, 1989. – 287 с.
4. **Радаев, В. В.** Экономическая социология / В. В. Радаев. – 2-е изд. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 608 с.
5. **Лапин, И. Н.** Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / И. Н. Лапин // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 3–47.
6. **Асп, Э.** Социология трудовой жизни / Э. Асп ; пер. с фин. О. Каялиной. – СПб. : Интерсоцис, 2006. – 136 с.
7. **Тощенко, Ж. Т.** Социология труда / Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 423 с.
8. **Maddi, S. R.** The Story of Hardiness : Twenty Years of Theorizing, Research and Practice / S. R. Maddi // Consulting Psychology Journal : Practice and Research. – 2002. – V. 54, № 3. – P. 175–185.
9. **Blauner, R.** Alienation and Freedom : The Factory Worker and his Industry. – Chicago : University of Chicago Press, 1964 – 111 p.
10. **Радаев, В. В.** Социология потребления : основные подходы / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2005. – № 1.
11. **Горшков, М. К.** Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 15–26.

12. **Соколов, В. М.** Социология морали – реальная или гипотетическая? / В. М. Соколов // Социологические исследования. – 2004. – № 8 (244). – С. 78–88.
13. **Журавлева, Н. А.** Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе / Н. А. Журавлева. – М. : Институт психологии РАН, 2006. – 335 с.
14. **Тукумцев, Б. Г.** Самарский мониторинг социально-трудовой сферы / Б. Г. Тукумцев // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 41–50.
15. **Кошарная, Г. Б.** Причины девиантного поведения работников в автотранспортных организациях / Г. Б. Кошарная, Л. Н. Мордишева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 47–56.

Кошарная Галина Борисовна

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии
и управления персоналом, Пензенский
государственный университет

E-mail: siup@pnzgu.ru

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

Мордишева Людмила Николаевна

кандидат социологических наук, старший
преподаватель, кафедра социологии
и управления персоналом, Пензенский
государственный университет

E-mail: siup@pnzgu.ru

Mordisheva Ludmila Nikolaevna

Candidate of sociological sciences, senior
lecturer, sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

УДК 316.72

Кошарная, Г. Б.

Проблема отчуждения труда работников в современных организациях / Г. Б. Кошарная, Л. Н. Мордишева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 78–86.

ЦЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СЛОЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье представлены результаты анкетного опроса, проведенного среди предпринимателей Пензенского региона в апреле–мае 2011 г. На основе полученных данных проанализированы и выявлены особенности ценностных ориентаций предпринимательского слоя.

Ключевые слова: предпринимательский слой, ценности, ценностные ориентации.

Abstract. The article introduces results of the survey carried out among businessmen of the Penza region in April–May, 2011. On the basis of the received data the author reveals and analyzes the features of value preferences of an enterprise layer.

Key words: enterprise layer, value, value orientations.

Двадцать лет назад предпринимательская активность в нашей стране преследовалась по закону. Сейчас она всячески поощряется государством, но отношение к слою предпринимателей со стороны населения страны неоднозначное. Одни восхищаются предприимчивостью людей, создавших свое дело, другие считают предпринимателей людьми, незаконно обогащающимися за счет остальной части населения страны. Им привешивают ярлыки нечестности, жадности, чудачества, вольной и богатой жизни. Это осуждение предпринимателей как социального слоя и постоянный его конфликт с другой частью населения в лице чиновников, наемных рабочих и т.п. идет от разнонаправленности ценностных ориентаций. Если ценности какого-либо социального слоя, в данном случае предпринимательского, отличаются от принятых в обществе, то, как правило, возникает столкновение этой ценностно-ориентационной системы с общепринятой в социуме, что может стать катализатором обострения социальных противоречий и конфликтов.

Активность в изучении ценностей предпринимательства в России отмечалась в 1990-х гг. и была связана прежде всего с тем, что предпринимательство было новым явлением для страны. Вместе с тем есть причины полагать, что застой в экономическом развитии в последние годы, а также недовольство предпринимателей повышением налогов для них и все возрастающей ролью государства в экономике способствуют пересмотру ценностей, а следовательно, и поведения предпринимателей.

Если в начале 1990-х гг. исследования предпринимательства проводились силами независимых авторов, то в последние годы преобладают заказные исследования со стороны различных некоммерческих организаций. Это говорит о том, что на разных уровнях управления страной выросли как значимость предпринимательства для общества в целом, так и необходимость отслеживать настроения данного социального слоя.

По мере своего развития отечественное предпринимательство формирует новую систему ценностей, в основе которой лежат индивидуализм, личная свобода, принцип равенства возможностей и т.д. В то же время надо учитывать, что прогрессивные нормы и ценности западной предпринимательской

культуры не будут усвоены до тех пор, пока качественно не изменится жизнь всего общества [1].

Сначала кратко рассмотрим саму сущность ценностей. Н. И. Лапин определяет их как обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную quintэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она в свою очередь оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе [2, с. 47].

В социологической науке существуют различные классификации ценностей. Наиболее известной и применяемой является типология М. Рокича:

– ценности-цели (терминальные) – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;

– ценности-средства (инструментальные) – убеждения в том, что какой-то образ действий (например, честность, рационализм) или свойство личности являются предпочтительными в любой ситуации [3].

Терминальные ценности дают нам информацию о ценностных ориентациях предпринимателей, об их отношении к существующему положению вещей, в том числе и к предпринимательской деятельности. Инструментальные же ценности показывают тот образ жизни, то поведение предпринимателей, которые отличают их от остальной массы людей. Это те качества, которые позволили предпринимателям начать свое дело, войти в когорту деловых людей.

У каждого человека есть ценности, которых он придерживается практически всю свою жизнь. Но система ценностей является динамической системой в силу своей изменчивости. И сталкиваясь с кризисными явлениями в жизни, ценностная система может претерпевать значительные изменения. При первичном столкновении с новыми феноменами могут появляться новые ценности, ранее не присутствующие у индивида. Но так как таких феноменов по мере взросления человека становится все меньше, то более значимым становится изменение системы ценностей в результате ослабления одних и усиления других. По определению, целевые ценности наиболее устойчивы и имеют более высокий статус по сравнению с ценностями-средствами, что подтверждается и некоторыми исследованиями [4, с. 50–51].

В апреле–мае 2011 г. автором было проведено исследование ценностных ориентаций предпринимателей Пензенской области при помощи анкетного опроса. Методом случайной выборки было опрошено 385 предпринимателей, проживающих в области и областном центре, г. Пензе.

Среди опрошенных предпринимателей 29 % занимаются предпринимательской деятельностью более 10 лет, 28 % – от пяти до десяти лет, 28 % – от одного года до пяти лет и 16 % – менее одного года.

58 % респондентов ответили «да» на вопрос «Повторили бы Вы свой выбор стать предпринимателем, если бы пришлось начинать все сначала?».

Еще 34 % предпринимателей на данный вопрос ответили «скорее да, чем нет». То есть более 90 % респондентов удовлетворены своим делом (рис. 1).

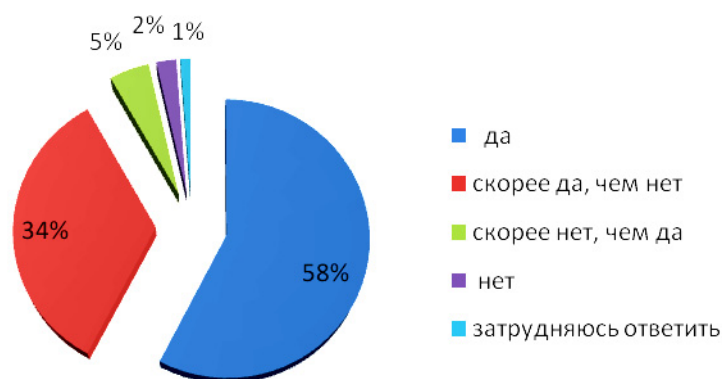

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Повторили бы Вы свой выбор стать предпринимателем, если бы пришлось начинать все сначала?» (в процентах от числа опрошенных, $n = 385$)

Между тем каждый понимает по-своему удовлетворение и преимущества от занятия предпринимательством. Для одних это независимость (63 %), для других – высокий заработок (41 %) и т.д. (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что более всего привлекает Вас в занятии предпринимательством?» (в процентах от числа опрошенных, $n = 385$)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

В последнее время все чаще стали появляться мнения, что одно из преимуществ занятия предпринимательством – это возможность больше и лучше отдыхать. По нашему мнению, это может быть скорее необходимостью и (или) целью, чем преимуществом. Так, 81 % предпринимателей работают более 8 часов в день, из них 19 % – свыше 12 часов; 54 % постоянно работают по выходным; 45 % работают в выходные непостоянно; 23 % респондентов не отдыхали уже несколько лет (имеется в виду отпуск свыше семи дней), еще 58 % берут отпуск не более одного раза в год. Полученные данные еще раз подтверждают большую загруженность и огромную работоспособность предпринимателей.

На вопрос «Если бы у Вас были свободные средства, то на какие нужды общества Вы бы согласились их потратить?» 44 % респондентов ответили, что на «помощь бездомным детям через детские дома и интернаты» (рис. 3). Такие варианты ответов, как «на развитие культуры и образования», «на экологические проблемы», «на спонсорство в спорте», «на финансирование медицинских центров», не набрали и по 20 % ответов. Возможно, такое распределение ответов связано с тем, что предприниматели считают, что все эти вопросы могут решаться с помощью различных организаций, которые из этого могут извлекать прибыль. Помощь же бездомным детям (этот вариант набрал большее количество ответов), возможно, связана с наименьшей защищенностью данной категории населения и невозможностью создания коммерчески выгодных фирм, способных помочь данной категории. Также не набрал 20 % и вариант ответа «на защиту малообеспеченных слоев». Это отчасти объясняется с помощью другого вопроса анкеты: 82 % предпринимателей считают, что любой может стать успешным и независимым благодаря собственным усилиям.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас были свободные средства, то на какие нужды общества Вы бы согласились их потратить?» (в процентах от числа опрошенных, $n = 385$)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

На вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» 38 % респондентов ответили, что постоянно следят за политической жизнью страны, еще 55 % – иногда интересуются политикой. От расстановки политических сил в стране зависит судьба каждого ее гражданина. Но предпринимательский слой взаимодействует с государством больше остального населения страны вследствие значимости принадлежащих им предприятий. Таким образом, именно предприниматели несут наибольший риск от выбранного государством политического, экономического и социального направлений развития страны.

По мере того как бизнес становится крупнее, его участники стараются оказывать влияние на политику. Это может быть прямой подкуп должностных государственных лиц, лоббирование своих интересов, выдвижение в депутаты своих людей или себя. Все это направлено на создание лучших условий для развития своего бизнеса. Малый и средний бизнес создает такие объединения, как «Деловая Россия» и «Опора России», и уже через них представляет свои интересы государству. И если крупный бизнес имеет серьезные рычаги давления на правительство вследствие большой роли как градообразующего предприятия, крупных налогоплательщиков и т.д., то малый бизнес, даже через объединения, зачастую может выступать только как консультационный орган, к которому власть может прислушиваться или игнорировать его. При втором варианте возникает апатия к реальным преобразованиям, к выдвижению новых идей государству и т.д. со стороны предпринимательства.

Все это приводит в лучшем случае к тому, что предпринимательство развивается очень низкими темпами и отношение к государству становится все менее доверительным, в худшем – предприниматели покидают свою страну. Практика показывает, что эмигранты от малого и среднего бизнеса растворяются в западной, и особенно американской, бизнес-среде без особых проблем. Кроме денег, они несут с собой большой опыт работы в экстремальных условиях, хорошее образование и свежие идеи.

Государству необходимо выстраивать равные партнерские отношения с предпринимательским слоем. В России существует достаточное количество государственных программ финансовой и консультационной поддержки малого и среднего бизнеса, в особенности инновационного. Но, только поддерживая определенную систему ценностей, мы поддерживаем и людей, которые стоят за ней. К тому же в обществе должны быть примеры успешных предпринимателей, на которые будет ориентироваться остальное население страны. У нас такие предприниматели на определенном этапе вступают в конфликт с интересами государства, из которых последнее всегда выходит победителем. Возникает противоречие между призывами к занятию предпринимательской деятельностью и реальным отношением к уже существующему бизнес-слою.

По полученным данным, только 52 % предпринимателей считают престижным положение предпринимательства в обществе. Все это говорит о том, что развитие предпринимательства в нашей стране находится в прямой зависимости от поддержки и пропаганды на всех уровнях ценностей предпринимательства.

В табл. 1 представлены ценности предпринимательского слоя Пензенской области в сравнении с ценностями всего населения страны. В данном

исследовании эти ценности рассматриваются как интегрирующие и дифференцирующие предпринимательский слой.

Таблица 1

Сравнение ценностных систем предпринимательского слоя
Пензенской области и остального населения страны

		<i>Результаты анкетного опроса предпринимателей Пензенского региона (2011 г.), % (выбор не более трех ценностей)</i>		<i>Результаты общероссийского мониторинга поддержки ценностей населением России под руководством Н. И. Лапина (2006 г.), % (ранжирование всех ценностей)</i>	
Интегрирующий кластер ценностей	Интегрирующее ядро	Семья, личное счастье, продолжение рода	61,9	Семья	93,8
		Жизнь человека как высшая ценность, самооценność	47,6	Порядок	93,8
	Интегрирующий резерв	Общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь	35,7	Общительность	90,2
		Независимость, способность быть индивидуальностью	33,3	Жизнь	87,4
		Инициативность, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться	23,8	Традиция	86,8
				Свобода	85
		Свобода для реализации потребностей и способностей индивида	21,4	Независимость	82,8
				Работа	81,6
	Дифференцирующий кластер ценностей	Законность как установленный государством порядок	15,5	Инициативность	80
				Жертвенность	79,8
Работа как самоценный смысл жизни и как средство для заработка		14,3	Благополучие	73,6	
Самопожертвование как готовность помогать другим, даже в ущерб себе		11,9			Нравственность
Традиционность – уважение к традициям	7,1				

Ценности из интегрирующего ядра «семья, личное счастье, продолжение рода» и «жизнь человека как высшая ценность, самооценność» во многих исследованиях занимают высшие места в структуре ценностных ориентаций, причем не только предпринимателей. В частности, это показано в исследованиях ценностных ориентаций всего населения страны, проведенных под ру-

ководством Н. И. Лапина в 2006 г. [5]. Ценность «общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь» и в нашем, и в вышеобозначенном исследовании населения находится на границе между интегрирующим ядром и интегрирующим резервом. Таким образом, данные ценности не могут помочь понять специфику ценностных ориентаций предпринимательства.

Ценности же интегрирующего резерва и дифференцирующего кластера, напротив, представляют интерес для нашего исследования. Так, ценности «независимость» и «инициативность» в исследованиях Н. И. Лапина находятся ниже «свободы», «традиции» и «порядка». «Порядок» к тому же находится в интегрирующем ядре.

В нашем же исследовании «независимость» находится выше «инициативности» и «свободы», которые оцениваются примерно одинаково. И все же эти ценности можно отнести к интегрирующему резерву, как и в исследованиях ценностных ориентаций населения страны.

Наибольшее же отличие составляют ценности «работа», «традиция», «порядок» и «самопожертвование». Для предпринимателей эти ценности являются дифференцирующими, для остальной части населения – интегрирующими. То есть предпринимателей объединяет и делает их отличными от остальной части общества не столько приверженность каким-то ценностям, сколько негативное отношение к некоторым из них, занимающим низкое положение в системе ценностей предпринимательского слоя, но высокое и среднее в системе ценностей остальной части общества.

Наряду с разделением ценностей на интегрирующие и дифференцирующие не стоит забывать и о различиях в социально-демографических характеристиках респондентов.

Так, в 1960–1970-е гг. М. Рокич провел в США масштабные исследования ценностей, что позволило выявить и проанализировать связь различных ценностей с такими переменными, как пол, возраст, социальное положение, доход, образование, расовая принадлежность, политические убеждения.

В нашем случае социальное положение и доходы, по мнению респондентов, высоки. Политические убеждения предпринимателей в ходе анализа материалов других исследований позволяют сделать вывод, что основные ценности в данном плане состоят из требований большей свободы и равноправных отношений с государственными органами. Зависимость ценностных предпочтений от пола, возраста и образования представляется нам интересной темой для изучения, но здесь не отражается важная для нас предпринимательская деятельность.

Считаем, что значимым будет изучение зависимости ценностных ориентаций предпринимателей от их опыта занятия предпринимательской деятельностью в силу больших перемен, произошедших в стране за последние двадцать лет.

Проанализировав полученные результаты, мы получили только одну явную закономерность. Так, инструментальная ценность «независимость, способность быть индивидуальностью» становится менее значимой с увеличением опыта ведения предпринимательской деятельности (рис. 4).

Получив данный результат, мы предположили, что эта ценность также зависит и от возраста предпринимателя. Но после анализа изменения предпочтительности выбора данной ценности в зависимости от возраста респондента

не было выявлено однозначной закономерности. Поэтому можно предположить, что ценность «независимость, способность быть индивидуальностью» является одной из тех причин, по которой люди хотят идти в предприниматели. Так, 60 % респондентов причиной, побудившей их стать предпринимателями, выбрали «стремление реализовать себя, невозможность проявления всех своих способностей в качестве наемного работника». А уже потом с получением опыта построения бизнеса предприниматели находят для себя новые цели и мотивы.

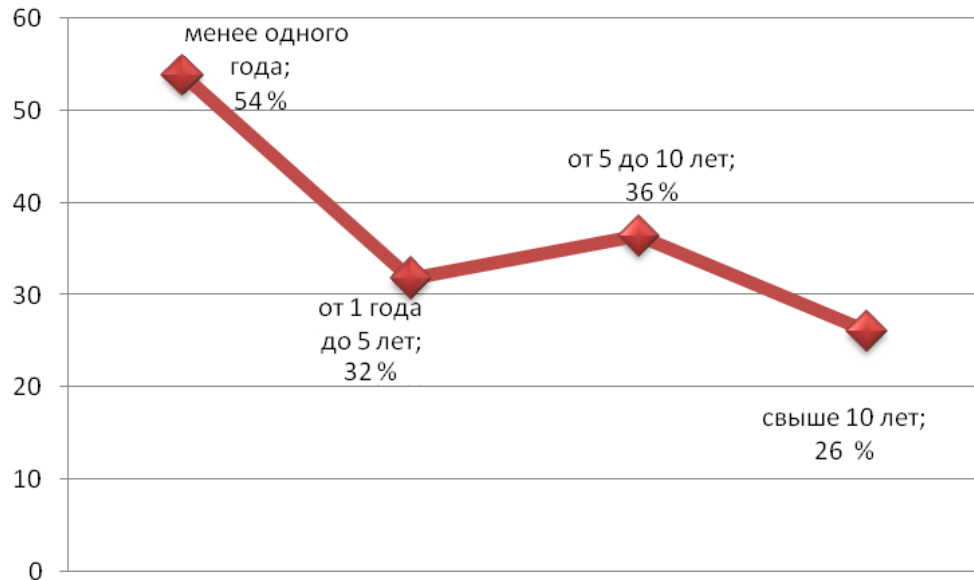

Рис. 4. Изменение предпочтения ценности «независимость, способность быть индивидуальностью» в зависимости от стажа предпринимательской деятельности (в процентах от числа опрошенных, $n = 385$)

Кроме выше рассмотренных ценностей, мы изучили необходимые качества современных предпринимателей, показывающие отличие предпринимательской деятельности от любого другого труда (рис. 5).

Среди «крайне необходимых» для современного предпринимателя респонденты особо отметили следующие качества: организаторские способности – 87 %, деловая хватка – 74 %, коммуникабельность – 69 %, дисциплинированность – 67 %. Данные качества отмечаются и в западной литературе как необходимые не только современному предпринимателю, но и предпринимателю вообще.

Чуть более половины респондентов поддержали крайнюю важность качества «надежность данного слова» (53 %). Это может быть связано с тем, что в нашей стране до сих пор многие сделки проводятся без оформления документов. И поэтому репутация надежности является важным критерием при выборе партнеров в бизнесе.

Качество «умение предотвращать конфликты» (55 %) является крайне необходимым в силу того, что от поддержания хороших отношений зависит судьба предпринимательского дела. Ведь предпринимателю приходится ком-

муницировать с большим количеством клиентов, поставщиков, сотрудников своей организации, и каждый отдельный субъект коммуникации требует особого подхода.

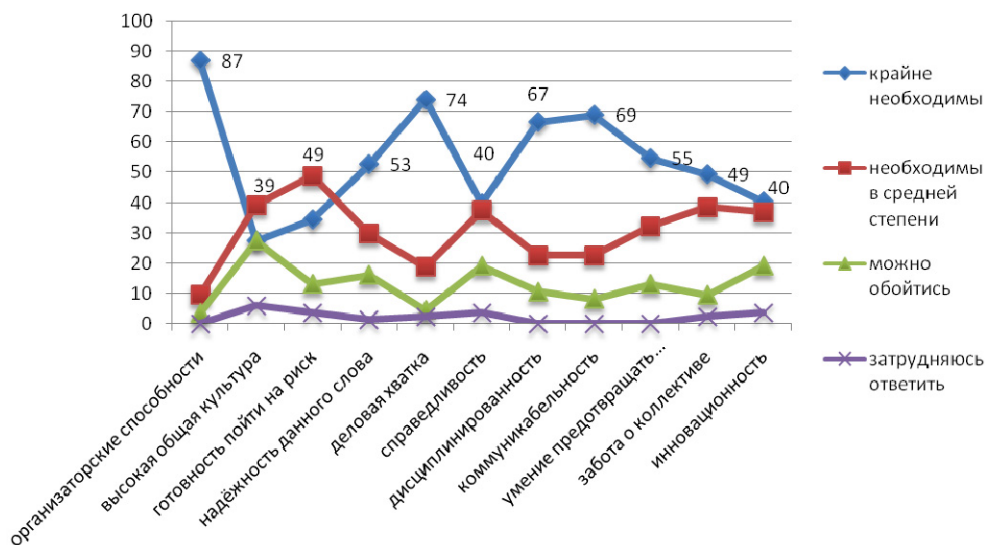

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Какие качества и в какой степени, на Ваш взгляд, необходимы современному предпринимателю?» (в процентах от числа опрошенных, $n = 385$)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

«Высокая общая культура» (39 %) и «готовность пойти на риск» (49 %) набрали наивысшие баллы в категории «необходимы в средней степени». И если по первому варианту ответа нет ничего удивительного, то ответы наших респондентов по второму («готовность пойти на риск») идут вразрез со многими теоретиками, приписывающими важную составляющую «риска» в деятельности предпринимателя. Это может объясняться различием в определениях «предприниматель» и «бизнесмен». Так, один из предпринимателей (муж., 36 лет, стаж предпринимательской деятельности – 12 лет) на различия в этих определениях ответил следующее: «Я считаю, что предприниматель – создатель. Бизнесмен – прогрессивный управленец. Директор – менеджер высшего звена – бизнесмен, для меня эти понятия схожи. Предприниматель – рождение идеи и запуск. Бизнесмен – грамотное развитие идеи (бизнеса), управление оной».

Исходя из этого и некоторых других определений «предпринимателя» и «бизнесмена», можно сделать вывод, что большая часть респондентов (61,9 % – те, кто выбрал «необходимо в средней степени» и «можно обойтись») занимаются в основном управлением существующего дела, а не рождением инновационных идей и их запуском, что связано с большими рисками в случае неудачи.

Другой предприниматель (муж., 47 лет, стаж предпринимательской деятельности – 5 лет) выразил отличие следующими словами: «Предпринима-

тель – это человек, который сказал, что деньги разбросаны ровным слоем по земле и надо не лениться их собирать. Мы предпринимаем все, чтобы их заработать, и работаем, как китайцы, там, где они есть. Бизнесмен – это человек, который строит и вырачивает идею, бизнес, который принесет прибыль, возможно, известность, человек, готовый вкладывать и получать в дальнейшем...».

В данном примере, как и в предыдущем, понятие «бизнесмен» ассоциируется с планомерным развитием бизнеса и, как следствие, отсутствием больших рисков. Здесь же появляется новое качество, характеризующее предпринимателя. Это авантюристичность, которая, как и создание всего нового, тоже сопряжена с риском.

Вместе с тем большинство современных авторов под «предпринимателем» подразумевают «бизнесмена», забывая об отличиях в присутствующем риске, использовании инноваций, предпринимательской прибыли, о которых говорил Йозеф Шумпетер и другие [6].

Неоднозначную поддержку получил вариант ответа «инновационность». Только 40 % респондентов высказались, что это качество крайне необходимо современному предпринимателю. Хотя именно об инновационности в последнее время повсюду говорят, как о главном факторе успешности бизнеса. По нашему мнению, такое распределение ответов связано с тем, что большинство респондентов работают в сферах торговли и услуг, где если и предполагается внедрение инноваций, то только в виде небольших улучшений, не играющих большой роли в конкурентоспособности. К тому же в нашей стране до сих пор много свободных рыночных ниш, где можно, скопировав западный опыт, создать успешный бизнес, не придумывая ничего нового.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, необходимо увеличивать эмпирическое изучение предпринимательства вследствие большой роли данного социального слоя в экономической, политической и социальной сферах жизни общества. Во-вторых, результаты проведенных исследований свидетельствуют, что предпринимателей объединяет и делает их отличными от остальной части общества не столько приверженность ценностям «жизнь», «семья», «общение», «независимость», «индивидуальность», «свобода», сколько негативное отношение к ценностям «традиционность», «работа», «порядок», «самопожертвование». В-третьих, респонденты склонны оценивать качества, необходимые современному предпринимателю, исходя из собственного опыта и рыночных реалий, а не из провозглашаемых государством модернистских и инновационных ценностей.

Список литературы

1. **Кошарная, Г. Б.** Сущность, структура и функции культуры предпринимательства в современном российском обществе: методологический аспект / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2010. – № 4. – С. 76–84.
2. **Лапин, Н. И.** Динамика ценностей населения реформируемой России / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. Ф. Наумова, А. Г. Здравомыслов. – М. : УРСС, 1996.
3. **Rokeach, M.** The Nature of Human Values / M. Rokeach. – New York, 1973.

4. **Ядов, В. А.** Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В. А. Ядов, В. С. Магун, П. В. Борзикова и др. ; под ред. В. А. Ядова. – Л. : Наука, 1979. – 264 с.
5. **Лапин, Н. И.** Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 1.
6. **Шумпетер, Й. А.** Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.

Васянин Михаил Сергеевич
аспирант, Пензенский
государственный университет

Vasyanin Mikhail Sergeevich
Postgraduate student,
Penza State University

E-mail: mv@e58.ru

УДК 316.334.23

Васянин, М. С.

Ценности предпринимательского слоя современной России / М. С. Васянин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 87–97.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье представлена технология организации экспертного опроса. Раскрыты основные этапы проведения экспертизы и методы их реализации. Рассмотрен практический пример организации экспертного опроса с оценкой достоверности полученных результатов.

Ключевые слова: метод, опрос, самооценка, критерий, эксперт, экспертиза, экспертный опрос.

Abstract. The article presents the technology of organization of expert survey. The authors reveal the main stages of examination and methods of their implementation, as well as consider a practical example of organization of the expert survey to estimate reliability of the results.

Key words: method, survey, self-appraisal, criterion, the expert, examination, expert survey.

Экспертный опрос – это разновидность опроса, в ходе которого респондентами являются эксперты – высококвалифицированные специалисты в определенной области деятельности [1].

Основное назначение метода экспертного опроса – выявление наиболее существенных, сложных аспектов исследуемой проблемы, повышение надежности, обоснование информации, выводов и практических рекомендаций благодаря использованию знаний и опыта экспертов.

Экспертный опрос применяется при изучении всех сфер деятельности: в диагностике, прогнозировании, программировании и нормировании, проектировании, оценке состояния социального объекта, принятии решений. Разновидности экспертного опроса также достаточно эффективно применяются на всех этапах прикладных социологических исследований в определении целей и задач, проблем, построении гипотез, сборе и анализе информации, выработке практических рекомендаций.

По мнению В. А. Ядова, экспертный опрос – это опрос специалистов – особая разновидность метода социологического исследования, где многие требования, применимые в массовых опросах, неприемлемы [2].

Главное отличие экспертного опроса от других видов опроса состоит в формировании целевой установки и ее реализации. Так, в частности, экспертный опрос предназначен для описания некоторой реальности, находящейся вне эксперта (характеристики социальной среды, профессиональные качества сотрудников и т.п.). В обычном опросе в качестве объекта изучения выступают сами опрашиваемые. Если в первом случае опрашиваемый – это инструмент для оценки некоторого объекта, то во втором случае – это сам объект, характеристики которого мы измеряем [3]. Отсюда следует, что программа опроса экспертов менее детализированна, чем в массовых опросах, и носит преимущественно концептуальный характер. При составлении инструментария экспертного опроса, а именно – анкеты или бланка-интервью, некоторые

технические и методические приемы, широко используемые в массовых опросах, теряют свое значение при опросе такой специфической аудитории, как эксперты.

Этапы экспертного опроса представлены на рис. 1.

Рис. 1. Этапы экспертного опроса

Основное содержание первого этапа вытекает из определения цели и задач экспертного опроса. При проведении региональных исследований целями и задачами экспертного оценивания могут являться вопросы, связанные с оценкой системы здравоохранения региона, системы образования, деятельности органов государственной власти, ценностных ориентаций молодежи, состояния занятости и безработицы в регионе и т.п.

После определения целей и задач экспертного опроса необходимо выделить набор качественных и количественных характеристик объекта исследования (второй этап). Так, например, при исследовании образовательной среды вуза такими характеристиками объекта исследования могут быть: востребованность выпускника на региональном рынке труда, использование новых информационных технологий в процессе обучения, участие студентов в инновационных проектах, симпозиумах и конференциях и т.п.

При организации третьего этапа экспертного исследования необходимо решить две частные задачи: сформировать список общих экспертов и определить их необходимое (достаточное) количество.

При формировании списка экспертов с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления следует учитывать должность, классный чин, опыт работы, ученое звание, участие в подготовке управленческих решений (постановлений, рекомендаций, нормативных документов, методик и т.п.) по направлению предполагаемой экспертизы.

Необходимое количество экспертов на основе статистического подхода можно найти по зависимости [4]

$$N = \frac{t_{\alpha}^2}{\varepsilon_1}, \quad (1)$$

где t_{α} – показатель достоверности для заданной доверительной вероятности полученного результата; ε_1 – заданная до начала опроса предельно допусти-

мая ошибка, выраженная в долях среднеквадратического отклонения σ ;

$$\varepsilon_1 = \frac{\varepsilon}{\sigma}, \quad (2)$$

где ε – абсолютная погрешность.

Принимая значение ε_1 равным 0,5 и t_α равным 1,96, получим

$$N = \frac{1,96^2}{0,5} \approx 8 \text{ экспертов.}$$

Исходя из зависимости для определения необходимого количества экспертов, при проведении собственно-случайного бесповторного отбора необходимое количество экспертов можно определить по зависимости [5]

$$N = \frac{t_\alpha^2 \cdot p \cdot q}{\Delta_{\tilde{x}}^2}, \quad (3)$$

где p – доля единиц, обладающих обследуемым признаком; q – доля единиц, не обладающих обследуемым признаком; $\Delta_{\tilde{x}}$ – предельная ошибка выборочного наблюдения.

В условиях отсутствия информации о величинах p и q принимаем их равными 0,5.

Значение t_α принимается равным 1,96 исходя из обеспечения доверительной вероятности, равной 0,95.

Предельную ошибку выборочного наблюдения принимаем равной значению 0,05.

Тогда в соответствии с зависимостью (3) необходимое количество экспертов составит

$$n = \frac{1,96^2 \cdot 0,5 \cdot 0,5}{0,05} \approx 19 \text{ человек.}$$

В работе В. М. Мишина представлена зависимость для определения минимального числа экспертов:

$$N_{\text{мин}} = 0,5 \cdot \left(\frac{3}{d} + 0,5 \right), \quad (4)$$

где d – возможная ошибка результатов экспертизы ($0 < d < 1$).

Принимая предельную ошибку выборки равной 0,05, получим

$$N_{\text{мин}} = 0,5 \cdot \left(\frac{3}{0,05} + 0,5 \right) = 32 \text{ человека.}$$

Зависимости (1), (3), (4) построены на предположении, что компетентность экспертов приблизительно одинакова.

В случае если компетентность экспертов каким-либо образом определена, то рекомендуется включать в экспертную группу не более 10–15 наибо-

лее компетентных специалистов [3]. Таким образом, оптимальным количеством экспертов следует считать диапазон

$$10 \leq N_{\text{опт}} \leq 30 \text{ человек.} \quad (5)$$

Учитывая, что исходный список экспертов, сформированный при участии специалистов органов государственного и муниципального управления, будет гораздо больше, его необходимо привести в соответствие с соотношением (5).

Для решения поставленной задачи существует достаточно разработанный и апробированный во многих исследованиях аппарат, детальный обзор которого представлен в работах [3, 6, 7].

Для отбора экспертов из представителей органов государственного и муниципального управления, на наш взгляд, наиболее предпочтительными являются априорные методы оценки эксперта.

К этой группе относятся наиболее распространенные методы самооценки, суть которых заключается в том, что эксперт сам дает оценку своим качествам. При этом могут использоваться следующие способы:

1) самооценка по одной из балльных шкал (3-, 5-, 10- или 100-балльной);

2) самооценка с использованием вербально-числовых шкал, которые, наряду с численными значениями градаций, содержат их качественное описание;

3) самооценка по вербальной шкале, при которой эксперт дает словесную оценку своим знаниям и опыту, используя для этого качественные градации заранее разработанной шкалы;

4) самооценка при помощи дифференциального метода, при котором эксперт оценивает свои качества, используя два основных частных критерия:

– критерий, характеризующий его знакомство с основными источниками информации в данной области (например, специальные отечественные и зарубежные периодические издания, патентная информация, внутрифирменная информация и т.п.);

– критерий, характеризующий знакомство с объектом экспертизы (например, знание отраслевой специфики, конкретной организации, знакомство с образцами продукции, видами услуг и т.п.).

В этом случае **комплексная самооценка эксперта** рассчитывается по формуле

$$K_k = \frac{K_{\text{и}} + \beta \cdot K_{\text{з}}}{2}, \quad (6)$$

где K_k – комплексная самооценка эксперта; $K_{\text{и}}$ – коэффициент информированности (в долях единицы); $K_{\text{з}}$ – коэффициент знакомства с проблемой; β – весовой коэффициент.

К другой группе априорных методов оценки качеств эксперта относятся методы взаимной оценки, использование которых предполагает, что эксперты оценивают друг друга. Наиболее распространенный из них – метод списка экспертов. Процедура его применения заключается в следующем. Каждый из экспертов составляет список специалистов, которых он считает компетентными в данной области. Затем на основе этих списков рассчитывают коэффициент

компетентности эксперта – отношение числа списков, в которых данный специалист присутствует, к общему числу составленных списков.

С использованием данных методов формируется окончательный список экспертов в соответствии с отношением (5).

Четвертый этап экспертного опроса непосредственно связан с технологией проведения экспертного опроса. В данном случае наиболее простым является метод априорного ранжирования, основанный на экспертной оценке факторов группой специалистов, компетентных в исследуемой области. Методика применения данного метода представлена в работе [8].

При реализации данного метода экспертами осуществляется индивидуальная оценка предложенных факторов с помощью рангов, в процессе которой факторы располагаются в порядке убывания степени их влияния на результирующий признак или объект исследования, являющийся целевой функцией. Ранг обозначается следующим образом: a_{km} , где m – условный номер эксперта; k – номер оцениваемого показателя. При этом показатель, имеющий наибольшее влияние на исследуемый процесс, оценивается первым рангом (цифрой 1). Показателю, имеющему меньшее значение, приписывается второй ранг (цифра 2) и т.д.

Рассмотрим пример организации экспертного опроса в системе здравоохранения региона с целью определения показателей, оказывающих определяющее влияние на систему. Для упрощения вычислений допустим, что в экспертном опросе участвуют восемь экспертов, которые оценивают следующие показатели:

- обеспеченность больничного фонда современным медицинским оборудованием;
- организация материального стимулирования медицинского персонала;
- комфортность получения медицинских услуг (для больных);
- наличие младшего медицинского персонала.

Алгоритм реализации метода заключается в следующем:

1. Индивидуальные оценки всех экспертов сводятся в таблицу априорного ранжирования (табл. 1).

2. Проверяется правильность заполнения таблицы.

Максимальный ранг по конкретному показателю (a_{km}) не может быть больше числа сравниваемых факторов (k). Условие выполняется.

Максимальное значение суммы рангов по любому фактору не может быть больше произведения максимально возможного ранга на число экспертов, т.е.

$$(\Delta_k)_{\max} \leq (\Delta_k)_{\max} \cdot m,$$

или в соответствии с табл. 1 имеем

$$(\Delta_k)_{\max} = \Delta_3 = 30 < 32 = (4 \cdot 8).$$

Условие выполняется.

Минимально возможная сумма рангов по любому фактору не может быть меньше минимального ранга (равного 1), умноженного на число экспертов, т.е.

$$(\Delta_k)_{\min} \geq (\Delta_k)_{\min} \cdot m,$$

или в соответствии с табл. 1 имеем

$$(\Delta_k)_{\min} = \Delta_1 = 11 > 8 = 8 \cdot 1.$$

Условие выполняется.

Таблица 1

Результаты экспертного опроса

	Условные номера экспертов, m								Сумма рангов	Отклонение суммы рангов	Квадрат отклонения	Место	Вес показателя
	1	2	3	4	5	6	7	8					
	Ранги оценки a_{km}												
Современное медицинское оборудование	2	2	2	1	1	1	1	1	11	-9	81	1	0,4
Стимулирование персонала	3	3	3	3	3	4	4	4	27	7	49	3	0,2
Комфортность медицинских услуг	4	3	3	4	4	4	4	4	30	10	100	4	0,1
Младший медицинский персонал	1	2	2	3	2	1	1	1	12	-8	64	2	0,3
Итого	10	10	10	10	10	10	10	10	80		294		1,0

3. Вычисляются сумма рангов $\sum_{k=1}^k \Delta_k$ и средняя сумма рангов $\bar{\Delta}$:

$$\bar{\Delta} = \frac{1}{k} \sum_{k=1}^k \Delta_k = \frac{11 + 27 + 30 + 12}{4} = 20.$$

Проверяется правильность определения суммы рангов по формуле

$$\sum_{k=1}^k \Delta_k = m \cdot k \cdot \bar{a},$$

где \bar{a} – средний ранг оценки факторов каждым экспертом:

$$\bar{a} = \frac{1}{k} \sum_{k=1}^k k = \frac{1 + 2 + 3 + 4}{4} = 2,5.$$

Тогда имеем

$$\sum_{k=1}^k \Delta_k = m \cdot k \cdot \bar{a} = 8 \cdot 4 \cdot 2,5 = 80,$$

что соответствует данным табл. 1, следовательно, условие выполняется.

4. Определяется отклонение суммы рангов каждого фактора от средней суммы рангов:

$$\Delta_k' = \Delta_k - \bar{\Delta}.$$

5. С помощью **коэффициента конкордации Кэнделла** W оценивается степень согласованности мнений экспертов. При этом коэффициент конкордации Кэнделла определяется по формуле [5]

$$W = \frac{12 \cdot S}{k^2 \cdot (m^3 - m)}. \quad (7)$$

Тогда в соответствии с табл. 1 имеем

$$W = \frac{12 \cdot 294}{16 \cdot (512 - 8)} = 0,437.$$

Коэффициент конкордации Кэнделла изменяется в пределах от 0 до 1, при этом чем ближе значение коэффициента к 1, тем теснее степень согласованности экспертов. В рассматриваемом случае степень согласованности близка к среднему значению.

Далее необходимо проверить статистическую значимость полученного коэффициента конкордации Кэнделла с использованием χ^2 -критерия Пирсона.

Расчетное значение χ_p^2 -критерия Пирсона определяется по формуле [5]

$$\chi_p^2 = \frac{12 \cdot S}{k \cdot m(m-1)}. \quad (8)$$

Тогда в соответствии с табл. 1 имеем

$$\chi_p^2 = \frac{12 \cdot 294}{4 \cdot 8(8-1)} = 15,75.$$

Критическое значение $\chi_{кр}^2$ -критерия Пирсона определяем с использованием статистической функции **ХИ2ОБР** табличного процессора MS Excel.

Для уровня значимости $\alpha = 0,05$ и числа степеней свободы $n = m - 1$

$$\chi_{кр}^2 = 14,07.$$

Поскольку $\chi_p^2 > \chi_{кр}^2$, то делается вывод статистической значимости согласованности мнений экспертов.

В случае если статистическая значимость согласованности мнений не подтвердится $\chi_p^2 < \chi_{кр}^2$, необходимы:

- передача проведения экспертизы другой группе специалистов;
- корректировка состава показателей;
- привлечение других экспертов в состав группы, которая проводила экспертизу.

Однако при любом исходе проводить повторную экспертизу прежним составом экспертов не рекомендуется.

Таким образом, по результатам выполненного исследования можно утверждать, что показатели, оказывающие определяющее влияние на систему здравоохранения, по степени влияния распределились следующим образом:

1-е место – обеспеченность больничного фонда современным медицинским оборудованием ($\Delta_k = 11$);

2-е место – наличие младшего медицинского персонала ($\Delta_k = 12$);

3-е место – организация материального стимулирования медицинского персонала ($\Delta_k = 27$);

4-е место – комфортность для больных получения медицинских услуг ($\Delta_k = 30$).

При наличии значительного количества показателей для удобства анализа можно построить диаграмму распределения рангов (рис. 2), с помощью которой можно достаточно просто определить показатели, оказывающие определяющее влияние на исследуемую социальную систему.

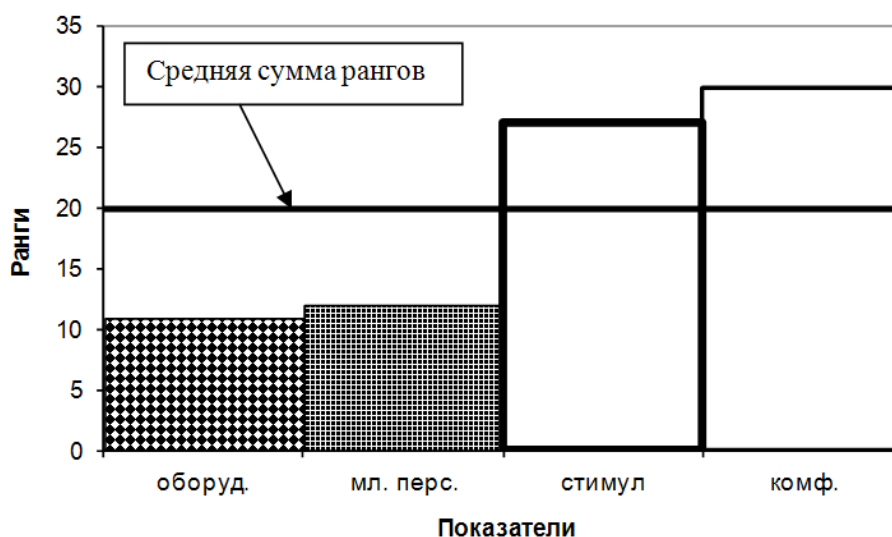

Рис. 2. Диаграмма распределения рангов

Заштрихованная группа показателей оказывает определяющее влияние на рассматриваемую систему.

Удельные веса показателей по степени их влияния на исследуемую систему определяются по формуле

$$q_k = \frac{2(k - M + 1)}{k(k + 1)}. \quad (9)$$

Тогда для первого показателя имеем

$$q_{k1} = \frac{2(4 - 1 + 1)}{4(4 + 1)} = 0,4.$$

Поступая аналогичным образом, сводим полученные результаты в табл. 1.

Таким образом, используя приведенные способы и методы, можно организовать эффективный и достоверный экспертный опрос по любому из направлений социально-экономической сферы.

Список литературы

1. Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов и др. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
2. **Ядов, В. А.** Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. – М. : Наука, 1987.
3. **Крымский, С. Б.** Экспертные оценки в социологических исследованиях / С. Б. Крымский, Б. Б. Жилин, В. И. Паниотто и др. ; АН УССР, Ин-т философии. – Киев : Наукова думка, 1990. – 320 с.
4. **Эйтингон, В. Н.** Методы организации экспертизы и обработки экспертных оценок в менеджменте : учеб.-метод. пособие / В. Н. Эйтингон, М. А. Кравец, Н. П. Панкратова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 44 с.
5. **Шмойлова, Р. А.** Теория статистики : учеб. / Р. А. Шмойлова, В. Г. Минашкин, Н. А. Садовникова, Е. Б. Шувалова. – М. : Финансы и статистика, 2008. – 656 с.
6. **Масленников, В. Е.** Особенности отбора экспертов / В. Е. Масленников // Социология. – 2010. – № 2. – С. 82–93.
7. **Ременников, В. Б.** Управленческие решения : учеб. пособие / В. Б. Ременников. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 144 с.
8. **Кузнецов, Е. С.** Управление техническими системами : учеб. пособие / Е. С. Кузнецов. – М. : МАДИ (ГТУ), 2003. – 247 с.

Кошевой Олег Сергеевич

доктор технических наук, профессор,
кафедра государственного управления
и социологии региона, Пензенский
государственный университет

E-mail: olaa@penzadom.ru

Koshevoy Oleg Sergeevich

Doctor of engineering sciences, professor,
sub-department of public administration
and regional sociology, Penza
State University

Голосова Елена Сергеевна

кандидат социологических наук,
старший преподаватель, кафедра
государственного управления
и социологии региона, Пензенский
государственный университет

E-mail: helena_82@mail.ru

Golosova Elena Sergeevna

Candidate of sociological sciences, senior
lecturer, sub-department of public
administration and regional sociology,
Penza State University

Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич

доктор политических наук, профессор,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский
государственный университет

E-mail: pgu_gpd@mail.ru

Seidov Shahrutdin Gadjalievich

Doctor of political sciences, professor,
sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University

УДК 303.62

Кошевой, О. С.

Организация экспертного опроса с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления / О. С. Кошевой, Е. С. Голосова, Ш. Г. Сеидов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 98–107.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы реализации кадрового потенциала промышленных предприятий в современных социально-экономических условиях, включающие высокий уровень текучести работников, несоответствие квалификации работников требованиям производства, недостаточное внимание к подготовке и переподготовке сотрудников, отсутствие эффективной системы стимулирования труда, разобщенность служб, занятых управлением персоналом, их слабая скоординированность.

Ключевые слова: кадровый потенциал, текучесть работников, обучение персонала, система стимулирования.

Abstract. The article considers basic problems of staff potential realization at industrial enterprises in modern socio-economic conditions, including the high level of staff fluctuation, incompatibility of staff qualification to the production demands, insufficient attention to the staff education and re-education, absence of effective labor stimulation system, estrangement of services of staff management and their weak coordination.

Key words: personnel potential, staff fluctuation, personnel training, stimulation system.

В современных социально-экономических условиях все возрастающее значение для развития предприятий различных форм собственности приобретает человеческий фактор, который сегодня становится основой его конкурентоспособности. В перспективе вступления России во Всемирную торговую организацию развиваться смогут такие организации, кадровый потенциал которых позволит им согласованно решать сложные задачи выживания в конкурентной борьбе. Экономические трудности заставляют переосмыслить теоретические подходы к реализации кадрового потенциала промышленных предприятий. Одной из главных задач становится создание условий для эффективной реализации кадрового потенциала.

Цель реализации кадрового потенциала предприятия – формирование высококвалифицированного коллектива работников, способных обеспечить конкурентоспособность предприятия в рыночных условиях [1]. Достижение данной цели связано с решением проблем реализации кадрового потенциала, сдерживающих развитие предприятия. Поэтому представляется важным определение тех особенностей кадровой работы, которые не позволяют осуществлять данную деятельность предприятия максимально эффективно.

Результаты социологических исследований, анкетные опросы сотрудников предприятий машиностроения Республики Мордовия ($n = 817$), опросы сотрудников кадровых служб на предприятиях машиностроительной отрасли Республики Мордовия, проведенные в 2007–2011 гг., позволили определить основные проблемы реализации кадрового потенциала промышленных предприятий в современных условиях, такие как: высокий уровень текучести ра-

ботников; несоответствие квалификации работников требованиям производства; недостаточное внимание к подготовке и переподготовке сотрудников; отсутствие научно обоснованного нормирования и эффективной системы стимулирования труда; разобщенность служб, занятых управлением персоналом, их слабая скоординированность [2].

Основные причины подобных тенденций следующие. В целом за рассматриваемый период активность трудовых перемещений спала, но все еще остается на высоком уровне – показатель оборота рабочей силы в 2010 г. составлял около 60 %. Интенсивность трудовых перемещений существенно различается по категориям работников. Согласно проведенному исследованию на предприятиях машиностроения Республики Мордовия, самые высокие показатели оборота наблюдаются у руководителей и вспомогательных рабочих. Наибольшей «стабильностью» характеризуются служащие.

Руководители ежегодно лидируют по показателю оборота. Высокая сменяемость кадров этой категории объясняется значительной текучестью руководителей низшего звена управления (мастера, начальники участков), что связано с особенностями организации труда, отсутствием стабильности на производстве. Кроме того, немаловажное значение имеет то обстоятельство, что это работники в основном 18–30 лет. Эти люди, как правило, стремятся к максимально выгодному приложению своего труда, коммуникабельны, хорошо приспосабливаются к новым условиям, поэтому проявляют высокую профессиональную подвижность. Значительная сменяемость вспомогательных рабочих связана с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Относительная стабильность служащих объясняется, на наш взгляд, благоприятными условиями труда, отсутствием альтернатив занятости, невысоким спросом на рынке труда [1].

Среди увольнений на предприятиях машиностроения преобладают добровольные. Лишь небольшая часть работников (около 5 %) уволена по инициативе администрации, главным образом за нарушения трудовой дисциплины. По результатам интервью с увольняющимися, проводимого сотрудниками отделов кадров, 36,2 % респондентов покидают работу из-за низкой заработной платы, 26,1 % не удовлетворены условиями труда. На решении об увольнении сказываются также пол, возраст, психомоторные качества, уровень образования, профессиональная принадлежность, ценностные установки и др. Невысокая мобильность лиц старших возрастов связана с их весьма скромными представлениями об обеспеченности, сохранившимися с советских времен, с низкой самооценкой, незнанием конъюнктуры рынка труда, а также нежеланием рисковать. Такой возрастной состав увольняющихся является отличительной чертой современных процессов профессиональной мобильности. Наиболее склонны к перемене мест мужчины. Также чем больше стаж, тем реже работники думают о смене места работы. Проявляется и зависимость степени мобильности от уровня образования: чем выше квалификация работника, тем больше его стаж на предприятии.

Результаты авторского опроса, проведенного на машиностроительных предприятиях Республики Мордовия в 2011 г., свидетельствуют о низком уровне удовлетворенности трудом работников по всем параметрам, характеризующим систему мотивации, кроме уровня заработной платы (рис. 1). Самые низкие значения имеют индексы удовлетворенности зависимости за-

рабочей платы от результатов труда (-0,3), соответствия выполняемой работы квалификации (-0,5) и оценки возможности повышения квалификации (-0,75). Отрицательные значения индексов удовлетворенности свидетельствуют о том, что на предприятии сложилась негативная ситуация в области трудовой мотивации работников, грозящая нарастанием социальных противоречий и конфликтов в коллективе. В отношении мотивации и стимулирования труда более трети опрошенных (39,9 %) отметили, что малое внимание на предприятиях уделяется моральному стимулированию [2].

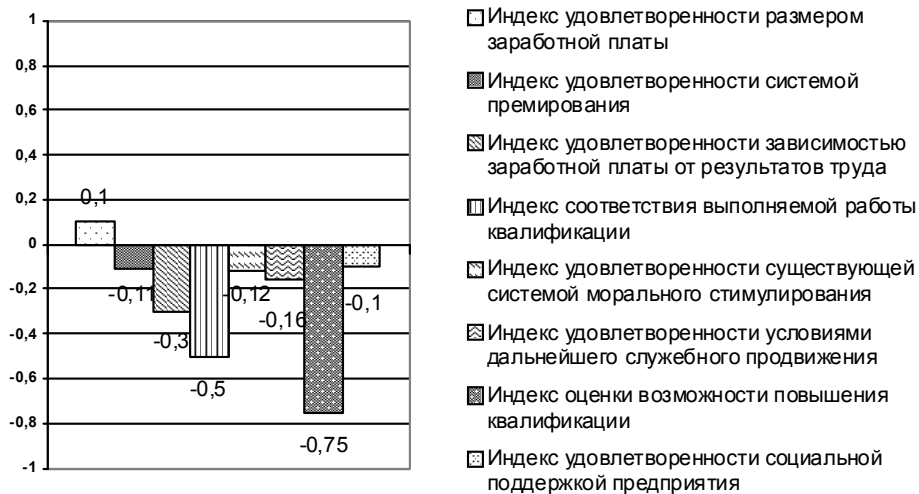

Рис. 1. Значения индексов удовлетворенности работников машиностроительных предприятий Республики Мордовия мотивацией и стимулированием труда

Примечание. Значения индексов рассчитаны на основе пятибалльной шкалы от -2 до +2 в зависимости от удовлетворенности респондента.

Социологический анализ выявил зависимость индексов удовлетворенности компонентами системы трудовой мотивации от уровня образования и стажа работы респондентов. Так, удовлетворенность возможностью продвижения по службе у работников с высшим образованием составляет -0,2, тогда как у опрошенных со средним специальным образованием 0,06 и средним 0,23. Причина, возможно, заключается в том, что рабочие с высшим образованием заняты высококвалифицированным трудом, предъявляющим повышенные требования к профессиональным знаниям, кроме того, они имеют большее желание в продвижении по службе. Работники, имеющие высокий стаж работы, видят необходимость совершенствования технологии обучения. Этот вывод подтверждается распределением ответов в зависимости от стажа работы. Рабочие со стажем до трех лет отмечают большую степень удовлетворенности методами и формами обучения.

Анализ ответов респондентов показывает, что в обследованных предприятиях в основном имеются сходные мнения по большинству поставленных вопросов, поэтому по результатам анкетирования были выявлены наиболее желаемые для сотрудников стимулы, характерные не только для работников промышленных предприятий региона [3], такие как:

- достойная заработная плата;
- возможность получать заработную плату в зависимости от результатов труда;
- возможность повышать квалификацию и, соответственно, продвигаться по службе.

Проведенное исследование позволило выявить, что на предприятиях отсутствует комплексная система стимулирования работников, не осуществляется выбор альтернатив: предоставление работнику преимущественно денежного вознаграждения или социальных льгот и благ; не определены приоритеты предоставления социальных благ. Практически полностью отсутствует система анализа социальных условий: не анализируется удовлетворенность и мотивирование работников предприятий; при выборе и использовании инструментов стимулирования трудовой активности персонала не учитываются виды потребностей работников разных социально-профессиональных групп.

Анализ структуры и функций подразделений, имеющих отношение к формированию и реализации кадрового потенциала на машиностроительных предприятиях, выявил их разобщенность [2]. Нередко они выполняют одинаковые задачи, используя при этом разные инструменты, что приводит к несогласованности, увеличивает число ошибок, удлиняет процедуру принятия и реализации кадровых решений. Единая функциональная подчиненность кадровых служб позволит осуществить координацию их деятельности, не теряя время на различные согласования и проверки, исключит дублирование.

Основными задачами отделов кадров промышленных предприятий в настоящее время являются подбор, расстановка, подготовка персонала, изучение причин текучести кадров и учет рабочих и инженерно-технических работников, что в условиях инновационного развития совершенно недостаточно. Современная экономика ориентирована на эффективную реализацию кадрового потенциала, поэтому кадровые службы должны решать такие задачи, как: совершенствование нормирования и организации труда, управления персоналом в целях повышения эффективности производства; разработка и совершенствование системы мотивации труда работников предприятия; организация работы в соответствии с требованиями документов системы качества [4]. Вместе с тем знакомство с работой кадровых служб показало, что мало внимания уделяется изучению опыта передовых предприятий отрасли по внедрению комплексных систем нормирования и организации труда, мотивации и стимулирования сотрудников.

Несмотря на то, что удельный вес персонала обследованных промышленных предприятий с высшим и незаконченным высшим образованием устойчиво возрастает и среди инженерно-технических работников, и среди служащих, и среди рабочих (2011 г. – 77 и 8 % соответственно), средний разряд выполняемых работ стабильно превышает средний разряд рабочих (2011 г. – 3,74 и 3,69 % соответственно) [5]. Обучение не всегда является эффективным инструментом в работе с кадрами. Большие возможности в развитии работников будут реализованы в том случае, когда обучение получит комплексный характер. Невысокую оценку таких мероприятий на обследованных предприятиях вследствие недооценки их значимости и формального отношения к их организации отмечают и сами работники, прошедшие подготовку и повышение квалификации.

Большинство индексов удовлетворенности системой развития персонала имеет положительное значение, хотя и невысокого уровня. Наибольшие значения отмечаются у индекса удовлетворенности формой обучения (+0,1), индекса заинтересованности в продвижении по службе (+0,5). Наибольшее неудовлетворение вызывают применяемые методы обучения (-0,22), существующая система продвижения по службе (-0,19). При этом респонденты менее резко выражают свою неудовлетворенность системой развития как системой мотивации труда (рис. 2) [2].

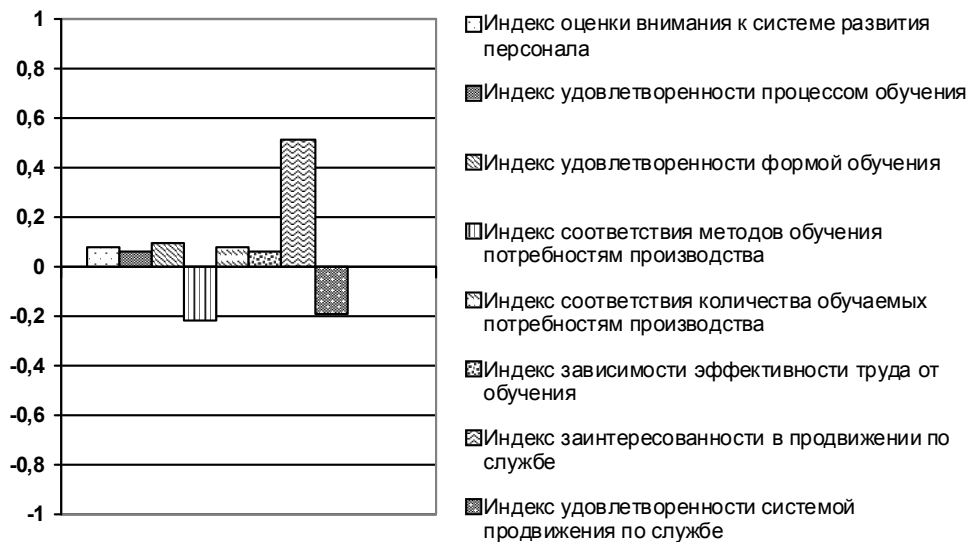

Рис. 2. Значения индексов удовлетворенности работников машиностроительных предприятий Республики Мордовия системой развития персонала

Примечание. Значения индексов рассчитаны на основе пятибалльной шкалы от -2 до +2 в зависимости от удовлетворенности респондента.

Исследование показало, что 30,1 % сотрудников предпочли бы для своего профессионального роста использовать повышение квалификации, а в наименьшей степени сотрудники предпочитают ротацию (10,2 % респондентов). Проходить обучение вне организации предпочли 17 % опрошенных, и 14,2 % сотрудников предпочли проходить обучение внутри организации (рис. 3).

Отдали предпочтение использовать повышение квалификации в качестве метода обучения, влияющего на профессиональный рост и развитие, 35,1 % респондентов в возрасте до 20 лет и 30,1 % респондентов от 20 до 29 лет. Около 40 % респондентов в возрасте от 30 до 39 лет предпочли бы использовать для своего профессионального роста обучение персонала вне организации.

Анализ по упорядоченным совокупностям социальных групп [6] показал, что половые различия практически не влияют на степень удовлетворенности. Распределение ответов опрашиваемых в зависимости от образования отмечает большую неудовлетворенность системой развития персонала на

предприятия у работников, имеющих высшее образование, по сравнению с сотрудниками со средним и среднетехническим образованием. Причина заключается в том, что рабочие с высшим образованием заняты высококвалифицированным трудом, предъявляющим повышенные требования к профессиональным знаниям, кроме того, они имеют большее желание в продвижении по службе. Интересным является тот факт, что рабочие со средним и средним специальным образованием вполне удовлетворены системой развития персонала.

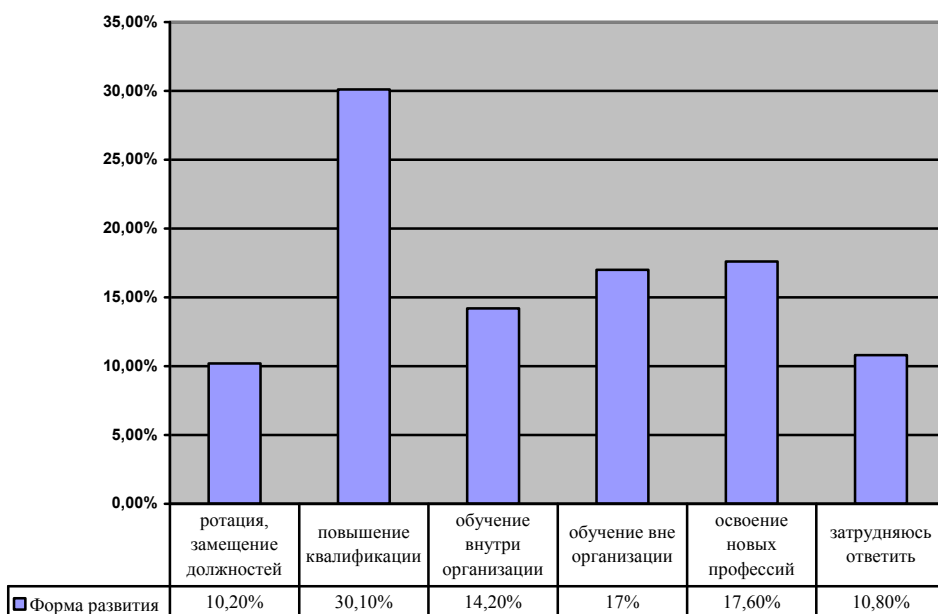

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие формы обучения Вы бы предпочли для своего профессионального роста?»

В качестве основных недостатков в системе обучения были указаны: несоответствие методов обучения потребностям производства – 33,5 %, отсутствие заинтересованности со стороны обучаемых – 29,2 %, недостаточное финансирование – 21,4 %, отсутствие оценки эффективности обучения – 12,3 % (рис. 4).

Несмотря на то, что на обследованных предприятиях используются методы обучения как на рабочем месте, так и вне его, большинство респондентов считают применяемые способы обучения устаревшими (62,9 %). А оценка эффективности проводимого обучения или повышения квалификации ни на одном из предприятий не проводится.

Финансирование подготовки кадров обеспечивается как за счет средств, включаемых в себестоимость выпускаемой продукции, так и за счет прибыли предприятия. Это снижает заинтересованность работодателя в развитии программ повышения квалификации. Сдерживающим фактором является и высокая текучесть кадров. Вероятно, поэтому фактические затраты на подготовку кадров меньше плановых. Фактические затраты на обучение на

одного работника за последние годы практически не изменялись и составляли примерно 300 руб. (отклонение составляет $\pm 5\%$) [5], что явно недостаточно. Положительным моментом является внимание к данной проблеме со стороны руководства Республики Мордовия. В 2011 г. значительный объем финансирования программ профессионального развития персонала был выделен регионом для промышленных предприятий.

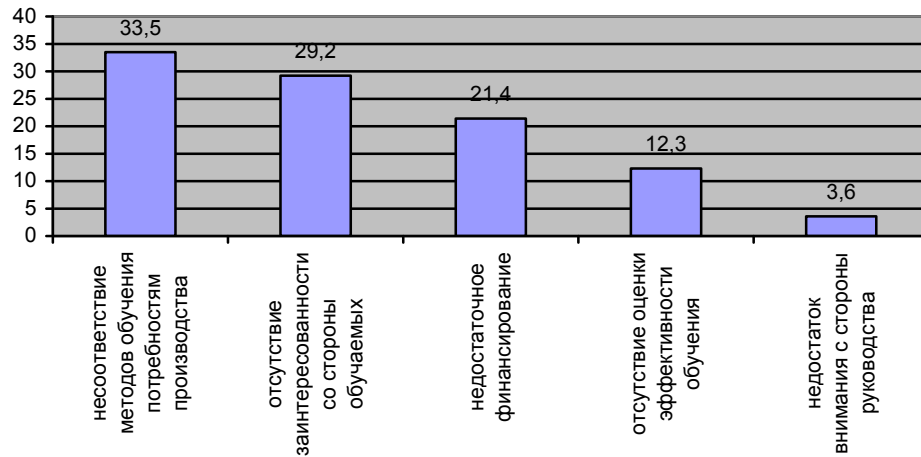

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Назовите основные недостатки в системе обучения персонала»

Таким образом, сформулируем модель эффективного подхода к реализации кадрового потенциала промышленных предприятий в современных условиях:

1. Развитие программ переквалификации и подготовки кадров в модульной форме в течение всего периода работы при интенции длительности пребывания работника на предприятии.
2. Введение программ развития личности и социальной ответственности на предприятии.
3. Введение программ активации мотивации на творческий и производительный труд и введение программ материального и морального стимулирования оптимального характера.
4. Концентрация на формировании производительного коллектива и места каждого работника в коллективе при преодолении иерархичности организации и формировании внутриколлективной социальной мобильности.

Решение представленных проблем не только обеспечит предприятию возможность существенного увеличения личного трудового вклада и производительности труда, но и для работника является гарантией постоянной занятости.

Список литературы

1. Дуданов, Е. И. Основные направления реализации кадрового потенциала промышленных предприятий в современных условиях / Е. И. Дуданов, Л. В. Рожкова //

- Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2. – С. 74–83.
2. **Дуданов, Е. И.** Социальные условия реализации кадрового потенциала промышленных предприятий : дис. ... канд. соц. наук / Дуданов Е. И. – Пенза, 2011. – 184 с.
 3. **Темницкий, А. Л.** Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия / А. Л. Темницкий, О. Н. Максимова // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 13–23.
 4. **Гурков, И. Б.** Система управления персоналом на российских фирмах в зеркале международного сравнения / И. Б. Гурков, О. И. Зеленова, З. Б. Саидов, А. С. Гольдберг // Мир России. – 2009. – № 3. – С. 132–150.
 5. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2010. – 444 с.
 6. **Горшков, М. К.** Прикладная социология: методология и методы / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 416 с.

Дуданов Евгений Игоревич

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра производственного менеджмента,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(г. Саранск)

E-mail: dudan79@mail.ru

Dudanov Evgeny Igorevich

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of production management, Mordovia
State University named after
N. P. Ogaryov (Saransk)

Толстякова Ольга Валентиновна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра производственного менеджмента,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(г. Саранск)

E-mail: haninaolga@rambler.ru

Tolstyakova Olga Valentinovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of production
management, Mordovia State University
named after N. P. Ogaryov (Saransk)

УДК 331.1(075.8)

Дуданов, Е. И.

Проблемы реализации кадрового потенциала промышленных предприятий в современных условиях / Е. И. Дуданов, О. В. Толстякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 108–115.

ВЛИЯНИЕ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования влияния референтных групп на потребительское поведение молодежи. Рассмотрены особенности воздействия на потребительские решения с учетом нормативной и сравнительно-оценочной функции референтной группы.

Ключевые слова: молодежь, референтная группа, потребительское поведение, потребности, потребительские предпочтения.

Abstract. The article introduces results of authors' research of influence of reference groups on consumer behavior of the youth. The authors consider peculiarities of influence on consumer decision taking into account regulative and evaluation functions of a reference group.

Key words: the youth, reference group, consumer behavior, needs, consumer preferences.

Изучение потребительского поведения является одним из самых актуальных направлений экономической социологии. Современные исследования в данной области представлены работами И. В. Алешиной [1], В. И. Ильина [2], Я. М. Рошиной [3] и другими. Чаще всего учеными рассматриваются различные факторы, оказывающие влияние на формирование стилей потребления конкретных социальных групп. Среди таких факторов часто указываются референтные группы, за которыми признается способность оказания воздействия на поведение потребителей.

В социологии понятие «референтная группа» используется в основном для объяснения механизмов, участвующих в формировании в индивидуальном сознании установок ценностно-нормативной регуляции личности. В работах ученых, посвященных теории референтных групп, отсутствует однозначное общепринятое определение этого понятия. Большинство из них, таким образом, обозначают группы, к которым индивид относит себя психологически, ориентируясь на их ценности и нормы. Известный американский социолог Р. Мертон под ними понимал сообщества, представляющие интересы, установки, ценности, на которые ориентируются индивиды. По мнению ученого, индивид может принадлежать или не принадлежать к таким группам, но он всегда на них ориентируется в формировании установок и конструировании своего поведения [4, с. 175]. Функции, которые выполняют референтные группы, могут быть условно разделены на нормативную и сравнительно-оценочную. Такое разделение ввел и обосновал Г. Келли. По его мнению, первая функция заключается в установлении определенных стандартов поведения (групповых норм) и побуждении индивида следовать этим нормам. В свою очередь группа может выполнять эту функцию, если она в состоянии вознаграждать индивида за конформность и наказывать за неконформность. Сравнительно-оценочная функция выражается в том, что референтная группа является эталоном для сравнения и оценки индивидом себя и других. Г. Келли также подчеркивает, что обе функции часто носят интегрированный ха-

ракти в том смысле, что они могут выполняться одной и той же группой, как группой членства, так и внешней группой, членом которой индивид стремится стать или к которой он причисляет себя психологически [5, с. 199].

Изучение референтных групп в рамках теории потребительского поведения представляется особо актуальным, поскольку референтные группы – это серьезный внешний фактор влияния на выбор покупателями конкретных товаров и услуг. Если говорить о формировании стиля потребления, то переоценить роль воздействия референтных групп трудно, особенно если речь идет о молодежи, которая представляет собой одну из самых многочисленных и активных потребительских групп. С целью выявления особенностей воздействия референтных групп на принятие молодыми людьми первых потребительских решений нами в 2011 г. было проведено социологическое исследование среди студенческой молодежи государственных и коммерческих вузов г. Пензы (опрос осуществлялся по квотной выборке, N-300). Основной задачей исследования было выявить особенности воздействия представителей старшего поколения (родителей), а также ровесников (друзей, знакомых и т.д.) на потребительские решения молодежи. Обе группы рассматриваются нами как референтные и выполняющие обе указанные выше функции. Причем эти функции реализуются по-разному. Нормативная функция родителями реализуется постепенно и естественно в процессе потребительской социализации. Родители имеют возможность постоянно оценивать приобретения своих детей, что обеспечивает уровень определенной конформности их поведения. С другой стороны, сравнительно-оценочная функция также реализуется, поскольку молодежь изначально берет за эталон черты потребительского поведения своих родителей и только в результате приобретения собственного опыта формирует определенный уникальный стиль потребления. Особенность сравнительно-оценочной функции в случае ее реализации со стороны референтной группы, равной по возрасту, заключается в том, что у молодого человека есть выбор, какие группы взять за эталон. Эти группы представляют собой носителей определенных ценностей, более оперативно реализующих их через свой стиль жизни. Закономерно, что и нормативная функция будет реализовываться только в отношении этих групп.

В ходе исследования прежде всего выяснялось, насколько часто при совершении покупок молодые потребители обращаются за советом к близким людям. Распределение ответов на данный вопрос представлено на рис. 1.

Результаты исследования показывают, что половина опрошенных довольно часто прибегают к советам близких при совершении потребительского выбора. Чуть более 10 % опрошенных студентов почти всегда обращаются за советом при совершении покупок. Почти треть опрошенных редко, но все же обращаются к близким при принятии потребительских решений. И только 5 % утверждают, что не делают этого никогда. В целом можно сделать вывод, что молодые люди при принятии потребительских решений не полагаются исключительно на собственное мнение и в значительной степени нуждаются в советах близких. Совершая покупку, потребитель несет материальные затраты, а поэтому рассчитывает получить максимум полезных свойств от приобретенной вещи. Вполне объяснимо, что недостаток личного опыта и необходимость одобрения окружением будущего приобретения мотивирует моло-

дого потребителя получить оценку своего решения заранее и только после этого реализовать задуманное.

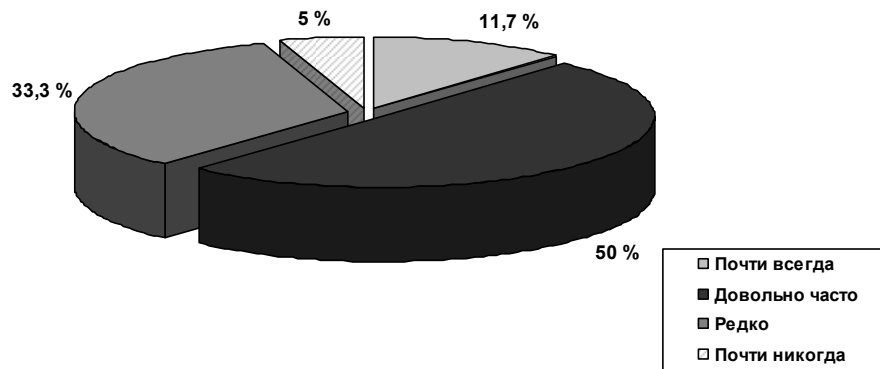

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Часто ли Вы прибегаете к советам близких людей, совершая покупки?»

Безусловно, при принятии потребительского решения молодой потребитель испытывает влияние со стороны близких людей. По результатам исследования выяснилось, что чаще всего советы по поводу потребительских решений исходят от родителей (рис. 2).

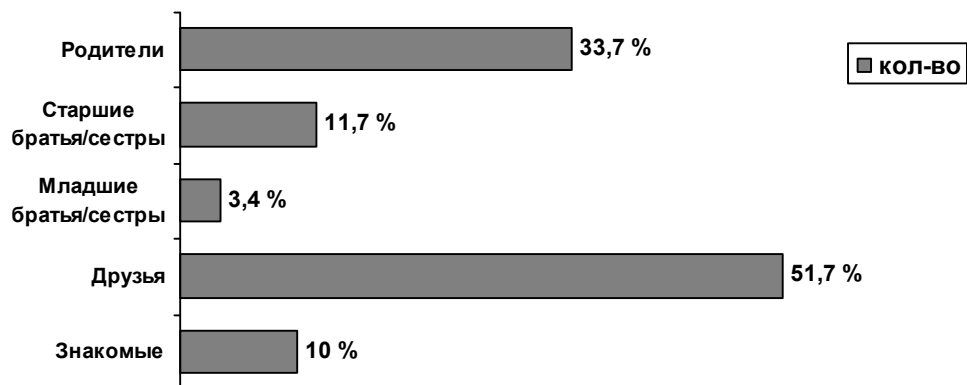

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кто чаще всего советует Вам, на чем остановить выбор при покупке?»

Подобным образом ответили чуть более трети опрошенных. Это важный показатель, поскольку родители в данном случае являются субъектами передачи собственного опыта и потребительских ценностей. Оказывая влияние на большинство приобретений, родители определенным образом закладывают основу стиля потребления молодого человека.

Что касается братьев и сестер, то результаты исследования подтверждают, что они в целом не часто дают советы по поводу приобретений. Что касается друзей и знакомых, полученный результат исследования был легко спрогнозирован, поскольку в данном возрасте высокая социальная активность и разветвленная сеть коммуникаций обеспечивают множественные контакты

и довольно близкую степень общения с людьми, близкими по возрасту и разделяемым ценностям.

При изучении результатов ответов на вопрос о том, кто чаще всего дает советы при совершении покупок, закономерно было выяснить, к чьим советам молодые потребители прислушиваются при принятии потребительских решений. При планировании исследования стояла задача выяснить, советы родителей или друзей оцениваются выше самими молодыми потребителями. Результаты показали, что к советам родителей молодежь прислушивается чаще, а это означает, что родители на данном этапе оказывают большее влияние на формирование потребительских ценностей и стиля потребления (рис. 3).

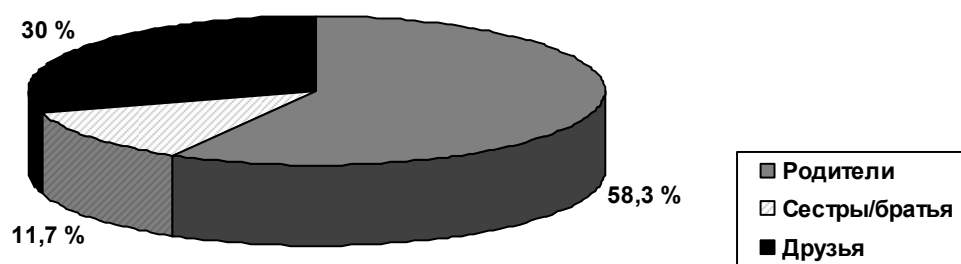

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «К чьим советам Вы чаще всего прислушиваетесь при совершении покупок?»

В ходе исследования выяснилось, что влияние родителей на принятие потребительских решений отнюдь не является абсолютным. Когда мнение молодого человека в отношении конкретного приобретения расходится с мнением родителей, то в большинстве случаев это выступает поводом для отсрочки решения о приобретении и дополнительного анализа аргументов. Менее 2 % респондентов, полагаясь на мнение родителей, предпочитают совсем отказаться от покупки. Почти 20 % опрошенных в подобной ситуации остаются при своем мнении и приобретают задуманное. Одним из главных факторов, оказывающим влияние на потребительское поведение, являются материальные ресурсы. Поскольку объектом данного исследования является студенческая молодежь, можно с определенной вероятностью утверждать, что данная категория располагает весьма ограниченными финансовыми ресурсами. Тем не менее это не является основанием для большего влияния родителей на потребительское поведение их детей-студентов и подтверждается результатами проведенного исследования. В случаях, когда родители оплачивают часть покупки и настоятельно рекомендуют своему ребенку приобрести вещь против его желания, только 16,6 % респондентов спокойно реагируют и соглашаются с подобным приобретением. Остальные либо конфликтуют и вовсе отказываются от покупки, тем самым демонстрируя свою волю, либо занимаются поиском другого источника финансирования для реализации задуманного (рис. 4).

В случае, когда приобретения совершаются без материальной помощи родителей, на собственные средства, то их мнение либо совсем не учитывается (20 %), либо учитывается в незначительной степени (28,3 %) и в редких случаях (38,4 %). Процент тех, кто допускает возможность оказания влияния

на собственные приобретения в случае их совершения на собственные средства, весьма незначительный (рис. 5).

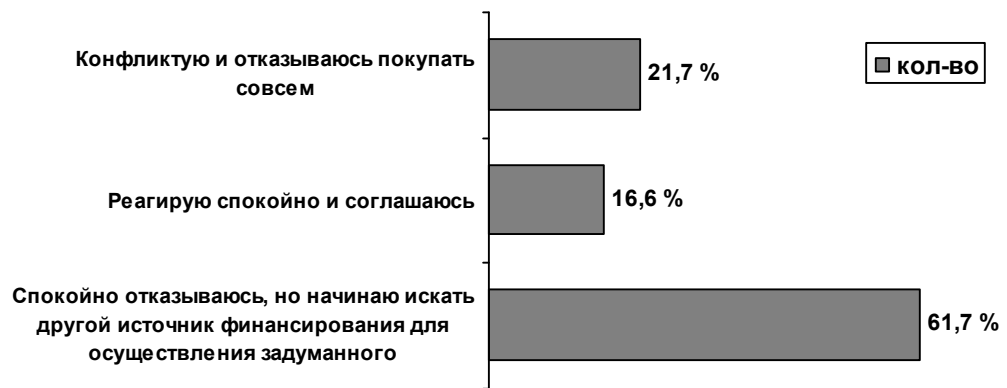

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос о возможности влияния родителей на потребительский выбор

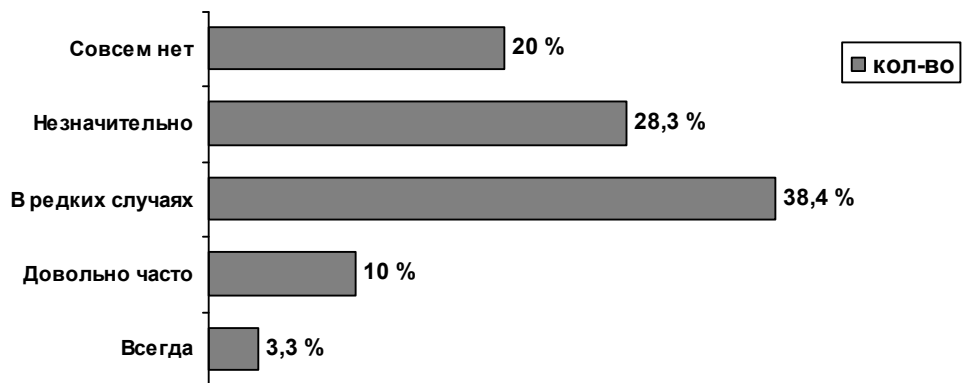

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос о возможности влияния родителей на потребительский выбор, осуществляемый на собственные средства

Безусловно, отсутствие возможности у родителей прямо повлиять на потребительский выбор своих повзрослевших детей не исключает факта выражения собственного мнения по поводу совершенных приобретений. Молодые люди, совершив покупку, часто сталкиваются с откровенно негативными отзывами своих родителей. Это объяснимо разницей в возрасте и во взглядах представителей разных поколений. В ходе исследования выяснялась возможная реакция молодых потребителей на негативные отзывы собственных родителей по поводу покупок (рис. 6).

Результаты показали, что чуть больше половины респондентов не обращают на это внимания и пользуются своим приобретением с удовольствием. Однако немногим меньше процент тех, для кого важно получить одобрение своего выбора со стороны родителей. Не получив его, молодые люди уже не испытывают удовольствия от использования товара, а иногда совсем им не пользуются. В этой связи представляется интересным факт, повлияют ли негативные оценки родителей в отношении покупок на особенности будущего потребительского поведения молодых покупателей. Распределение ответов на данный вопрос представлено на рис. 7.

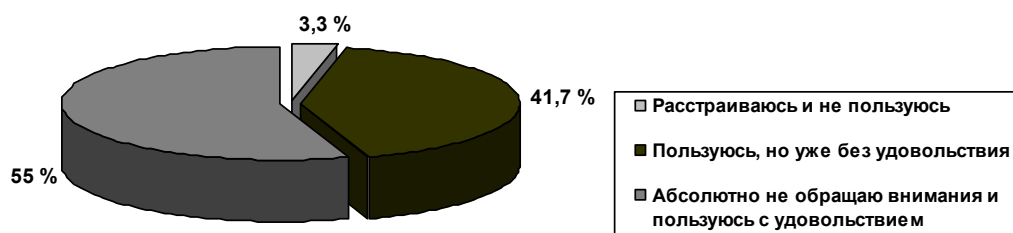

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о типичной реакции молодежи на негативные отзывы родителей по поводу совершенных покупок

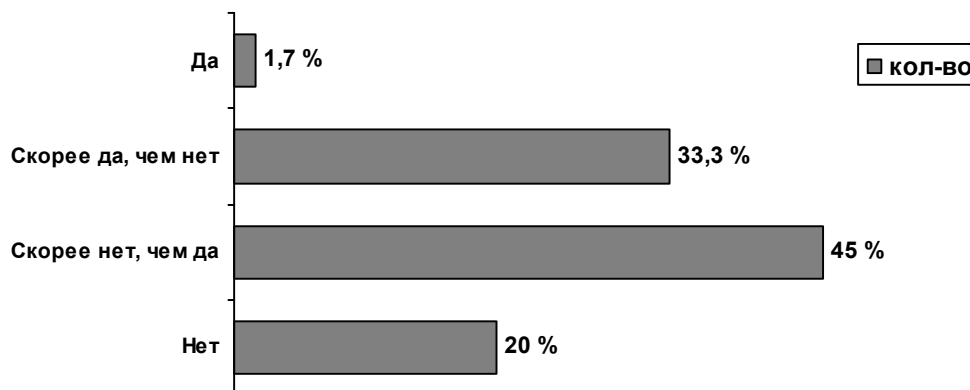

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Если родители часто критикуют Ваши покупки, может лучше в очередной раз положиться на их выбор?»

Большинство респондентов ответили, что скорее всего критика родителей не является основанием для перемены собственного решения и переориентации собственного выбора. То есть выбор большей частью совершается самостоятельно. Однако треть опрошенных все же допускают, что если родители будут все время критиковать их покупки, то это заставит их задуматься, прислушаться к аргументам и в ситуации выбора положиться на мнение старших. Однако скорее всего это происходит от нежелания выслушивать замечания и негативную оценку поступкам.

Исследование потребительского поведения молодежи неотделимо от анализа досуговой деятельности данной социальной группы, поскольку, по результатам последних авторских исследований, досуг часто представляет собой посещение магазинов и совершение покупок [6–8]. Совместное посещение магазинов предполагает оказание определенного влияния со стороны друзей на принятие потребительских решений молодых покупателей. Как показало исследование, почти половина опрошенных довольно часто ходят за покупками с друзьями. 16,7 % респондентов практически всегда берут с собой друзей, когда идут по магазинам. Одна треть опрошенных редко, но все же ходят за покупками с друзьями, и только 5 % никогда этого не делают.

По результатам исследования, 30 % респондентов показали, что они берут с собой друга за покупками намеренно, чтобы посоветоваться. Однако это происходит не потому, что друг разбирается в конкретных товарах, а в связи с тем, что молодежь не интересуется экспертным мнением, интересным представляется мнение со стороны, от близкого человека, который разделяет те же ценности (рис. 8).

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы мнением друга, когда совершаете покупки вместе?»

В случае, когда мнение молодого покупателя по поводу выбора конкретного товара расходится с мнением друга, это часто мотивирует на время отказаться от покупки и еще раз взвесить все аргументы (рис. 9). Подобным образом высказались 71,7 % опрошенных. Видимо, это объясняется высокой степенью доверия к другу, признанием его взглядов в отношении современных модных тенденций и т.д. Тем не менее в ответах на данный вопрос отсутствуют ответы об абсолютном отказе от приобретения на основании негативной оценки другом предполагаемого выбора. Это говорит о том, что молодой потребитель уже имеет определенный опыт и в его сознании сформировалась четкая конфигурация потребительских свойств, которыми должен обладать товар, и совет друга будет носить консультационный характер и не будет служить руководством к действию. Этот факт подтверждается также ответами почти трети респондентов, которые показали, что не меняют своего решения и покупают то, что задумали, вне зависимости от мнения друга.

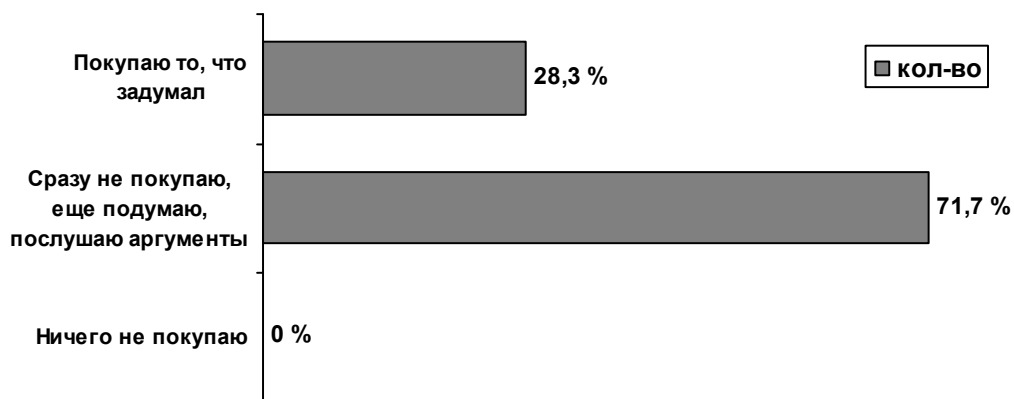

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос о типичной реакции на негативную оценку приобретений со стороны друзей

В ходе исследования планировалось выяснить и проанализировать, в отношении каких товаров молодые потребители прислушиваются к советам родителей (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В отношении каких товаров Вы скорее прислушались бы к советам родителей и друзей?»
(в процентах от числа опрошенных, $n = 300$)

Наименование товара (группы товаров)	Родители (%)	Друзья (%)
Лекарственные средства (медицинские услуги)	100	0
Товары для дома (бытовая химия и т.д.)	90	10
Автомобили (приобретение и эксплуатация)	73,3	26,7
Бытовая техника	65	35
Продукты питания (алкогольные напитки)	60	40
Услуги туристических фирм (все, что касается отдыха)	60	40
Одежда и обувь	45	55
Средства ухода, личной гигиены (косметика и т.д.)	43,3	56,7
Компьютеры	25	75
Услуги мобильной связи (телефоны и т.д.)	18,3	81,7
Товары в рамках хобби (спорт, туризм, музыка и т.д.)	10	90
Развлекательные заведения	3,4	96,6

Проведем краткий анализ полученных результатов. Советы родителей пользуются абсолютным авторитетом при выборе молодыми людьми лекарственных средств, товаров для дома и всего, что касается приобретения и обслуживания автомобиля. Лекарственные средства относятся к товарам, в отношении которых у молодого потребителя еще не сложилось потребительского опыта. Кроме того, это товары для сохранения здоровья, поэтому закономерно, что родители пользуются в данном случае доверием со стороны своих детей. Что касается приобретения товаров для дома (бытовой химии и т.д.), советы родителей не теряют актуальности по причине совместного использования указанной группы товаров, поскольку многие студенты пока не имеют отдельного жилья. Приобретение и обслуживание автомобиля – это дело серьезное и определенно дорогостоящее, а поскольку молодые люди ограничены в средствах, то родители, обладая большим опытом и оказывая материальную поддержку, имеют авторитет у своих детей.

Порядка 60 % ответов получили такие категории, как «продукты питания» (включая алкоголь), «бытовая техника» и «услуги туристических фирм» (включая товары для отдыха). Чуть более 40 % – ответы «одежда и обувь» и «средства ухода, личной гигиены». Наименьшее количество процентов получили товары и услуги, потребности в которых молодежь может удовлетворить, не прибегая к материальной помощи родителей. Это компьютеры, услуги мобильной связи, товары в рамках хобби (спорта, туризма и т.д.) и развлекательные заведения. Если проанализировать ответы на те же вопросы, но в отношении советов друзей, то будет видно, что ответы распределились в обратном порядке.

Подводя итоги, можно сформулировать основные выводы по результатам проведенного исследования. Студенческая молодежь представляет собой потребительскую группу с достаточно сформированными представлениями о необходимых свойствах приобретаемых товаров и услуг. Тем не менее это не является основанием для принятия абсолютно автономных потребительских решений. Молодежь испытывает серьезное влияние на потребительские решения со стороны референтных групп, представленных двумя категориями: друзьями, как равными по возрасту и разделяющими одни ценности, и матерью, как близким человеком, старшим по возрасту и обладающим необходимым опытом. Тем не менее при принятии потребительских решений советы представителей референтных групп не рассматриваются как руководство к действию, а являются основанием для более глубокого анализа необходимости потенциального приобретения. При этом просматривается четкое разграничение в мотивации молодого потребителя при учете мнения конкретного представителя референтной группы. При совершении покупок, в отношении которых у молодежи существует недостаток материальных средств и потребительского опыта, большее влияние при выборе товаров и услуг оказывает мать. В данном случае мотивацией молодого человека является желание максимизировать полезность конкретной приобретаемой вещи, тем самым сформировать собственный позитивный потребительский опыт. Что касается приобретений, в отношении которых молодежь полагается на советы друзей, то в данном случае мотивацией является необходимость в самоутверждении и одобрении со стороны членов группы, разделяющей те же ценности.

Список литературы

1. **Алешина, И. В.** Поведение потребителей : учеб. пособие для вузов / И. В. Алешина. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 384 с.
2. **Ильин, В. И.** Поведение потребителей / В. И. Ильин. – СПб. : Питер, 2000. – 224 с.
3. **Рощина, Я. М.** Социология потребления : учеб. пособие / Я. М. Рощина. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 447 с.
4. **Merton, R. K.** Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science / R. K. Merton // *Surveying Social Life* / Etd. by J. O. Hubert. – Gorman, Middletown, Connecticut : Wesleyan University Press, 1998. – P. 174–189.
5. **Келли, Г.** Две функции референтной группы / Г. Келли // *Современная зарубежная социальная психология. Тексты.* – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 197–203.
6. **Кошарная, Г. Б.** Особенности восприятия потребителями радиорекламы / Г. Б. Кошарная, Ю. Л. Афанасьева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* – 2007. – № 4. – С. 3–8.
7. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные ориентации современной российской молодежи / Г. Б. Кошарная, Ю. Л. Афанасьева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* – 2008. – № 4. – С. 41–52.
8. **Афанасьева, Ю. Л.** Влияние рекламы на потребительское поведение молодежи / Ю. Л. Афанасьева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* – 2009. – № 1. – С. 44–51.

Афанасьева Юлия Леонидовна

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Управление научных исследований,
Пензенский государственный
университет

E-mail: volgavuz@mail.ru

Afanasyeva Yuliya Leonidovna

Candidate of sociological sciences, senior
staff scientist, office of scientific research,
Penza State University

Кошарная Галина Борисовна

доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

E-mail: siup@pnzgu.ru

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

УДК 316.334.2

Афанасьева, Ю. Л.

Влияние референтных групп на потребительское поведение студенческой молодежи / Ю. Л. Афанасьева, Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 116–125.

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи. На основе социологического исследования, проведенного среди студентов-старшекурсников вузов г. Пензы, анализируется трудовая мотивация студенческой молодежи в зависимости от материального благосостояния их родителей, предлагается типология студенческой молодежи в зависимости от отношения к работе.

Ключевые слова: ценности, трудовая мотивация, социально-психологическая установка.

Abstract. The article considers labor values and aims of modern student youth. On the basis of the sociological research conducted among undergraduate students of higher education institutions of Penza, the authors analyze the labor motivation of student youth depending on material well-being of their parents and offer the typology of student youth depending on their relation to work.

Key words: values, labor motivation, social psychological aim.

Российское общество за последние десятилетия претерпело значительные изменения, которые отразились не только на всех сферах жизнедеятельности людей, но и на их сознании. Современное молодое поколение выросло в новом, реформированном обществе.

На фоне мировоззренческой неопределенности молодежи, негативного влияния средств массовой информации, насаждения психологии общества потребления происходит трансформация ценностных основ. Дифференциация и материальное расслоение общества, возникшие в современных социально-экономических условиях, негативно влияют на ценности и ориентации в сфере труда молодого поколения россиян и стимулируют его отчуждение от трудовой деятельности.

В связи с переориентацией ценностной системы общества отношение к трудовой деятельности у молодого поколения значительно изменилось. В этом плане возросла и актуальность проблематики, связанной с выявлением особенностей структуры и иерархии трудовых ценностей студенческой молодежи. Сущность и природа ценностных ориентаций молодого поколения нашли отражение в работах отечественных социологов: М. К. Горшкова [1], Д. Л. Константиновского, Г. А. Чередниченко [2], Г. Б. Кошарной, Л. В. Рожковой [3] и других. Исследование ценностных ориентаций, жизненных приоритетов современного студенчества проводится социологами с целью выявления степени его инновационного потенциала адаптации к новым социальным условиям. От того, какие ценности будут сформированы у современного молодого поколения, во многом зависит дальнейшее развитие российского общества [4].

Результаты социологического исследования, проведенного в 2009 г. среди студентов-старшекурсников ($N = 420$) г. Пензы, позволили выявить ценностную структуру современной молодежи, которую преимущественно

составляют традиционные ценности. По-прежнему главное значение для молодых людей имеет ценность семьи (74,8 %). В ряду жизненно важных ценностей большую популярность имеют ценность здоровья (70 %) и материального благополучия (64,5 %).

Трудовая деятельность занимает важное место в жизни каждого человека, в том числе и молодого поколения. Среди приоритетных целей, которых собираются достичь большинство молодых людей с помощью будущей работы, можно выделить материальный достаток, статус, самореализацию. Однако результаты исследования показали, что, несмотря на значимость «труда» для молодежи, данная ценность не входит в ядро ценностной структуры студенческой молодежи.

Ценность интересной работы в структуре жизненных ценностей студентов располагается только на четвертом ранговом месте (41,3 %). Нужно отметить, что ценность работы для студенческой молодежи более значима, чем для старшего поколения. В последних исследованиях базовых ценностей населения, проведенных под руководством Н. И. Лапина (2010 г.), ценность работы занимает только восьмое место в сознании россиян [5, с. 28–36].

У современной молодежи, которая выросла уже в постсоветской России, сформированы новые ценности и установки, в том числе и в трудовой сфере. Анализ социологических исследований в области трудовых отношений позволил выявить различия в трудовых установках у различных категорий населения (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ трудовых ценностей

Категории населения		
Работающие россияне (<i>n</i> = 6663), 2007 г.*	Молодежь (от 14 до 30 лет) (<i>n</i> = 2000), 2009 г.**	Студенческая молодежь (<i>n</i> = 420), 2010 г.***
Высокий заработок (96 %)	Хороший заработок (79,2 %)	Хорошая оплата труда (89 %)
Надежное место работы (75 %)	Интересная работа (48,2 %)	Возможность карьерного роста (66 %)
Интересная работа (66 %)	Хорошие условия труда (39,7 %)	Возможность самореализации (38 %)
Удобный график работы (61 %)	Социальные гарантии (30,4 %)	Комфортные условия труда (32 %)

Примечание. * – исследование, проведенное в рамках международной программы «Поколения и гендер» Независимым институтом социальной политики (Москва, 2007 г.) (*n* = 6663); ** – общероссийское исследование, проведенное Центром социального развития и маркетинга в 21 субъекте РФ (2009) (*n* = 2000); *** – результаты авторского исследования, г. Пенза (*n* = 420).

Данные, представленные в табл. 1, позволяют сделать вывод, что для всех категорий населения в первую очередь важна материальная сторона трудовой деятельности. «Надежное место работы» ценится только среди работающего населения. Такие результаты свидетельствуют о том, что взрослое поколение, пережившее нестабильное положение на рынке труда, вызванное экономическими кризисами, в большей степени ценит свое место работы, чем

молодежь. Большое значение россияне отводят ценностям «интересная работа» и «удобный график работы». Трудовые ценности работающей и неработающей студенческой молодежи имеют отличия. Так, для работающей молодежи важны содержательная сторона деятельности, условия труда, а также социальные гарантии. Молодые люди, ознакомившиеся с предложениями на рынке труда, кроме материального вознаграждения, обращают внимание на содержание работы, условия, в которых им предстоит работать, и гарантии, которые им предоставляет работодатель.

Работа воспринимается студентами как средство для достижения успеха в жизни, признания и уважения окружающих, определенного положения в обществе. Именно поэтому с помощью будущего труда юноши и девушки хотели бы получить высокий заработок и профессионально самореализоваться.

Стремясь добиться финансовой независимости, юноши и девушки начинают работать, совмещая учебу с вторичной занятостью.

Среди причин, которые мешают молодым людям работать во время учебы, почти половина опрошенных неработающих студентов (47,6 %) называют следующую: они считают работу не совместимой с учебой (рис. 1).

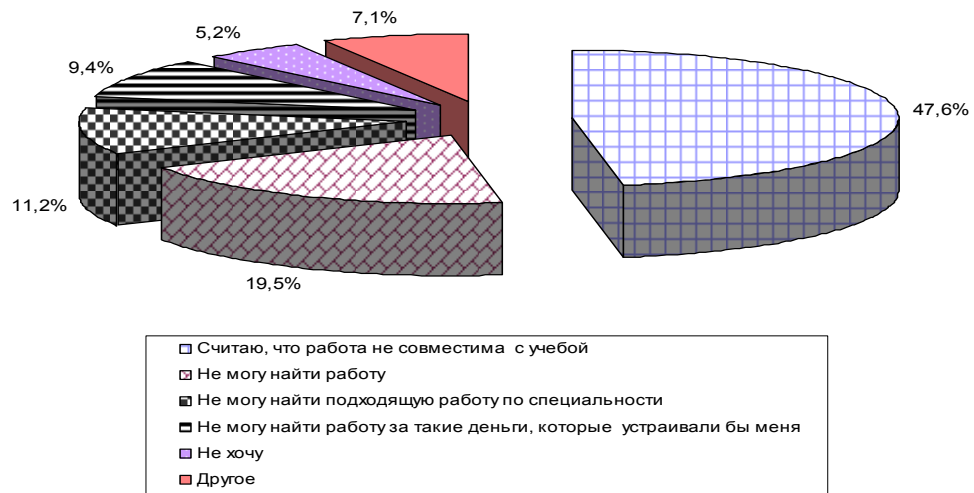

Рис. 1. Причины, которые мешают студенческой молодежи совмещать работу с учебой (в процентах от числа опрошенных, $n = 267$ – неработающие студенты)

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что работа для большинства юношей и девушек, обучающихся в вузе, играет второстепенную роль. На данном этапе работа в сочетании с учебой для студентов выступает инструментальной ценностью, так как в большей степени они работают ради заработка и опыта работы, а не для реализации своих способностей. Кроме того, вторичная занятость может оказывать негативное влияние на успеваемость студентов, так как неусвоенный материал, преподаваемый в вузе, способен снизить конкурентоспособность будущего специалиста на рынке труда. Еще один негативный момент – это потребительское отношение работодателей к студенту как к работнику. Зачастую работодатели стараются максимально загрузить таких работников, при этом не видя в них в дальнейшем будущих специалистов. Кроме того, в отношении студентов-работников

часто происходят нарушения правовых норм, регулирующих наем (например, прием на работу без заключения трудового договора), увольнение, а также установление продолжительности рабочего дня и др.

Остальные причины, которые мешают респондентам работать, – это трудности в нахождении работы, а также работа не по специальности либо работа за то материальное вознаграждение, которое устраивало бы респондента. Следует отметить, что только малая доля студентов не хочет работать (5,2 %).

Мотивы, побуждающие студентов работать в зависимости от материального благосостояния их родителей, относительно одинаковые, однако структура мотивации малообеспеченных студентов имеет свои особенности (табл. 2).

Таблица 2

Причины, побуждающие студентов работать
в зависимости от благосостояния их родителей (в процентах
от числа опрошенных; $n = 153$ – работающие студенты)

Мотивы, побуждающие студентов работать	Высокий уровень благосостояния родителей, %	Средний уровень благосостояния родителей, %	Низкий уровень благосостояния родителей, %
Необходимость заработать деньги на жизненно необходимые вещи	18,4	17,2	26,8
Достижение материального благополучия	22,4	19,4	19,5
Самореализация	6,1	13,0	7,3
Построение карьеры	22,4	8,4	7,3
Приобретение профессионального опыта, связанного с будущей специальностью	12,2	11,4	19,5
Работа дает чувство самостоятельности и независимости	10,2	16,8	4,9
Необходимость платить за учебу	0	1,7	2,4
Необходимость платить за жилье	2	3,8	0
Необходимость помогать своей семье	6,1	8	12,2
ИТОГО	100	100	100

Данные табл. 2 показывают, что у работающих студентов, у которых уровень благосостояния родителей высокий, первое место занимают достижения материального благополучия (22,4 %), построение карьеры (22,4 %), а необходимость зарабатывать деньги на жизненно необходимые вещи (18,4 %) – только на втором месте. Для данной группы студентов одинаково важны материальная и профессиональная составляющие их работы. Чаше всего эти молодые люди совмещают учебу с работой в семейном бизнесе. Для

респондентов, у которых уровень благосостояния родителей средний, наиболее важными являются достижение материального благополучия (18,4 %), необходимость зарабатывать деньги на жизненно необходимые вещи (17,2 %). Студенты, у которых уровень благосостояния родителей низкий, первостепенным считают необходимость зарабатывать деньги на жизненно необходимые вещи (26,8 %), а уже затем – достижение материального благополучия (19,5 %) и приобретение профессионального опыта (19,5 %). Еще одной особенностью, характерной для данной группы, является выраженная потребность помогать своей семье (12,2 %).

Таким образом, проведенное исследование показало, что для студентов из малообеспеченных семей главным является материальный стимул, побуждающий их работать. Приобретение профессионального опыта – это еще одна возможность получить в будущем высокооплачиваемую работу. В результате материальные потребности этих респондентов теснят другие мотивы, такие как самореализация, построение карьеры, приобретение чувства самостоятельности и независимости. Что же касается среднеобеспеченных и высокообеспеченных студентов, то их мотивационная структура несколько иная. Для них важен не только материальный мотив, заставляющий их работать, но и приобретение профессионального опыта, построение карьеры, а также самореализация. Самореализация, т.е. реализация своего личностного потенциала, а также собственных способностей и интересов в процессе трудовой деятельности, позволяет молодым людям повысить собственный социальный статус, свою самооценку. Именно поэтому самореализация включает в себя поиск молодежи своего места в обществе, процесс самовыражения в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в труде.

Данные социологического опроса позволили выявить представления студенческой молодежи о модели «хорошей работы» (данные представлены в табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какое содержание Вы вкладываете в понятие «хорошая работа»? (в процентах от числа опрошенных по каждой группе)

Варианты ответов	Работающие студенты, n = 153, %	Неработающие студенты, n = 267, %
Хорошая оплата труда	32,3	31,1
Возможность карьерного роста	20,8	24,3
Самореализация, самоутверждение	10,3	15,2
Престижность места работы	7,9	7,7
Возможность межличностного общения	2,8	2,6
Комфортные условия труда	13,3	10,0
Удобный график работы	9,4	6,6
Предоставление социальных льгот	2,8	2,2
Другое	0,2	0,3
Итого	100	100

36,9 % работающих студентов в понятие «хорошая работа» вкладывают хорошую оплату труда; 63,1 % неработающих студентов также отдают предпочтение хорошей оплате труда. Для 32,6 % работающих респондентов вторым по значимости мотивом при выборе хорошей работы является возможность карьерного роста, что значительно меньше, чем у неработающих респондентов (67,4 %).

Следующим по значимости критерием при понимании «хорошей работы» у 42,9 % работающих студентов выступают комфортные условия труда, четвертое ранговое место у 27,7 % работающих респондентов занимает самореализация. Неработающие студенты распределили ранговые места противоположным образом. Для 72,3 % неработающих опрошенных самореализация занимает третье ранговое место, и только на четвертом месте стоят комфортные условия труда (для 57,1 % опрошенных респондентов). Еще следует отметить, что для значительной доли работающих студентов (44,4 %) важным является удобный график труда, у неработающих студентов (63 %) пятое ранговое место занимает престижность места работы.

Все респонденты отметили, что хорошая работа должна отвечать таким требованиям, как достойная оплата труда и возможность карьерного роста. Это, вероятнее всего, связано с тем, что для молодых людей важно быть независимыми и с помощью профессии продвинуться по карьерной лестнице.

Небольшие различия при понимании «хорошей работы» у работающих и неработающих студентов можно объяснить отсутствием опыта работы у неработающих юношей и девушек. Так, для работающих респондентов немаловажными являются комфортные условия труда, удобный график работы, т.е. те факторы, которые непосредственно влияют на работу человека.

Обучаясь в вузах, молодые люди формируют в своем сознании модели адаптационного поведения на рынке труда, которые соответствуют их жизненным установкам. Как отмечал американский социолог Р. Мертон, социальная структура влияет на выбор индивидом того или иного поведения; при этом люди могут переходить от одной альтернативы к другой по мере того, как они вовлекаются в различные виды социальной деятельности. В настоящее время «богатство приобрело высокую символическую ценность» [6, с. 256]. Исходя из этого, молодые люди вырабатывают определенные установки, которые они будут реализовывать в зависимости от своих притязаний. Так, кто-то хочет много трудиться и при этом иметь высокий заработок; кто-то, не претендуя на высокое вознаграждение, стремится иметь много свободного времени; кто-то совсем не хочет прилагать никаких усилий, но при этом получать высокую заработную плату и т.д. На основе этого можно проанализировать установки, которые наиболее близки сегодняшней молодежи (рис. 2).

В зависимости от того, какие социально-психологические установки в сфере труда преобладают среди студенческой молодежи, ее условно можно дифференцировать на следующие группы.

К группе «прагматиков» относится больший процент респондентов (44 %). Данные студенты хотели бы много работать и при этом много зарабатывать, для того чтобы удовлетворить свои потребности. Данные показывают, что молодые люди, относящиеся к данной группе, в дальнейшем хотели бы организовать собственный бизнес и реализовать себя в нем (46,7 %). То

обстоятельство, что молодое поколение не утратило желания трудиться, является положительной тенденцией. Однако высокая оплата труда не всегда гарантирует высококвалифицированный труд и работу по специальности, что приводит к потере квалификации, утрате ценности профессионального образования.

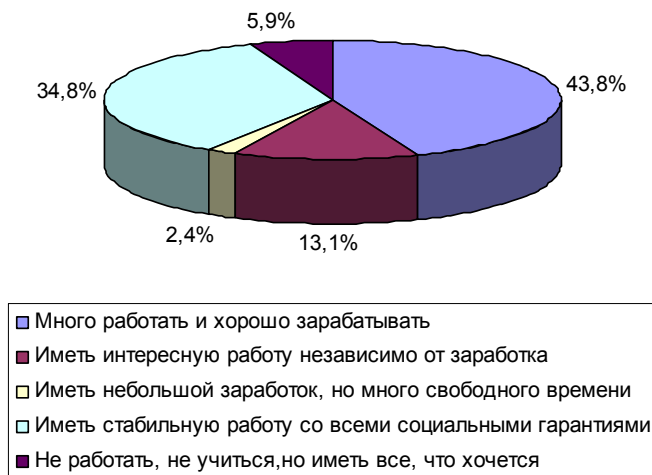

Рис. 2. Социально-психологические установки, которые наиболее близки современной молодежи (в процентах от числа опрошенных, $n = 420$)

«Консерваторы» хотели бы иметь стабильную работу со всеми социальными гарантиями (35 % молодых людей). Молодежь, отдающая предпочтение такой работе, стремится к стабильному будущему, так как сегодняшний высокий заработок не всегда сопровождается компенсациями и социальными гарантиями в дальнейшем. Это прежде всего сверхурочная работа, отсутствие ежегодного отпуска, неоплачиваемые больничные и т.д. Стабильная работа с социальными гарантиями предполагает наличие гарантий и компенсаций, предусмотренных Трудовым кодексом РФ. Молодые люди, желающие работать в соответствии с «легальным соцпакетом», предпочитают трудиться в бюджетных организациях, на госпредприятиях (53,25 %).

К группе «общественников» (13 %) относятся юноши и девушки, которые хотели бы иметь интересную работу независимо от заработка. Такие молодые люди отдают предпочтение содержательной стороне работы. Как правило, это люди, увлеченные своим делом, т.е. в первую очередь им важно получать удовольствие от работы, которую они выполняют. Данная группа молодежи выбирает организацию, которая отвечала бы их требованиям, предъявляемым к работе. Для них главное – не форма собственности предприятия, а работа, в которой они будут заинтересованы (40 %).

6 % молодых людей, которых можно отнести к группе «сибаритов», выразили желание не работать, не учиться, но при этом иметь все, что хочется. Молодые люди, которые придерживаются такой позиции сейчас, в дальнейшем будут прилагать минимум своих усилий для обеспечения себя материальными благами. В большинстве случаев молодые люди, придерживающиеся такой позиции, в дальнейшем не хотят работать совсем (50 %). Но же-

ление иметь все, что хочется, может подтолкнуть данных индивидов к проявлению девиантного поведения.

И лишь малая доля респондентов относится к «гедонистам». Молодежь этой группы стремится иметь небольшой заработок, но при этом много свободного времени (2 %). В исследованиях трудовых ценностей населения В. С. Магун такую стратегию в сфере труда определяет как «комфортный материализм» [7, с. 31]. В данном случае происходит снижение уровня социальных запросов, т.е. данные студенты не хотят трудиться и не стремятся посредством работы достичь жизненного успеха, но из-за необходимости они готовы выполнять работу, которая требует минимальных временных затрат, соответственно, такая занятость будет низко оплачиваться. Эти молодые люди предпочитают временные подработки либо не работать совсем (16,7 %). По мнению респондентов, единственным плюсом при такой занятости является наличие свободного времени, которое они могут тратить по своему усмотрению.

Желание ориентироваться на требования современного рынка труда отражается в предпочтениях студенческой молодежи к формам занятости в различных секторах экономики. Смена форм собственности и системы хозяйствования не только определили институциональные изменения в трудовой сфере, углубление его социально-экономической неоднородности, появление новых видов занятости, но и изменили мотивационные характеристики трудовой деятельности.

В настоящий момент наличие различных форм собственности, свобода предпринимательства повлияли на самореализацию молодежи в экономической сфере. Результатом адаптации к новым экономическим условиям у населения, в том числе и у молодежи, явилась установка на возможность работы по найму на частных предприятиях. Кроме того, многие студенты хотели бы организовать собственный бизнес.

Таким образом, будущие специалисты делают свой выбор в пользу собственного бизнеса или работы в частном секторе, рассчитывая при этом на более высокий уровень оплаты, чем на предприятиях государственной формы собственности. При такой закономерности проявляется еще один отрицательный момент, который заключается в том, что в молодом возрасте юноши и девушки не задумываются о социальном пакете, а такая составляющая социального пакета, как пенсионные отчисления, для них в настоящее время играет второстепенную роль. Молодые люди чаще согласны получать высокую заработную плату «в конверте», чем иметь социальную защищенность в дальнейшем. В результате государственные учреждения, которые могут предложить пусть невысокую заработную плату, но полный социальный пакет, не пользуются популярностью у будущих специалистов. Такие процессы ведут к потере в промышленности, науке, образовании молодых специалистов, а для тех, кто уходит в коммерческие фирмы, – к потере квалификации. Происходит обесценивание знаний и отдельных специальностей, по которым осуществляется подготовка в вузах. Все это отражается на сознании студенческой молодежи, формируя ее ценностные ориентации, потребности, жизненные планы в будущем. Наблюдаются положительные тенденции в отношении к труду среди студенчества. Несмотря на то, что ценность работы не вошла в тройку значимых жизненных ценностей, тем не менее практически

все студенты хотят быть занятыми, иметь работу; лишь 1,4 % молодых людей не хотят работать совсем.

В заключение следует подчеркнуть, что в сознании молодых людей присутствуют различные модели поведения. Анализ побудительных мотивов, которые заставляют студентов работать, показал, что на первом месте оказались материальные стимулы, независимо от благосостояния их семьи. Ответы работающих и неработающих студентов позволили сделать вывод о модели «предпочитаемой работы», которая включает в себя высокую оплату труда, а также возможность карьерного роста. В целом для большинства девушек и юношей наиболее распространенной в трудовой сфере является социально-психологическая установка «много работать и хорошо зарабатывать». На основании результатов социологического исследования разработана типология моделей адаптационного поведения студентов на рынке труда в зависимости от их социально-психологических установок. Результаты исследований показывают, что, обучаясь в вузе, молодежь формирует определенные установки, которые собирается реализовать в будущем. Положительным является то, что большая часть будущих специалистов хочет реализовать себя, затратить максимум своих усилий, но при этом получить большое вознаграждение за свой труд.

Список литературы

1. **Горшков, М. К.** Молодежь России: образ жизни и ценностные приоритеты / М. К. Горшков, В. В. Петухов, А. Л. Андреев, В. А. Аникин и др. – М. : Институт социологии РАН, 2007. – 95 с.
2. **Константиновский, Д. Л.** Российский студент сегодня: учеба плюс работа / Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко, Е. Д. Вознесенская. – М. : ЦСП, 2002. – 170 с.
3. **Кошарная, Г. Б.** Ценности модерна в ориентациях современной студенческой молодежи / Г. Б. Кошарная, Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 64–76.
4. **Корж, Н. В.** Высшее профессиональное образование в структуре ценностей студенческой молодежи / Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 56–63.
5. **Лапин, Н. И.** Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.
6. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
7. **Магун, В. С.** Как меняются российские трудовые ценности / В. С. Магун // Отечественные записки. – 2007. – № 3. – С. 23–39.

Кошарный Валерий Павлович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет

E-mail: dep_ph@pnzgu.ru

Kosharny Valery Pavlovich
Doctor of philosophy, professor, head
of sub-department of philosophy,
Penza State University

Корж Наталья Владимировна

кандидат социологических наук,
старший преподаватель, кафедра
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

E-mail: natalya.korzha@mail.ru

Korzha Natalya Vladimirovna

Candidate of sociological sciences, senior
lecturer, sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

УДК 316.346.32

Кошарный, В. П.

Трудовые ценности и установки студенческой молодежи / В. П. Кошарный, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 126–135.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. Анализируется понятие «социальный капитал». Рассматриваются факторы формирования социального капитала в условиях социально-экономической дифференциации российских регионов. Представлена модель формирования региональной социальной политики, и приводятся показатели индекса регионального человеческого потенциала (на примере Поволжского федерального округа) в качестве критерия, отражающего неравенство социально-экономического развития регионов.

Ключевые слова: социальный капитал, регион, социально-экономическая дифференциация, социальная политика.

Abstract. The article analyses the concept «social capital». The authors consider the factors of social capital formation in conditions of the social-economical difference of the Russian regions. The article presents a model of regional social policy and the indexes of regional human potential (on the example of the Volga Region federal Districts), as a criterion reflecting the inequality of social development of the regions.

Key words: social capital, region, social policy, social-economical difference.

В настоящее время особую актуальность приобретает исследование роли внеэкономического капитала (человеческого, социального, культурного, символического) в процессе развития регионального социума. Воспроизводство регионального социума имеет свою стратифицированную структуру. Критерием развития регионального социума является возможность конвертации внеэкономического, в том числе политического, капитала, выражающегося в доступе к собственности и к власти, в культурный и социальный капиталы.

По мнению ряда исследователей, социальный капитал – это интегральная характеристика, включающая в себя материальные (земля, дома, деньги) и символические ресурсы (образование, членство в организациях, почетные знаки, титулы, репутация и другие нематериальные активы). Все эти ресурсы принадлежат отдельному человеку, сети людей или ассоциациям. Такая универсализация понятия «социальный капитал» уступает место более специализированным трактовкам социального капитала путем введения понятий натурального, человеческого, культурного и символического капитала [1, с. 25–26].

Элементами социального капитала выступают:

- 1) социальные связи и пути, по которым они создаются;
- 2) доверие, обеспечивающее действие членов общества как единого целого с достижением синергетического эффекта;
- 3) нормативы и правила, укрепляющие доверие;
- 4) институты, обеспечивающие функционирование общества.

А. В. Бузгалин называет «ряд устойчиво повторяющихся феноменов, которые разные группы зарубежных авторов относят к социальному капиталу». Это:

– доверие и связанные с ним феномены знакомства, признания, толерантности;

– социальные связи, контакты разного рода (семьи, религиозные группы, сообщества по национальному признаку, сети выпускников);

– социальные структуры (от элитных и закрытых бизнес-клубов до добровольных организаций и структур гражданского общества) [2, с. 148].

На основе анализа понятий социального капитала, принятых в зарубежной научной литературе, А. В. Бузгалин делает вывод о том, что социальным капиталом можно называть только те социальные взаимодействия, которые прямо или косвенно результируются в росте рыночного эффекта, в первую очередь в приросте денег, капитала [2, с. 150].

На наш взгляд, эта формулировка наиболее подходит к социологическому анализу социального капитала.

В отечественной социологии социальный капитал понимается как включенность в норму отношений, обеспечивающих доступ к ресурсам других акторов (или более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью), что способствует наращиванию совокупного капитала и углублению неравенства в обществе [3, с. 24–35].

В результате анализа данных понятий представляется возможным дать определение социального капитала как одной из разновидностей внеэкономического: это накапливаемый ценностный и институциональный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания ценностей, общественных связей, доверия, развития личности и культуры путем взаимной конвертации (преобразования) своих разнообразных форм, включая и экономические, которым отводится определенное место, подчиненное другим формам капитала.

Новые определения появились в последнее время. Л. С. Жгун считает, что социальный капитал – это одно из базисных понятий концепции института социально-педагогического образования как фактора развития региона. В общесоциальном плане оно обозначает конкретный ресурс, одно из институциональных преимуществ территории. Основой социального капитала является капитал человеческий, который Л. С. Жгун рассматривает как совокупность человеческих способностей, дающих возможность их носителю получать доход. Человеческий капитал является главным продуктом системы социально-педагогического образования на территориальном уровне и выражается в имеющемся и приобретаемом каждым участником образовательного процесса запасе знаний, навыков, мотиваций, профессиональных компетенций [4, с. 158].

Л. И. Полищук (кандидат экономических наук, заведующий лабораторией прикладного анализа институтов и социального капитала, Фонд «Либеральная миссия») говорит о том, что под социальным капиталом следует понимать способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям [5]. Социальный капитал опирается на доверие, разделяемые в обществе нормы и ценности, а также на социальные сети различного рода. Социальный капитал оказывает значительное воздействие на качество общественных услуг – образования, здравоохранения, на психическое и физическое здоровье населения, общественную безопасность, качество жизни и не в последнюю очередь – на качество институтов и государственного управления.

Эти определения имеют социологический смысл, поскольку приводят к предположению о том, что перечисленные показатели социального капитала должны отражать социально-экономическую дифференциацию, неизбежно связанную с развитием больших социальных групп, общностей, к которым относится и региональный социум.

Также Л. И. Полищук высказывает сомнения в количестве и качестве социального капитала, которые обоснованы следующим:

– для современного российского общества характерен низкий уровень доверия и способности к самоорганизации, что скорее всего связано с политической историей. Исследования социологов и политологов показывают, что социальный капитал современного типа хорошо и эффективно накапливается в странах, где был достаточно длительный период демократического развития. В России такой истории нет, и это объясняет недостаток социального капитала. Кроме того, как показывают данные (в том числе исследования Фонда «Либеральная миссия»), за годы реформ произошло значительное разрушение доверия и социальных норм;

– в России существует несколько необычная, хотя и в известной мере стандартная, взаимосвязь между социальным капиталом, гражданским обществом и государством. Слабое гражданское общество не способно самостоятельно решать сложные общественные проблемы и требует (как альтернативу) государственного участия в решении таких проблем. Таким образом, чем меньше в обществе социального капитала, тем больше там государственного присутствия. Но при этом государство неэффективно, именно в силу недостатка и слабости социального капитала и, в частности, потому, что такого рода общества не способны дисциплинировать государство, призвать к ответу, к подотчетности. То есть государство – очень несовершенная альтернатива социальному капиталу [5].

Говоря о наличии того или иного количества социальных ресурсов у представителей разных слоев населения, следует упомянуть результаты представительного опроса, проведенного в 2006 г. под руководством отечественного социолога О. И. Шкаратана [6, с. 164]. Данный опрос наиболее полно раскрывает фактор социального капитала в социально-экономическом неравенстве респондентов в зависимости от уровня их благосостояния, образования, властных полномочий и других статусных характеристик. Авторы исследования, задавая вопрос «Смогли бы Вы решить следующие проблемы с помощью родственников или друзей?», вводят следующие переменные: финансы и быт, занятость, здоровье, образование, суд, жилье. Каждая переменная представляет собой социальный ресурс. Как показало исследование, социальный капитал полностью отсутствует у 14,3 % населения; у 47,7 % россиян есть только один социальный ресурс; у 19,2 % – два ресурса; у 9,6 % – три ресурса; у 5,2 % – четыре ресурса; у 2,5 % – пять ресурсов, и лишь 1,5 % россиян обладают всеми шестью социальными ресурсами [6, с. 165].

Можно согласиться с точкой зрения Л. И. Полищука о том, что, говоря о социальном капитале и социально-экономическом неравенстве, нельзя выявить прямую взаимозависимость. Но все же обладание развитым и полноценным социальным капиталом напрямую связано с глубиной социальной дифференциации российского социума и закреплением социальных неравенств [5]. Сравнивая статистические данные, можно заметить, что это прослеживается через социально-экономическую дифференциацию регионов.

Критерии развития, относящиеся к показателям результативности социальной политики, проявляются в изменении интегральной характеристики – индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). На примере регионов – субъектов РФ, входящих в Поволжский федеральный округ (ПФО), можно заметить колебания значений ИРЧП за 2000–2010 гг. (табл. 1). Как известно, основными показателями для ИРЧП являются: валовой внутренний продукт, индекс дохода, общая продолжительность жизни (индекс долголетия), грамотность, доля учащихся в возрасте от 7 до 24 лет (индекс образования). Эти показатели характеризуют, с одной стороны, социальный статус регионов в структуре субъектов РФ, с другой – результативность социальной политики в регионе, основным содержанием которой является управление социальными процессами и социальным развитием региона.

Таблица 1

Изменение значений ИРЧП по регионам ПФО

Субъекты РФ	2000 г.		2006 г.		2008 г.		2010 г.	
	ИРЧП	Место в РФ	ИРЧП	Место в РФ	ИРЧП	Место в РФ	ИРЧП	Место в РФ
РФ	0,763		0,805		0,825		0,805	
Татарстан	0,804	3	0,834	4	0,848	4	0,834	4
Самарская область	0,766	11	0,803	10	0,817	8	0,803	10
Башкортостан			0,805	9	0,815	14		
Удмуртия			0,791	19	0,805	25		
Нижегородская область			0,784	26	0,801	28		
Оренбургская область			0,797	16	0,813	18		
Пермский край			0,790	20	0,802	26		
Саратовская область			0,777	34	0,801	27		
Ульяновская область	0,744	34	0,769	44	0,786	46	0,769	44
Чувашия	0,736	45	0,780	33	0,797	36	0,78	33
Пензенская область			0,767	45	0,786	45		
Республика Мордовия			0,773	37	0,794	38		
Кировская область			0,752	64	0,769	69		
Марий Эл			0,749	67				

Источники: Социальный атлас российских регионов. – М., 2011. – С. 34 ; URL: <http://stat.edu.ru/scr/>; Электронный ресурс. – Режим доступа: atlas.socpol.ru/indexes/index.shtml; nhdr2010/Nationa_Human_Development_Report_in-the_RF_2010-RUS-pds.

Средством регулирования социальных отношений в условиях социально-экономической дифференциации регионов можно назвать правильный подбор направлений социальной политики в регионах. Социальная политика –

это взаимоотношения социальных групп по поводу сохранения и изменения социального положения населения в целом и составляющих его классов, слоев, социальных, социально-демографических, социально-профессиональных групп, социальных общностей (семьи, народы, население) города, поселка, региона [7, с. 21–22]. На наш взгляд, данное определение наиболее точно отвечает социологическому содержанию социальной политики и связывает его с содержанием социального капитала. В табл. 2 представлены основные компоненты формирования региональной социальной политики, т.е. социальной политики с учетом условий социально-экономического развития региона.

Таблица 2

Модель формирования социального капитала

Содержание основных понятий Региональная социальная политика – это комплекс мер федеральных органов, направленных на социальное развитие регионов [7, с. 137]
Сущность Социальная политика как социальный институт. Социальные институты – это элементы социальной структуры общества, представляющие собой относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества [7, с. 52]
Принципы Гуманизм, системность, преемственность, согласованность, открытость, социальное партнерство, социальная ответственность, социальная справедливость, контроль
Задачи региональной социальной политики в России Создание условий для обеспечения роста благосостояния и повышения уровня жизни людей; содействие повышению уровня занятости населения; обеспечение социальной защиты разных групп населения; формирование региональных социально-инфраструктурных комплексов; создание системы социального мониторинга для отслеживания процесса реализации социальных программ
Федеральные целевые программы – всего 41 (на ноябрь 2010 г. [8])
Условия социально-экономического развития региона: – место и роль региона в системе экономических отношений; – социально-демографическая ситуация в регионе; – трудовые ресурсы и занятость населения; – развитие системы образования; – развитие информационной инфраструктуры
Основные направления регулирования социальных процессов в регионе: – бюджетные и налоговые основы социальной политики; – политика в области повышения денежных доходов и уровня жизни населения; – политика в сфере занятости и функционирования рынка труда; – политика по развитию отраслей социальной инфраструктуры
Критерии эффективности социальной политики: – воспроизводство населения и его отдельных групп; – уровни социальной напряженности; – уровни жизни населения и его отдельных групп; – затраты на социальные отрасли; – гражданское самочувствие

Разработка и реализация целевых программ социально-экономического развития региона, с учетом специфики региона и особенностей формирования среды обитания регионального социума, представляют эффективный механизм формирования внеэкономического (в данном случае – социального) капитала на уровне региона. Основными факторами при этом являются:

– создание доверия населения к реализации таких программ в русле социальной политики;

– привлечение населения региона (особенно в сельской местности) для реализации программ и создание для этого соответствующих материальных возможностей;

– создание положительного отношения к социальным действиям по совместному участию в реализации программ для представителей разных социальных слоев.

За последние годы определились направления развития социального капитала, которые сочетают усиление социальных взаимодействий слоев, имеющих доступ к экономическому капиталу, с попытками обеспечения приоритетов социальной политики, обеспечивающих социальную стабильность, при начинающемся участии представителей других социальных слоев в этом взаимодействии. Это, во-первых, создание и использование ресурсного потенциала региональных групп интересов. Административно-политические ресурсы региональных групп интересов могут выступать в формальном виде в формате организационной структуры и в виде неформального теневого влияния на органы государственной власти регионального и муниципального уровня для оказания влияния на принятие управленческих решений. Довольно большим объемом административно-организационного ресурса, например, обладают региональные группы бизнес-интересов Саратовской области. Они имеют развитое формальное представительство и эффективное неформальное влияние, успешно взаимодействуют со структурами исполнительной власти, входят в состав представительных органов, выстраивают партнерские отношения с партией «Единая Россия». Этнические и гражданские инициативные группы ограничены формальными рамками представительства в консультативных общественных органах и не обладают реальными рычагами влияния на власть. Профсоюзы в силу сложившихся общественно-политических традиций обладают мощной организационной структурой, которая обеспечивает им институциональную базу влияния на органы управления [9, с. 52–53].

Во-вторых, это имеющие определенное политическое значение форумы «Актуальные вопросы социальной политики России». Последний из них состоялся 29 сентября 2010 г. и был организован Общественной палатой совместно с Министерством здравоохранения и социального развития РФ. Заместители глав субъектов федерации из 54 регионов страны, курирующие социальный сектор, и представители общественных организаций собрались, чтобы обсудить наиболее острые проблемы социальной политики России: возможности отказа государства от монополии в социальной сфере в пользу неправительственных организаций, механизмы общественного контроля над социальными учреждениями, преодоление расслоения регионов по качеству исполнения социальных гарантий государства и др. [10]. Как было отмечено на данном форуме, возможность реализации своих конституционных прав является базовой задачей для выстраивания социальной политики.

Формирование социального капитала при активном социальном взаимодействии различных социальных слоев и групп является не только фактором социального развития и социальной стабильности региона, но и предпосылкой для развития настоящего гражданского общества в стране.

Список литературы

1. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 4. – С. 25–26.
2. **Бузгалин, А. В.** Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма или гексоген в его основании? / А. В. Бузгалин // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 3. – С. 147–161.
3. **Тихонова, Н. Е.** Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 4. – С. 24–35.
4. **Жгун, Л. С.** Социальный капитал в региональном педагогическом образовании / Л. С. Жгун // *Социально-гуманитарные знания*. – 2008. – № 6. – С. 158–165.
5. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265>
6. **Красилова, А. Н.** Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе / А. Н. Красилова // *Мир России*. – 2007. – Т. XVI, № 4. – С. 160–180.
7. *Социальная политика* / под общ. ред. Н. А. Волгина. – 3-е изд. – М. : Экзамен, 2006. – 734 с.
8. Перечень государственных программ РФ : утв. Распоряжением Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р.
9. **Чернов, Е. А.** Ресурсный потенциал региональных групп интересов: основные тенденции формирования и использования / Е. А. Чернов // *Регионология*. – 2011. – № 3. – С. 49–51.
10. Аргументы и факты online. – URL: <http://www.aif.ru/onlineconf/5221>.

Найденова Людмила Ивановна

доктор социологических наук, профессор,
кафедра психологии и педагогики,
Пензенская государственная
технологическая академия

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Naydenova Lyudmila Ivanovna

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of psychology
and pedagogy, Penza State
Technological Academy

Романовский Георгий Борисович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права,
Пензенский государственный
университет

E-mail: ufdec@pnzgu.ru

Romanovsky Georgy Borisovich

Doctor of juridical sciences, professor,
head of sub-department of criminal law,
Penza State University

УДК 316.34

Найденова, Л. И.

Формирование социального капитала в условиях социально-экономической дифференциации российских регионов / Л. И. Найденова, Г. Б. Романовский // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 1 (21). – С. 136–142.

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь региональной идентичности и уровня социально-экономического развития региона, представлена типология регионов, проводится анализ факторов социального моделирования регионов.

Ключевые слова: социальное моделирование, классификация регионов, человеческие и природные ресурсы региона.

Abstract. The article considers the interrelation of regional identity and the level of social and economic development of the region. The author introduces the typology of regions and analyses the factors of social modeling of regions.

Key words: social modeling, classification of regions, manpower and natural resources of the region.

Социальное моделирование регионов представляет, по сути, проектно-исследовательскую деятельность, требующую соответствующих теоретико-методологических оснований и методико-инструментального, процедурно-технологического аппарата. В данном случае его можно определить как метод (совокупность методов) разработки и обоснования моделей в виде образцов-аналогов, идентифицирующих реальные объекты – прототипы локализованного социального пространства (явления и процессы) в ретроспективном, актуальном (современном) и перспективном (прогностическом, в том числе поисковом и нормативном) аспектах.

Социально-пространственная идентичность в социологическом плане, на наш взгляд, прямо связана с социальным моделированием, чему есть ряд оснований.

Во-первых, формирование региональной идентичности и социальное моделирование регионов имеют единый генезис и целевую направленность – установленные тождества (сходства) какого-то качественно определенного образца (лат. *modulus* – мера, образец) некоему социально-пространственному прототипу (объекту, процессу, явлению) регионального плана.

Во-вторых, и формирование региональной идентичности, и социальное моделирование регионов предполагают опознание принадлежности к данному локализованному социальному пространству через социальное представление типичного или конкретного региона, мысленный или условный образ, аналогичный ему.

В-третьих, формирование региональной идентичности и социальное моделирование регионов имеют общую структуру социальных субъектов (акторов, агентов), имеющих определенные позиции и диспозиции, в соответствии с которыми они организуют и преобразуют региональное пространство. Этот габитус является одновременно и идентичностью, и социальной моделью регионального сообщества (субсоциума).

При этом в процессе формирования идентичности, особенно в социально-психологическом плане, акцентируются моменты эмоционально-когни-

тивного, часто неосознаваемого отождествления субъекта с другими субъектами, группами, образцами и т.д. В моделировании, по определению, происходит как раз осознаваемое отождествление, выражающееся в целенаправленном создании определенного аналога прототипа (объекта, процесса или явления), воспроизводящего в символической форме его характерные черты.

Формирование региональной идентичности носит в известной мере спонтанный, самоорганизующий характер. Социальное моделирование формализует идентичность, придавая ей качественную определенность и, как правило, структурированность. Посредством моделирования может выявляться и устанавливаться амбивалентность и подвижность региональной идентичности.

Идентичность выступает как объект и результат моделирования в структурно-функциональном (структурно-факторном) и динамическом видах и через него может верифицироваться в качестве адекватных моделей.

Категории социальной реальности и социальной субъектности конгруэнтно накладываются на локализованное социальное пространство (поле) в концепции «социального становления» («формирования социальности») П. Штомпки.

Согласно теории П. Штомпки, социальная реальность есть конечный конструкт социальной жизни. Реальной социальностью, по его мнению, является ее «индивидуально-структурное социальное поле». Именно на индивидуально-структурном социальном поле происходит локальная (региональная) идентификация, дающая возможность конструирования (моделирования) региональной идентичности, поскольку здесь происходит первичное непосредственное включение конкретного социального субъекта (актора) в структуру всего комплекса социальных взаимодействий (от межличностных до субсоциетальных, а через них – и социетальных), поскольку регион является трансформационным механизмом, преобразующим индивидуально-структурные отношения межличностного порядка в общесоциетальные, что может непосредственно наблюдаться и фиксироваться в качестве социологического факта. «С одной стороны, – пишет Штомпка, – каждое эмпирически фиксируемое общественное явление, каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом индивидуального и структурного фактора, а с другой – каждое эмпирически фиксируемое явление, каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом исторической деятельности и неустанной изменчивости, он одновременно продолжается и изменяется» [1, с. 550].

Деятельность понимается как особого рода «равнодействующая» способностей, навыков, возможностей, знаний, намерений, амбиций, самоотречения членов общества, а также структурных условий, в которых этим членам общества приходится действовать» [1, с. 552].

Для социального моделирования регионов также весьма важен «поиск факторов, действия которых вызывают важные для людей социальные события» [1, с. 554].

А. В. Тихонов отмечает, что выделяемые П. Штомпкой «типы образования субъектности в обществе есть типы социальных механизмов регуляции сложных интегративных и дезинтегративных процессов. Каким бы социально-историческим содержанием эти механизмы не наполнялись, в социологи-

ческом рассмотрении они представляют собой становление универсальных структур регулятивных связей и отношений» [2].

Адаптируя эту универсальную схему к современному российскому обществу, М. К. Горшков особо выделяет три сферы – социальная стратификация, социальные неравенства, социальная повседневность. Он считает, что качественные характеристики и количественные показатели, с помощью которых можно описать глубину изменений в этих сферах, позволяют сделать важный вывод – к 15-летию реформ российское общество сложилось как новая социальная реальность [3, с. 3].

В этой новой социальной реальности, наряду с позитивными изменениями, выявляются негативные тенденции. О. Н. Яницкий выделяет ряд из них, имеющих прямое отношение к региональной идентичности: «Дезинтеграция и периферизация страны, расчленение транснациональными «потоками» (финансовыми, энергетическими, людскими, всеми видами криминального трафика) идет на фоне продолжающегося истощения ее природного и человеческого потенциала. Возникающие ядра модернизации представляют собой «филиалы» транснациональных корпораций, практически никак не связанные с культурной почвой страны. Дрейф властвующей элиты в сторону потребительского общества на фоне массовой бедности углубляет силы раскола внутри системы: подвижность и экстерриториальность сообществ богатых против иммобильности и привязанности к «месту» бедных. Дееспособное население, которое могло бы удержать огромную территорию страны, продолжает сокращаться, а его качественный состав (здоровье, уровень образования и квалификации) ухудшается. «Хранители» (устоев жизни, межличностных и межпоколенных связей, культурных кодов) все интенсивнее вытесняются временными «посетителями» – искателями легкой добычи» [4, с. 25].

Основной задачей для поступательного развития страны становится выявление факторов и признаков общероссийской и региональной идентичности в целях формирования позитивной региональной идентичности.

Теоретико-методологические позиции исследования региональной идентичности и построение социальных моделей регионов предполагают и соответствующий социологический инструментарий для их реализации, прежде всего выделение различных подходов к типологизации регионов.

Проведенный анализ литературы позволяет выделить более сорока различных типологий регионов, которые так или иначе полезны в плане изучения региональной идентификации [5, с. 107].

Чаще всего в основу классификации регионов кладутся следующие критерии: уровень и темпы экономического развития регионов; тип территориальной структуры хозяйства (узловой и гомогенный регионы); освоенность территории (в том числе через коэффициент плотности населения); демографическая ситуация (в том числе темпы прироста населения); характер производственной специализации и др.

При этом отечественные и зарубежные специалисты различают следующие виды регионов: простые, сложные, узловые, природные, демографические, географические, исторические, административные, экономические, социальные, экологические, экономико-географические, политико-географические, социально-экономические, культурно-географические, депрессивные, отсталые, стагнирующие, пионерные регионы нового освоения, программ-

ные, проектные, проблемные, отсталые, депрессивно-промышленные, периферийные, пограничные.

В зависимости от используемого подхода деления территории различают регионы формальные, функциональные. По отношению к инновационному процессу – инновативные, адаптивные, консервативные.

В проекте «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов РФ» речь идет о приоритетном развитии регионов двух типов: 1) «опорные» – наиболее крупные, экономически развитые регионы РФ; 2) «полюса роста» – динамично развивающиеся средние и небольшие регионы. На основе данного подхода рейтинговое агентство «Эксперт РА» предложило деление российских регионов для целей региональной политики на семь типов: локомотивы, опорные, полюса роста, точки роста, с неопределенными перспективами, проблемные, особого внимания [6].

Процесс внешней (объективной) региональной идентификации можно свести к трем этапам.

1) составление списка интересующих критериев, на основе которых будут выделены регионы, при этом каждый элемент списка должен быть четко охарактеризован во избежание неоднозначности и искажения результатов в зависимости от характеристик исследуемой территории и используемой информации;

2) измерение степени связанности (ассоциации): выяснение имеющихся сочетаний выбранных критериев. Для этого при помощи соответствующих статистических и эконометрических процедур измеряют степень их ассоциации;

3) собственно выделение регионов и их границ на основе полученных данных.

Интересные разработки подходов к социальной идентификации регионов содержатся в исследованиях специалистов по экономической и социальной географии. В частности, в работах С. Н. Бобылева и Н. В. Зубаревич представлены пространственные образы российских регионов, дается комплексный анализ проблем их развития, предлагается статистически обоснованная система показателей и индикаторов [7].

Выбор компонентов в типологии Независимого института социальной политики (НИСП) сделан в соответствии со структурой тематического раздела: оценивается состояние экономики, рынок труда, положение домашних хозяйств, особенности расселения, миграционная и социально-демографическая ситуация. В типологию не включались социально-инфраструктурные показатели, поскольку они, по мнению авторов, как правило, являются производными от перечисленных выше компонентов [8].

Типология, предложенная НИСП, строится иерархически, с выделением следующих базовых дифференцирующих признаков:

1) уровень экономического развития региона и экономическое положение домохозяйств – главный дифференцирующий признак в переходной России, причем его индикаторы (душевой ВРП, отношение денежных доходов к прожиточному минимуму и уровень бедности) рассматривались как триединый компонент, чтобы оценить совокупно производство дохода, его потребление и неравенство по доходу;

2) освоенность территории, оцениваемая через плотность населения, которая отражает степень благоприятности климата, тип хозяйственного ис-

пользования, обеспеченность инфраструктурой и многое другое. Для огромной и разнообразной территории России учет территориального фактора чрезвычайно значим.

Типология строится в системе координат, позволяющей выделить четыре «крайние точки», которыми являются субъекты РФ: 1) «богатые» и освоенные; 2) «богатые» и слабоосвоенные; 3) «бедные» и освоенные; 4) «бедные» и слабоосвоенные (табл. 1) [8].

Таблица 1

Типология регионов на базе дифференцирующих признаков (цифрами обозначено число регионов в подтипе)

Уровень экономического развития региона	Освоенность региона	
	Более высокая	Низкая
1. Лидеры	Федеральная столица – 1	«Богатые» нефтегазодобывающие округа – 2
2. Относительно развитые или опережающие по доходу	Более развитые регионы освоенной зоны – 11	Ресурсные регионы слабоосвоенной зоны с более высокими доходами – 10
3. «Середина»	Освоенная зона – 35 В том числе: более урбанизированные регионы Центра, Северо-Запада, Поволжья; более аграрные регионы Черноземья и Юга; переходная зона юга Поволжья, Урала и Сибири	Слабоосвоенная зона Сибири и Дальнего Востока, регионы Европейского Севера – 13
4. Аутсайдеры	Депрессивные области и наиболее бедные республики – 8	Наиболее бедные республики и автономные округа востока страны – 8

При этом под «ресурсным» разрезом понимается уровень наличия в регионе различного рода ресурсов (человеческих, природных, промышленных) и под «освоенностью» – степень социального развития региона (различные виды инфраструктуры, включая социальную), равномерность и плотность заселения. Несомненно, что различные сочетания «ресурсности» и «освоенности» региона будут влиять на формирование совершенно определенного качества жизни в регионе и в конечном итоге на региональную идентичность.

В рамках изучения структурных характеристик региональной идентичности, на наш взгляд, интерес представляют внутренние субъективные ее аспекты, отражающие палитру чувств принадлежности членов регионального сообщества к своему социально-территориальному пространству, оценку ими динамики и направленности процессов регионального развития. В этом контексте исследование региональной идентичности дает необходимый материал для осмысления ее роли в социальном развитии региона, а также факторов ее формирования и конструирования.

В качестве основных источников для получения первичной информации, наряду с социологической интерпретацией статистики, в исследовании были использованы материалы экспертных оценок, массовых опросов и др., так как сопоставление материалов, полученных из различных источников, в социологической интерпретации дает возможность выявлять региональную идентичность и факторы, влияющие на ее формирование.

На основе проведенного теоретико-методологического анализа идентификации как процесса формирования региональной идентичности, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, с позиций социологического анализа региональная идентичность представляет собой осознание своей принадлежности к региональному социуму. Она является результатом когнитивного, ценностного, эмоционального процесса самоотождествления индивида с региональным сообществом. *Когнитивный* компонент региональной идентичности включает знание о данном региональном сообществе, формируемое на базе представлений об идентифицирующих признаках данного объединения (территориально-географических, исторических, культурных, социально-экономических, политических); знания о характере взаимоотношений жителя региона и государства, а также жителей регионального социума между собой. *Ценностный* компонент означает наличие позитивного или негативного отношения к факту региональной принадлежности. *Эмоциональный* компонент проявляется как результат действия двух первых компонентов и выражается в принятии или непринятии регионального сообщества в качестве группы членства (региональный патриотизм, чувство приверженности к региональному сообществу, признание его значимой ценностью).

В структуру региональной идентичности необходимо включение *деятельностного* компонента, понимаемого как опирающийся на знания о регионе и эмоционально-ценностное его восприятие определенный тип поведения субъекта регионального сообщества.

Во-вторых, региональная идентичность в значительной степени определяется набором объективных характеристик региона (исторических, политических, экономических, культурных и т.д.), которые влияют на отношение жителей к своему региону. Исходя из этого, региональная идентичность представляет собой субъективный социокультурный феномен, основанный на объективно существующих признаках данной общности. Необходимым условием становления устойчивой, позитивной региональной идентичности, преодоления негативных последствий «кризиса идентичности» является воспроизводство и распространение позитивных социокультурных образцов в рамках социокультурного пространства региона, консолидирующих социально-территориальную общность путем выработки и распространения в рамках регионального пространства императивов, служащих его объединению и развитию.

В-третьих, в качестве основных факторов формирования региональной идентичности мы предлагаем выделить следующие: генезис и основания регионообразования (исторические, политико-управленческие, социально-экономические, национально-этнические, культурные; физико-географические и др.); качество жизни; ментальность регионального социума; человеческий потенциал региона; вектор развития (включая направление и динамику развития): инновационное, модернизационное, стагнирующее, деградационное.

С точки зрения социологического анализа, по нашему мнению, наибольший интерес представляют такие факторы, как человеческий потенциал и качество жизни регионального социума, от которых в свою очередь во многом зависит направленность и характер регионального развития. На наш взгляд, данные факторы подвержены изменениям, поддаются оценке (субъективной и объективной) и оказывают заметное влияние на формирование региональной идентичности.

Список литературы

1. **Штомпка, П.** Социология : учеб. / П. Штомпка ; пер. с польск. – М. : Логос, 2005.
2. **Тихонов, А. В.** Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутринаучной рефлексии в отечественной социологии / А. В. Тихонов // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 6. – М. : Ин-т социологии РАН, 2007. – С. 62–63.
3. **Горшков, М. К.** Российское общество как новая социальная реальность / М. К. Горшков // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 6. – М. : Ин-т социологии РАН, 2007.
4. **Яницкий, О. Н.** Будущее России: прогностический потенциал социологии / О. Н. Яницкий // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 6. – М. : Ин-т социологии РАН, 2007.
5. Типология российских регионов / Б. Бутс и др. – М. : ИЭПП, 2002.
6. Региональная политика государства: содержание и реализация. – URL: http://www.raexpert.ru/conference/2005/reg_policy/
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2010 год / под общ. ред. С. Н. Бобылева. – М. : ООО «Дизайн-проект «Самолет», 2010.
8. Социальный атлас российских регионов. – URL: <http://www.socpol.ru/atlas/typology/>

Супиков Вадим Николаевич

доктор социологических наук,
профессор, кафедра государственного
управления и социологии региона,
Пензенский государственный
университет

E-mail: v.supikov@mail.ru

Supikov Vadim Nikolaevich

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of public administration
and regional sociology, Penza
State University

УДК 316.334.2

Супиков, В. Н.

Моделирование социально-экономического развития регионов /
В. Н. Супиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 143–149.

УДК 338.4

С. М. Васин, Л. И. Крутова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА¹

Аннотация. Показана природа предтрансформационных изменений в промышленности Приволжского федерального округа. Представлены результаты статистического анализа, охватившего период с начала XX в. по 1990-е гг. Особенности развития промышленности в сравнении изображены на примерах ряда областей ПФО, в том числе Пензенской области. Особое внимание уделено сопоставлению промышленного производства товаров народного потребления и средств производства. Выделены важнейшие факторы, ставшие причиной начала трансформации общества.

Ключевые слова: трансформация, промышленность, регион.

Abstract. The article shows the nature of pre-transformation changes in the industry of Privolzhsky federal district. The authors introduce the results of the statistical analysis which has covered the period from the beginning of XX century to 1990s. Features of industry development in comparison are represented by examples of some PFD areas, including the Penza region. Special attention is given to comparison of industrial production of consumer goods and means of production. The also allocates major factors which have become a reason of society transformation commencement.

Key words: transformation, industry, region.

Для более полного понимания природы трансформационных изменений, происходящих в 1990-е гг., кратко остановимся на исторических предпосылках предтрансформационного состояния субъектов Приволжского федерального округа. Поскольку развитие региона будет более эффективным при наилучшем, инновационном использовании имеющегося потенциала, учете сильных сторон и возможностей конкретной территории в разработке стратегических действий, можно предположить, что неисполнение данного тезиса является общей причиной начала трансформационного процесса. Степень соответствия современных экономических тенденций и особенностей функционирования регионов историческим традициям производства может свидетельствовать об упущенных возможностях и недостатках в использовании имеющихся резервов. В основе низкой (или высокой) эффективности использования потенциала территории и прочих факторов производства лежат соответствующие социально-экономические отношения, которые предподре-

¹ Статья опубликована в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Государственный контракт № П431 от 12.05.2010 г.).

деляли и варианты размещения производства, и его политику, и результативность контактов производителя и потребителя, и многое другое.

Одним из важнейших факторов, характеризующих значительное снижение уровня и темпов развития большинства регионов Приволжского федерального округа, явилось неадекватное территориальным резервам и потенциалу развитие промышленного производства.

Обратившись к дореволюционным годам, нельзя не отметить, что бывшие Пензенская, Симбирская, Самарская и Оренбургская губернии до революции были аграрными. Пензенская губерния входила в потребляющую полосу, Самарская – в производящую по зерну, а Оренбургская – в производящую по животноводству. В 1913 г. валовая продукция цензовой промышленности этих четырех губерний в совокупности составляла всего лишь 10,6 %, а вместе с кустарной промышленностью – 16 % от всей валовой продукции (84 % падали на сельское хозяйство) [1, с. 7–11]. Поэтому в экономических характеристиках каждого района, после перечисления государственных промышленных предприятий, почти везде указано: «построены при советской власти», «построены в первой пятилетке», «построены во второй пятилетке». А если то или иное предприятие реконструировано, то эта реконструкция означает обычно постройку нового предприятия на месте старого. Сопоставление промышленного развития ряда субъектов рассматриваемого округа по состоянию на 1885 г. представлено в табл. 1.

Однако необходимо отметить, несмотря на слабое развитие промышленности в целом, те отрасли, которые присутствовали в регионах, характеризовались сравнительно высокой производительностью труда по сравнению с общероссийским показателем. Это свидетельствует об эффективности функционирования той небольшой доли промышленности, которая выпадала на упомянутые регионы сегодняшнего Приволжского федерального округа. Как следствие, вызывает интерес характер имеющейся промышленности. В то время из-за отсутствия развитой транспортной сети отдельные территории вынуждены были производить лишь ту продукцию, которая обеспечивалась имеющимся ресурсным запасом. Данные производства, как правило, были небольшими (о чем свидетельствует низкая производительность предприятий по сравнению со средней производительностью хозяйствующих субъектов России в целом) и достаточно гибкими в условиях конкурентной среды.

За период социализма страна получила чрезвычайный разброс производства по значительной территории государства, что сформировало жесткую зависимость предприятий от результатов производства каждого предыдущего и последующего звена в едином народнохозяйственном комплексе. Выпадение любой производственной ячейки должно было нарушить весь процесс производства. Вместе с тем организация производственных предприятий нередко была совершенно не связана с имеющимся ресурсным потенциалом региона.

Следует отметить, что разработанные более 100 лет назад месторождения собственных ресурсов до настоящего времени в некоторых случаях определяют специализацию региона и в этой специализации (наиболее адекватной по принципам размещения производства) делают его лидером. То есть существование и использование своего ресурсного потенциала, особенно при значительных межтерриториальных расстояниях, дает значительные преимуще-

ства независимо от уровня развития общества. Однако, несколько забегая вперед, отметим, что переориентация ряда регионов в направлении удовлетворения государственных интересов определила их специализацию по иному принципу, который привел субъекты к значительной зависимости от гармоничности функционирования целостной общегосударственной системы и к серьезной уязвимости конкретной территории при нарушении межрегиональных отношений. Подобные ситуации свидетельствуют в пользу поиска и рационального использования близко расположенных ресурсов с наименьшей сетью промежуточных предприятий, что снижает соответствующую зависимость.

Таблица 1
Развитие промышленного производства субъектов ПФО в 1885 г.¹

	Сумма производства, тыс. руб. (% от общероссийского уровня)	Производительность труда, тыс. руб./чел.	Средняя производительность по предприятиям, тыс. руб.
Российская империя	864 736 (100)	1,40	50,82
Казанская	13 512 (1,56)	1,85	78,10
Нижегородская	12 015 (1,4)	1,78	44,67
Оренбургская	4684 (0,5)	2,84	21,49
Пензенская	3082 (0,4)	0,77	48,92
Пермская	18 708 (2,2)	1,49	18,69
Самарская	8598 (1)	2,02	33,98
Саратовская	15 837 (1,8)	1,77	23,78
Симбирская	8841 (1,02)	1,12	14,33

Исторически анализируя отраслевую структуру регионов, отметим невысокую специализацию субъектов Российской империи того времени, вошедших сегодня в ПФО: все производили в общих чертах одну и ту же промышленную продукцию. Различия главным образом заключались в объеме промышленного производства. При этом в шести из восьми представленных губерний функционировало машиностроение и металлообработка. Подчеркнем, что машиностроительная отрасль была представлена в большинстве субъектов чрезвычайно слабо по уже обоснованным причинам. Мы целенаправленно акцентируем внимание на этом факторе, поскольку (как будет видно в дальнейшем) в годы Советской власти практически во всех регионах будут построены крупные машиностроительные предприятия, производящие средства производства, которые фактически станут основными градообразующими, а далее, в период трансформации, обрекут некоторые регионы на нищенское существование и слабые перспективы развития.

Отметим, что до 1926 г. не было значительных капиталовложений в промышленность края. Восстановительная стоимость основных фондов про-

¹ Рассчитано по: Сводь данныхъ фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1885–1887 годы / Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. – СПб. : Типографія В. Киришбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ., 1889. – С. V–X, 11–12, 22–28, 31, 33–35.

мышленности в 1925–1926 гг. выражалась в сумме 114,5 млн руб. За 1925–1926 гг. основные фонды промышленности имели прирост в сумме всего лишь 13 млн руб. Тем не менее за годы первой пятилетки капиталовложения в промышленность края выразились в сумме 220 млн руб. [1, с. 12]. Проведя параллель с динамикой социально-экономических моделей, отметим, что в этот период работала модель, характеризующая отношениями военного коммунизма. Цели этой модели заключались в установлении новой формы собственности и, соответственно, утверждении новых собственников, все остальное имело меньшее значение.

В период нэпа существенных изменений в структуре производства не произошло по причине недолгого существования новых экономических отношений, иначе создание общегосударственной производственной системы могло пойти по другому пути с помощью иного механизма, однако процесс остановился лишь на создании малых сельхозпроизводственных предприятий. В связи со сворачиванием новой экономической политики и замыканием практически всех социально-экономических отношений на интересах государства (а точнее – на интересах правящей верхушки) политика разработки, создания и размещения предприятий, распределения продукции, воспроизводства фондов утвердилась на идее формирования единого, многозвенного производственного комплекса.

В послевоенные годы происходят кардинальные изменения в структуре промышленности. Это связано с появлением заинтересованности в военной защите, цель которой – сохранение социалистической системы социально-экономических отношений с единой государственной собственностью и правом партийной элиты управлять этой собственностью. Кроме того, стали организовываться предприятия по производству материалоемкой продукции, представляющие собой производственные комплексы с размещением их элементов в разных регионах.

При этом нельзя не отметить наличие еще в плане ГОЭЛРО такого справедливого требования, как необходимость «культивирования в пределах районов тех видов производства, которые могут быть там развиты с наименьшими издержками как по природным, так и по специальным условиям» [2]. Вместе с тем специфика развития государства, особенно в послевоенные годы, отражала совсем иную политику, основанную на достижении достаточно узких общегосударственных целей и слабо учитывающую рациональность использования имеющегося потенциала конкретных территорий.

Проанализируем структуру и темпы прироста производства двух производственных групп – производства средств производства (продукции группы «А») и предметов потребления (продукции группы «Б»), характерных для предтрансформационного периода (табл. 2).

Как показано в табл. 2, согласно удельному весу типов производств, в стране со значительным преимуществом (в три раза) производили средства производства. Сглаживание пропорций отмечалось лишь в 1988 г. Однако положительные тенденции в удовлетворении потребителей продуктами конечного производства начались слишком поздно. Времени на повышение качества продукции конечного потребления фактически не было, поэтому при открытии границ для иностранных аналогов нашей продукции отечественное производство в своей основе оказалось на грани банкротства.

Таблица 2

Удельный вес производства средств производства (продукция группы «А») и производства предметов потребления (продукция группы «Б») в общем объеме промышленного производства, % [3, с. 32]

	1980 г.		1985 г.		1987 г.		1988 г.	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
РСФСР	76,0	24,0	76,3	23,7	77,3	22,7	76,8	23,2
Пензенская область	68,8	31,2	70,2	29,8	71,1	28,9	71,1	28,9
Ульяновская область	74,1	25,9	72,5	27,5	74,1	25,9	74,2	25,8
Саратовская область	77,5	22,5	76,6	23,4	77,0	23,0	76,9	23,1
Куйбышевская область	70,7	29,3	71,2	28,8	69,7	30,3	68,7	31,3

Анализ данных табл. 3 показывает, что в целом по России приоритетность выпуска типов продукции постепенно изменялась: от средств производства в X пятилетке к предметам потребления в первые годы перестройки (1986–1988 гг.). Данная динамика в производительных силах наблюдалась в связи с попыткой изменения социально-экономических отношений в период перестройки. По рассматриваемым областям наблюдаются расхождения: например, соотношение темпов прироста производства в Пензенской области лишь в последнем периоде изменилось в пользу производства предметов потребления, ранее же темпы прироста производства товаров группы «А» значительно преобладали.

Таблица 3

Темпы прироста производства продукции группы «А» и продукции группы «Б», % к предыдущему периоду [3, с. 32]

	1976–1980 гг.		1981–1985 гг.		1986–1988 гг.	
	А	Б	А	Б	А	Б
РСФСР	4,5	3,2	3,4	3,4	3,9	4,2
Пензенская область	6,0	4,4	4,7	1,8	4,9	6,3
Ульяновская область	4,0	4,1	4,3	4,9	6,8	4,4
Саратовская область	4,0	2,8	4,6	3,8	5,5	5,9
Куйбышевская область	4,3	3,1	2,4	3,3	2,0	5,9

В Ульяновской области преобладание товаров группы «А» осталось и в 1988 г. Наиболее кардинальная перестройка совокупного производства наблюдалась в Куйбышевской области: темпы 5,9 % против 2,0 %. Тем не менее удельный вес производства средств производства в общем объеме промышленной продукции и во второй половине 1980-х гг. значительно преобладал над производством предметов потребления.

К определенным выводам приводит и структура выпускаемых товаров народного потребления, сложившаяся в 1988 г. (табл. 4). В доле продовольственных товаров в 1988 г. лучшие показатели из рассматриваемых областей отмечены в Саратовской области, вместе с тем достаточно высокий процент в производстве непродовольственных товаров занимала продукция легкой промышленности. В Ульяновской области также можно отметить достаточный уровень развития легкой промышленности, объем потребления продукции которой на душу населения занимал по России 5-е место.

Таблица 4

Производство продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления на душу населения в 1988 г. (в розничных ценах, без алкогольных напитков, руб.) [3, с. 42]

	Продовольственные товары	Место, занимаемое в РСФСР	Непродовольственные товары	Место, занимаемое в РСФСР	Из них товары легкой промышленности		Место, занимаемое в РСФСР
					руб.	%	
РСФСР	411	–	762	–	317	41,6	–
Куйбышевская область	357	34	2518	2	103	4,1	59
Пензенская область	400	24	737	21	209	28,4	33
Саратовская область	401	22	855	17	521	60,9	9
Ульяновская область	390	25	1153	8	680	59,0	5

Куйбышевская область была примечательна мощным развитием непродовольственного сектора производства, большая доля которого приходилась на автомобилестроение: доля легкой промышленности составляла всего 4,1 % на душу населения (59-е место по РСФСР). Низкое место область занимала и по производству продовольственных товаров.

Ситуация, сложившаяся к этому времени в Пензенской области, наверное, наименее оптимистичная в сравнении с приведенными областями. Занимая 24-е место по России в области производства продовольствия, находилась на 21-м месте по производству непродовольственных товаров, в составе которых лишь 28,4 % приходилось на продукцию легкой промышленности, остальное составляло главным образом производство станков различного назначения. В период трансформационных изменений в отношении конкуренции и данная продукция, и производство в целом оказались неконкурентоспособными. К этому привели, во-первых, отношения монопольной собственности государства, не имевшего стимула для совершенствования изделий, которые вступали в стадию морального износа, во-вторых, изначально заложенные «реальным социализмом» механизмы нерационального распределения производственных предприятий – элементов одного производственного комплекса. Последнее стало играть серьезную роль, когда одним из

главных факторов конкуренции выступил уровень цен. Из-за сложного и высокозатратного производственного комплекса высокая себестоимость не позволяла устанавливать на изделия цену, соответствующую качеству товара и уровню конкурентных цен. Завышенная цена, низкое качество продукции останавливали выбор промышленных потребителей на альтернативных товарах, как правило, импортного производства. Более того, снижение потребления средств производства произошло и по причине низкого качества и неудовлетворительного товарного вида товаров народного потребления, производимого с помощью этих средств. Значительное снижение уровня государственного заказа при несформированных еще отечественных каналах товародвижения сделало абсолютно нерентабельным дальнейшее производство товаров группы «А». Спад спроса на продукцию конечного предприятия в цепочке производственного комплекса повлек за собой банкротство всех звеньев этой цепи.

С другой стороны, спад внутренней потребности в продукции военного назначения из-за преобразования системы социально-экономических отношений повлек за собой разрастание кризиса в сфере военного производства. Таковы последствия удовлетворения интересов власти в условиях социально-экономических отношений в плановой экономике.

Начало 1990-х гг. сопровождалось повсеместным спадом производства. Например, в сводке Пензенского областного управления статистики «О резервах социально-экономического развития Пензенской области» за 1991 г. отражено следующее: «Ситуация в области чрезвычайно сложная. Практически по всем направлениям продолжается спад темпов производства. Объем промышленной продукции в сопоставимых ценах за 11 месяцев текущего года составил 95,9 % к соответствующему периоду 1990 г. Недопоставка продукции по договорным обязательствам составила 133,6 млн руб., производство товаров народного потребления снизилось на 0,3 %» [4, с. 1]. Отмечается, что объем промышленной продукции области в сопоставимых ценах составил 7402,6 млн руб., что ниже на 4,1 % уровня января–ноября предыдущего года, сумма недополученной продукции возросла в четыре раза. Причиной называется слабая организация договорных связей: по состоянию на начало января текущего года договора на поставку продукции потребителям были заключены только на 62,5 %. Вместе с тем отсутствие сырья, отказы поставщиков от заключенных договоров и другие причины приводили к остановкам производств.

Исходя из этих и многих других критических показателей, Пензенское областное управление статистики пыталось назвать резервами то отрицательное сальдо, которое образовалось в результате начала коренных преобразований в экономике, однако восстановить эти резервы прежними методами было уже невозможно. Подобная ситуация фиксировалась практически во всех регионах. Необходим был совершенно новый подход, который, однако, чрезвычайно сложно было реализовать в условиях внезапной мощной конкуренции импорта и запоздалых мер по созданию социальной рыночной экономики. В стране наступил трансформационный период; основной задачей политики правительства было совершить ускоренный переход к рыночной экономике через примитивные методы, отраженные в либерально-монетаристской модели социально-экономической системы.

Список литературы

1. Средняя Волга: социально-экономический справочник / под общ. ред. С. Н. Крылова. – М. ; Самара : Средневожское краевое изд-во, 1934.
2. **Рыбаков, Ф. Ф.** Территориальное устройство России: история, современность, контуры будущего / Ф. Ф. Рыбаков, Ю. С. Новиков // Вестник СПбГУ. Сер. 5. – 2001. – Вып. 1, № 5. – С. 11–12.
3. Основные показатели экономического и социального развития Пензенской области в сравнении с РСФСР и областями Поволжского района в 1970–1988 гг. – Пенза : Госкомстат России, 1989.
4. О резервах социально-экономического развития Пензенской области. – Пенза : Госкомстат РСФСР, 1991.

Васин Сергей Михайлович

доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой менеджмента и экономических теорий, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

E-mail: pspu-met@mail.ru

Vasin Sergey Mikhailovich

Doctor of economic sciences, professor, vice-rector for research, head of sub-department of management and economics, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

Крутова Любовь Ивановна

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет

E-mail: econm@pnzgu.ru

Krutova Lubov Ivanovna

Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics and world economy, Penza State University

УДК 338.4

Васин, С. М.

Исторические предпосылки трансформационных изменений в промышленности региона / С. М. Васин, Л. И. Крутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 150–157.

ВНУТРЕННИЙ МАРКЕТИНГ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Аннотация. Сформулированы особенности образовательных услуг, маркетинга образовательных услуг, выделены группы потребителей образовательных услуг, специфика функционирования рынка образовательных услуг. Для выявления конкурентных позиций проводится анализ внешней и внутренней среды образовательного учреждения. Определена роль внутреннего маркетинга в обеспечении конкурентоспособности образовательных услуг. Исследуются проблемы обеспечения конкурентоспособности высших учебных заведений в современных условиях. Обоснована необходимость использования эффективных инструментов внутреннего маркетинга для создания конкурентных преимуществ высших учебных заведений.

Ключевые слова: образовательные услуги, группы потребителей образовательных услуг, маркетинг образовательных услуг, рынок образовательных услуг, внешняя и внутренняя среда образовательного учреждения, внутренний маркетинг, персонал высшего учебного заведения, современные преобразования в высшем образовании, конкурентоспособность высшего учебного заведения, внутренний маркетинг в высшем учебном заведении.

Abstract. The authors state peculiarities of educational services, educational services marketing and distinguish groups of educational product consumers, specific character of educational services market. In order to determine competitive sides the researchers analyze internal and external domain of an education institution. The article defines the importance of internal marketing in providing competitiveness of educational services. The authors also study the problems of providing competitiveness of education services under present-day conditions. The work proves the necessity of implementing effective tools of internal marketing for creation of competitive advantages of higher education institutions.

Key words: educational services, groups of educational product consumers, educational services marketing, educational services market, internal and external domain of an educational institution, modern reforms in higher education, competitiveness of a higher education institution, internal marketing at a higher education institution.

В современных условиях повышение конкурентоспособности высших учебных заведений становится приоритетной задачей их дальнейшего развития. Справедливо мнение, что качество образования является не только предполагаемым результатом рациональной конфигурации рынка образовательных услуг (ОУ), но и важнейшим мотивом добросовестных участников рынка к повышению собственной конкурентоспособности, содержанием их сознательного профессионального выбора [1, с. 34].

Экономические отношения на рынке образовательных услуг складываются в процессе взаимодействия субъектов данного рынка на этапах оказания и потребления образовательных услуг. Субъектами маркетинга выступают субъекты рынка. Участниками маркетинговых отношений являются образовательные учреждения, потребители (отдельные личности, предприятия и ор-

ганизации), широкие круги посредников (включая службы занятости, биржи труда, органы регистрации, лицензирования и аккредитации образовательных учреждений и др.), а также общественные институты и структуры, причастные к продвижению образовательных услуг на рынке [2, с. 3–31]. Поэтому следует провести детальный анализ факторов, влияющих на поведение участников указанного рынка, выявить характеристики и особенности образовательных услуг, их производства и потребления.

Покупателями образовательных услуг являются разнообразные группы пользователей. С целью более детального изучения спроса на образовательные услуги, выявления потребностей к содержательным и методологическим аспектам необходимо провести дифференциацию потребителей образовательных услуг. Образовательные услуги удовлетворяют личные (конечный потребитель), групповые (предприятия-работодатели) и общественные (государство) потребности. Деятельность высших учебных заведений организована на основе процесса коммуникации между контактными аудиториями. Основные потребители образовательных услуг – абитуриенты и их родители. Существует также сектор заинтересованных групп населения как внутри, так и вне вуза. Проведем терминологическое разделение группы потребителей образовательных услуг на следующие подвиды:

- потребитель;
- покупатель;
- клиент.

Потребитель. Это юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации), осуществляющие подготовку или переподготовку кадров с целью создания новых рабочих мест, повышения квалификации кадров, формирования и пополнения резерва «банка кадров» и поддержания конкурентоспособности организации в рыночной среде [3, с. 417]. В данную группу входят предприятия и организации, нанимающие выпускников вуза, приобретающие программы повышения квалификации для своих сотрудников и работников других компаний.

Покупатель. Это физические лица, являющиеся непосредственными получателями образовательных услуг или продукта вуза (абитуриенты и их родители, отдельные личности, граждане в качестве наемных работников или незанятого населения), приобретающие образовательные услуги для удовлетворения своих личных потребностей [3, с. 418].

Клиент (контактная аудитория). К данной группе следует отнести контактные аудитории, прямо или косвенно заинтересованные в деятельности образовательного учреждения, в том числе:

- органы государственной власти РФ разных уровней;
- фонды, финансирующие образовательные проекты и программы;
- средства массовой информации, пишущие на темы образования и профессиональной подготовки;
- агентства по трудоустройству, собирающие базы данных о выпускниках вузов и их профессиональной карьере;
- издательства и продавцы учебной литературы и др. [3, с. 418–419].

Образовательные учреждения выступают в роли субъектов, формирующих предложение, оказывающих и продающих образовательные услуги.

С точки зрения маркетинга в функции образовательного учреждения входит [4, с. 20]:

- оказание обучающимся образовательных услуг, передача желаемых и необходимых знаний, умений и навыков (как по содержанию и объему, так и по ассортименту и качеству);
- производство и оказание сопутствующих ОУ, а также оказание воздействий, формирующих личность будущего специалиста;
- оказание информационно-посреднических услуг потенциальным и реальным обучающимся и работодателям, включая согласование с ними условий будущей работы, размеров, порядка и источников финансирования ОУ и др.

Образовательные учреждения как субъекты, формирующие и осуществляющие предложение ОУ на рынок, играют решающую роль в становлении маркетинга в сфере образования.

Посреднические структуры на рынке ОУ пока еще находятся в стадии формирования, развертывания своей маркетинговой активности. К ним относятся службы занятости и биржи труда, образовательные фонды, ассоциации образовательных учреждений (например, вузов или школ бизнеса) и предприятий, специализированные образовательные центры и др. Они содействуют эффективному продвижению ОУ на рынке и могут выполнять такие функции, как:

- накопление, обработка, анализ и продажа (предоставление) информации о конъюнктуре рынка ОУ, консультирование других субъектов;
- участие в процессах аккредитации образовательных учреждений, осуществление рекламной деятельности, юридической поддержки;
- формирование каналов сбыта, организация заключения и содействие выполнению сделок по ОУ;
- участие в финансировании, кредитовании и других формах материальной, ресурсной поддержки производителей и потребителей ОУ, в том числе через систему личных, государственных и иных образовательных кредитов.

Для выявления конкурентных позиций необходимо проводить анализ внешней и внутренней среды образовательного учреждения. При проведении анализа внешней и внутренней среды важно определить конкурентное преимущество образовательного учреждения. С этой целью необходимо провести следующие мероприятия:

- изучить тенденции развития экономики региона (территории);
- собрать информацию и проанализировать различные источники для определения потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах на перспективу в соответствии с тенденциями социально-экономического развития региона (территории);
- определить уровень конкуренции на занимаемом сегменте рынка образовательных услуг;
- выявить явные и латентные возможности и угрозы для образовательного учреждения с учетом ситуации на рынке труда и рынке образовательных услуг.

Кроме того, образовательное учреждение должно детально изучить внутренние аспекты функционирования, а именно:

- провести SWOT-анализ сильных и слабых сторон и конкурентных преимуществ;
- оценить эффективность процессов оказания образовательных услуг;
- оценить степень соответствия имеющихся ресурсов цели образовательного учреждения.

Конкурентоспособность высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг возможна при условии тщательного анализа изменений внешней среды, а также внутренних аспектов функционирования системы. Это позволит не только отслеживать влияние внешних и внутренних факторов среды на формирование и изменение спроса на образовательные услуги, имеющийся внутренний потенциал, ресурсы и инфраструктуру, но и прогнозировать тенденции и вариабельность развития данного сектора рынка с целью разработки адекватной стратегии позиционирования и развития вуза.

Для исследования внешней среды социально-экономических систем, как правило, применяют методiku *STEP-анализа* [5], которая получила свое название по начальным буквам четырех факторов. Согласно данному методу, необходимо из многообразия внешних факторов выделить значимые факторы влияния и сгруппировать в четыре группы взаимосвязанные факторы: социальные (Social – S), технологические (Technological – T), экономические (Economical – E), политические (Political – P). При этом важно учитывать, что изменение одного из указанных факторов так или иначе влечет за собой трансформацию степени воздействия других факторов внешней среды на всю систему.

Т. А. Гайдаенко предлагает для анализа внешней среды использовать STEP-анализ, учитывающий в качестве приоритетных социальные и технологические факторы, в противовес PEST-анализу, где на первом месте стоят факторы политики и экономики (STEP-анализ в качестве главенствующих учитывает социальные и технологические факторы) [6, с. 224].

При разработке конкурентных позиций развития вуза необходимо также оценить внутренний потенциал образовательного учреждения. Для этого возможно использовать метод *SWOT-анализа*, позволяющий провести изучение внутренней среды организации, предприятия, учреждения, который позволяет установить линии связей между сильными и слабыми сторонами, внешними угрозами и возможностями. К достоинствам SWOT-анализа относят достаточно простой способ построения и удобство его восприятия.

Для повышения эффективности и проведения детального SWOT-анализа возможно использовать систему сбалансированных показателей (Balanced Scorecard, BSC) – ССП. Она разработана в начале 1990-х гг. профессором бизнес-школы при Гарвардском университете Робертом Капланом (Robert Kaplan) и американским консультантом по вопросам управления Давидом Нортоном (David Norton). Balanced Scorecard – BSC (далее – ССП) является инструментом стратегического и оперативного управления [7, с. 94].

ССП рассматривается с точки зрения четырех взаимосвязанных перспектив (проекций):

- 1) перспективы потребителей образовательных услуг (степень ориентации на удовлетворение образовательных потребностей);
- 2) финансовой перспективы (влияние стратегии на финансовые аспекты функционирования образовательного учреждения);

3) перспективы бизнес-процессов (выявление стратегически важных процессов обучения);

4) перспективы обучения и развития (использование эффективных методов и способов управления и организации, поддерживающих способность образовательной системы к устойчивому развитию и улучшению (совершенствованию) с целью реализации запланированной стратегии развития; определение необходимого ресурсного обеспечения, оценка показателей результатов эффективности ключевых и вспомогательных процессов при оказании образовательных услуг).

Система сбалансированных показателей – это управленческая система, которая переводит миссию и стратегию организации в набор оперативных целей и показателей, помогающих направлять деятельность сотрудников на решение общей задачи. Благодаря ССП менеджеры получают ответы на основные вопросы: за счет чего компания создает свою стоимость, какие процессы являются ключевыми в ее деятельности, каков уровень квалификации персонала и применяемых технологий, насколько они соответствуют выбранной стратегии, какие инвестиции нужно направить на развитие компании с целью достижения ее долгосрочных целей. Система целей компании – это результат построения ССП и функциональных стратегий в различных областях.

Любая деятельность, в том числе и маркетинговая, должна проецировать конечный результат для того, чтобы достижение поставленной цели было гарантировано. Как правило, при разработке конкурентных позиций выделяются основные направления деятельности и планируются ожидаемые результаты, что при дальнейшей декомпозиции (разработка конкретных мероприятий) позволит обеспечивать единую логику и целенаправленность (синергетический эффект).

В настоящее время образовательные учебные заведения широко используют тактические приемы маркетинга, нацеленные в основном на продвижение своих продуктов и услуг, и в соответствии с этим должны разрабатывать маркетинговую стратегию, исходя из потребностей рынка, но с учетом внутренних возможностей – корпоративных ресурсов.

Маркетинг, основанный на ресурсах, позволяет найти соответствие между потребностями рынка и способностью предприятия сферы услуг конкурировать на нем. Возможности могут быть использованы только тогда, когда у предприятия есть реальное устойчивое конкурентное преимущество.

Особо следует подчеркнуть уникальность сферы образовательных услуг, сформировавшей организационный потенциал и выстроившей такую систему, в которой как материальные, так и нематериальные ресурсы органично сочетаются между собой. Способность образовательных учреждений задействовать внутренние маркетинговые активы и привести их в соответствие с потребностями и ожиданиями потребителей позволяет достичь уровня, который будет напрямую ассоциироваться у клиентов с брендом и позволит создать долгосрочное конкурентное преимущество, не поддающееся копированию конкурентами.

Достижение устойчивого конкурентного преимущества возможно на основе внедрения концепции внутреннего маркетинга [8, с. 62–66]. Для образовательных учреждений понятие внутреннего маркетинга заключается в совмещении мотивации сотрудников и формировании их профессиональных

знаний на тождественность бренду. Мотивация и высокий уровень знаний сотрудников являются источником высококвалифицированных услуг. Внутренний маркетинг должен предшествовать внешнему маркетингу и маркетингу взаимоотношений с потребителями услуг. Реализация концепции внутреннего маркетинга позволит выстроить зависимость «лояльный персонал – лояльный клиент – прибыльность предприятия сферы услуг», что потребует в свою очередь задействовать все маркетинговые активы предприятия [9, с. 123]. На выходе этого процесса – разработанная технология качественного обслуживания потребителей и контроль ее выполнения, система показателей оценки работы персонала в зависимости от их удовлетворенности.

Предлагаемый подход отличается от традиционного продвижения продукта предприятия сферы услуг, поскольку нацелен не на решение текущих вопросов по привлечению и удержанию потребителей, а на построение системы взаимоотношений с ними на долгосрочной основе.

Система внутреннего маркетинга предполагает рассмотрение внутреннего рынка образовательных учреждений, который включает корпоративную культуру, систему, процедуры, структуры, существующие внутри предприятия, персонал, чьи знания и навыки, поддержка и лояльность необходимы для реализации маркетинговых стратегий [10, с. 237–240].

Цель стратегического внутреннего маркетинга состоит в разработке маркетинговой программы, направленной на внутренний рынок предприятия сферы услуг, которая должна соответствовать маркетинговой программе, направленной на внешний рынок.

Внутренний маркетинг имеет ту же теоретическую базу, что и традиционный маркетинг. Особенностью же являются объект и предмет изучения концепции внутреннего маркетинга. Объектом внутреннего маркетинга является внутренняя среда предприятия. Задача внутреннего маркетинга – создание внутри предприятия среды, максимально ориентированной на клиента. Для этого предприятие должно рассматривать своих сотрудников как внутренних клиентов. Подход к персоналу предприятия сферы услуг как к внутренним клиентам и обеспечение их продуктом, который удовлетворяет их потребности, преобразует традиционные управляемые параметры маркетингового комплекса: продукт, цену, продвижение продукта, где основными задачами внутреннего маркетинга выступают изменение поведения контактного персонала, повышение лояльности персонала к предприятию, развитие организационной культуры предприятия в направлении большей клиентоориентированности, повышение качества предоставляемых услуг.

Сущностные особенности образовательных услуг определяют необходимость использования современных принципов внутреннего маркетинга в управлении человеческими ресурсами высших учебных заведений, обеспечивающих создание конкурентных преимуществ. Важнейшим конкурентным преимуществом является наличие такой ценности, как высококвалифицированный персонал.

Значимость внутреннего маркетинга в системе обеспечения конкурентоспособности высшего учебного заведения обусловлена спецификой образовательных услуг. Неразрывна связь образовательной услуги с местом ее реализации, высока зависимость ее качества от качества процесса предоставления услуги, от качества персонала. Особенности маркетинга в сфере услуг

обусловлены тем, что работники, предоставляющие услуги и осуществляющие личные усилия, находятся в постоянном контакте с потребителями услуг. В результате доминирующее положение в сфере услуг занимает маркетинг взаимоотношений или по отношению к персоналу – внутренний маркетинг, охватывающий действия по мотивации и стимулированию персонала.

Внутренний маркетинг высшего учебного заведения включает следующие главные элементы: исследование потребностей собственного персонала, их удовлетворение, использование корпоративной культуры с целью управления мотивацией персонала вуза, создание эффективных внутренних коммуникаций. Использование концепции внутреннего маркетинга позволяет определить тактику и стратегию развития персонала высшего образовательного учреждения, обеспечить гибкость процесса предоставления образовательных услуг в соответствии с потребностями потенциальных и существующих потребителей на рынках труда и образовательных услуг.

Значение внутреннего маркетинга для высшего учебного заведения определяется также и тем, что его работники рассматриваются одновременно и в качестве участников внутреннего рынка труда, оказывающихся под влиянием имиджа своего вуза. Персонал выступает в роли потребителя по отношению к высшему учебному заведению, в качестве покупателя рабочего места, должности с ее правами и обязанностями. Рассматривая с позиции внутреннего маркетинга персонал вуза как покупателей на рынке труда, организация делает акцент на удержании и активизации их деятельности, развитии, карьерном росте, повышении квалификации, мотивации и стимулировании инновационной деятельности, создании благоприятного психологического климата, корпоративной культуры.

Современные преобразования в высшем образовании, новые задачи и, соответственно, новые требования к преподавателю изменяют отношение к внутреннему рынку труда, повышая роль внутреннего маркетинга. В условиях реформирования высшего образования первоочередными задачами, решаемыми с помощью инструментария внутреннего маркетинга, являются удовлетворение потребности вуза в высококвалифицированных кадрах с высокой профессиональной компетентностью, развитие персонала и обеспечение его вовлеченности в достижение целей организации. Однако создание системы мотивации преподавателей в проведении преобразований существующего процесса обучения студентов в соответствии с современными требованиями, с использованием инновационных образовательных технологий, повышение квалификации, планирование карьерного роста вряд ли будут успешными при сохранении существующего невысокого статуса преподавателя вуза.

Таким образом, с позиций внутреннего маркетинга формирование кадрового потенциала образовательного учреждения осуществляется за счет привлечения, развития и мотивирования собственных высококвалифицированных ресурсов, что позволяет характеризовать отношения организации и ее работников аналогично отношениям организации с клиентами. Следует отметить, что, по сравнению с набором рабочей силы на внешнем для вуза рынке, такой вариант удовлетворения потребности учреждения в высококвалифицированных преподавателях имеет ряд достоинств.

Задачи стабильного развития учреждений высшего профессионального образования, введения уровневой системы профессиональной подготовки,

современных технологий обучения требуют соответствующего повышения квалификации преподавателей. Инструменты внутреннего маркетинга позволяют обеспечить повышение качества образовательных услуг, мастерства преподавателей.

В условиях реализации компетентного подхода взаимодействие преподавателя и студента сводится к формированию не только знаний, умений и навыков, но и инновационной активности, креативности. Обеспечение конкурентного преимущества в инновационном развитии вуза основано на привлечении и закреплении персонала необходимого качества, формировании инновационной активности персонала. Определенную роль в этом имеет правильное позиционирование высшего учебного заведения для сотрудников, использование коммуникационной политики, внутренних связей с общественностью, вызывающих доверие персонала к организации.

Целью маркетингового исследования как инструмента внутреннего маркетинга является анализ требований к работодателю со стороны персонала, как в настоящем, так и в будущем, уровень лояльности, оценка удовлетворенности работников организации своей должностью, подразделением, организацией. Степень удовлетворения потребностей персонала, его удовлетворенность работой в данном высшем учреждении влияют на качество предоставления образовательной услуги, определяют характер взаимодействия обслуживающего персонала и потребителя, что во многом определяет восприятие качества услуги.

Поведение персонала высшего учебного заведения, его мастерство, вежливость, тактичность, а также лояльность, его удовлетворенность работой в данной организации влияют на качество предоставления услуги и в результате обеспечивают конкурентоспособность. Выделение внутреннего маркетинга в качестве инструмента обеспечения конкурентоспособности обусловлено и тем, что персонал во многом формирует привлекательный имидж вуза.

Формирование мотивации учебных заведений к повышению конкурентоспособности, наращиванию конкурентных преимуществ, конкурентному позиционированию, ориентация конкуренции на форматы добросовестного и квалифицированного взаимодействия в процессе оказания образовательных услуг, ориентация образовательного потенциала российского общества на обеспечение качества образования рассматриваются как главные факторы повышения конкурентоспособности российского высшего образования [1, с. 45–46].

В современных условиях сложно обеспечить конкурентоспособность высшего учебного заведения без серьезного изменения отношения к профессорско-преподавательскому составу. Выявление факторов конкурентоспособности высшего учебного заведения, формирование системы обеспечения конкурентоспособности, развитие стратегических конкурентных преимуществ невозможно без такого инструмента, как внутренний маркетинг.

Список литературы

1. **Рубин, Ю. Б.** Рынок образовательных услуг: от качества к конкурентоспособным бизнес-моделям (часть 2) / Ю. Б. Рубин // Высшее образование в России. – 2011. – № 4. – С. 33–46.

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2001 г. № 1756-Р // Бюллетень Министерства образования РФ. – 2002. – № 2. – С. 3–31.
3. Современные направления маркетинга: теория, методология и практика применения : моногр. / под общ. ред. С. В. Карповой ; отв. ред. И. А. Фирсова. – М. : Палеотип, 2011.
4. **Данько, Т. П.** Управление маркетингом : учеб. пособие / Т. П. Данько. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 280 с.
5. Управление с огоньком. Иллюстрированная энциклопедия. – URL: <http://www.mrketing.ru>
6. **Гайдаенко, Т. А.** Маркетинговое управление. Полный курс МБА. Принципы управленческих решений и российская практика / Т. А. Гайдаенко. – М. : Эксмо, 2005. – 480 с.
7. **Kaplan, R. S.** The Strategy – Focused Organisation / R. S. Kaplan, D. P. Norton. – Boston : HBS Press, 2001. – 94 p.
8. **Капелюк, З.** Потребительский мониторинг удовлетворенности качеством образовательных услуг в вузе / З. Капелюк, С. Донецкая, Л. Струминская // Стандарты и качество. – 2006. – № 1. – С. 62–66.
9. **Кассин, К. П.** Лояльность клиентов как основное конкурентное преимущество предприятия сферы гостеприимства / К. П. Кассин // Современные аспекты экономики. – 2007. – № 10 (123).
10. **Гембл, П.** Маркетинг взаимоотношений с потребителями / П. Гембл, М. Стоун, Н. Вудкок ; пер. с англ. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 549 с.

Кухтинова Людмила Георгиевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента, Пензенский
государственный университет

E-mail: lgk-penza@mail.ru

Kukhtinova Lyudmila Georgievna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management,
Penza State University

Фирсова Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, доцент,
кафедра маркетинга, Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации

E-mail: Firsova-mjscow@yandex.ru

Firsova Irina Anatolyevna

Doctor of economic sciences, associate
professor, sub-department of marketing,
University of Finance under
the Government of the Russian Federation

УДК 33

Кухтинова, Л. Г.

Внутренний маркетинг в системе обеспечения конкурентоспособности высших учебных заведений / Л. Г. Кухтинова, И. А. Фирсова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 158–166.

Л. Н. Семеркова, Н. Г. Соколова, Ю. Д. Бахтеев

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ С ПОЗИЦИИ МАРКЕТИНГА ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. На основе экзистенциального представления функциональной системы жизни человека и транскрипции ряда традиционных маркетинговых концепций и моделей в статье предлагается модель жизнедеятельности населения, которая определяет теоретико-мировоззренческое понимание феномена качества жизни с позиции субъекта управления территорией и необходимости оптимизации управления ее социально-экономическим развитием.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие территории (города), маркетинг территории, качество жизни, экзистенциалистская концепция сущности жизни человека, модель жизнедеятельности населения территории.

Abstract. The authors suggest a model of people's life activity that determines theoretical and ideological understanding of a phenomenon of life quality from the point of view of a subject of area administration and the necessity to optimize area social-economic development administration. The model is suggested on the basis of existential conception of functional system of human life and transcription of several traditional marketing conceptions and models.

Key words: social and economic development of an area (city), area marketing, life quality, existential conception of human life essence, model of area population life activity.

Залогом успеха управления социально-экономическим развитием города в современных высококонкурентных условиях является обращение к философии маркетинга. Необходимо наилучшим образом удовлетворять запросы потребителей – населения города. Муниципалитет, в центре внимания которого находится потребитель, способен, используя технологии и механизмы маркетинга территории, не просто оказывать услуги, но и создавать рыночные конструкции воздействия на формирование потребностей, поведение других субъектов территориального рынка. Известна декларация, что население и качество его жизни должны стать центром территориального управления и муниципальной деятельности. Однако теоретической конструкции, формализующей процесс жизнедеятельности и обеспечивающей параметризацию качества жизни населения территории, в частности города, обнаружено не было. Теоретико-мировоззренческое понимание феномена качества жизни с позиции субъекта управления территорией затруднено, вопрос о понимании жизни человека, адекватном целям управления социально-экономическим развитием города, остается открытым.

Для решения данной проблемы следует обратиться к категории «качество». Анализ работ А. И. Субетто [1] и В. И. Кулайкина [2] позволяет представить спектр трактовок этой категории. С точки зрения операционалистского подхода к выявлению сущности категории «качество жизни» приемлемым является определение качества как «существенной определенности предмета, явления или процесса, в силу которой он является данным, а не иным предметом, явлением или процессом [3, с. 53]». Невозможно дать научно коррект-

ное определение качеству жизни, не опираясь на раскрытие сущности человеческой жизни, ее понимания, доступного для операционализации и количественной оценки. А в дальнейшем не только сущности жизни, но и категории «смысл жизни», которая задает человеку основной критерий для оценки качества его жизни, социума и человечества в целом. Лишь немногие концепции исследования качества жизни, например Л. А. Кузьмичева, М. В. Федорова [4] и Г. М. Зараковского [5], формулируют исходное представление о том, что такое жизнь человека. Вопрос о сущности жизни человека и общества в целом как исходной позиции для разработки научно обоснованной концепции качества жизни остается открытым. Выработка такой позиции – задача чрезвычайно сложная. Вся история философской мысли в значительной мере представляет собой поиск всеобъемлющего определения сущности человеческой жизни, и этот поиск продолжается.

Для обоснования состава и способов измерения качества жизни населения территории необходимо принять ряд рабочих определений категорий «человеческая жизнь», «смысл жизни». Сущность человеческой жизни и смысл жизни – фундаментальные философско-психологические и религиозно-мировоззренческие категории, «вечный вопрос самопознания человека». Это предмет многовековых размышлений теологов, античных и современных философов, историков, социологов, психологов и, наконец, экономистов. Жизнь человека и социума – сложное и во многом иррациональное явление, всеобъемлющее определение его сущности дать невозможно. В основу определения могут быть положены разные проявления жизни в зависимости от того, какие из них важны для решения практических задач.

Практическая задача, которой посвящено данное исследование, заключается в обосновании выбора показателей и критериев для измерения и оценки качества жизни населения территории для целей осуществления управления социально-экономическим развитием. На основе анализа различных представлений о сущности человеческой жизни и понимания задач данного исследования в качестве аксиоматической основы выбирается *экзистенциалистская концепция сущности жизни человека* [6, 7]. На ее основе ниже приводятся определения и понятия, основополагающие для данного исследования.

Жизнь человека – это процесс самореализации заложенного в человеке природой и развивающегося после рождения жизненного потенциала; он представляет собой жизнедеятельность, включающую физиологические функции и выполнение деятельности во внутренней (психической) и внешней (материальной и социальной) сферах, направленную на самосохранение, развитие и репродукцию себя, на познание мира и его преобразование в целях удовлетворения своих и общественных потребностей. Процесс жизни – это последовательность циклов «желание – деятельность по достижению желаемого – удовлетворенность достигнутым – появление нового желания». Жизнь социума – процесс взаимосогласованной жизни образующих данный социум индивидов и выполнения организованной определенным образом их совместной деятельности, направленной на сохранение социума, его развитие и достижение общих для социума, как коллективного субъекта, целей.

В историческом аспекте сущность жизни людей представляет собой процесс адаптационно-гомеостатического и трансформационно-созидательного взаимодействия с окружающей средой, направленный на сохранение и

развитие жизни человечества во все более широких границах природных условий путем научно-технического прогресса, личностного совершенствования и преодоления социальных противоречий. Смысл жизни – разумное основание, значение, цель, которую стремится достичь человек. Смысл жизни – это доминирующая и устойчивая цель жизнедеятельности человека, ориентация человека на ценности самого процесса жизни в разных его проявлениях.

Опираясь на сформулированное выше понимание сущности жизни человека и предложенную Г. М. Зараковским [5, с. 58] форму представления функциональной системы жизни человека можно представить элементы системы жизни человека и социума, жизнь как систему (рис. 1).

Сделаем ряд комментариев к представленной системе жизни. *Жизненный потенциал* (статусный и ситуационный) индивида – комплекс тех свойств человека, которые лежат в основе его возможности осуществлять жизнедеятельность с тем или иным уровнем активности и полноты самореализации. *Побудительные элементы* статусного жизненного потенциала и функциональные системы деятельности активируют деятельность человека. Потребности, интересы и ценности, с одной стороны, являются возможностями реализации жизненного потенциала, а с другой – иницируют саму реализацию. *Жизнедеятельность человека* – совокупность всех присущих человеку процессов: от физиологических функций, необходимых для жизни человека как биологического организма, до созидательной деятельности, рефлексии, эмоционально-чувственных переживаний, других видов активности, свойственных человеку как личности, субъекту. *Инструменты* – это: орудия труда, транспортные средства, информация и т.п. *Ресурсы* – это: продукты питания, энергоносители и т.п. природные объекты, финансы и всякого рода социальные поддержки человека. *Среда* представлена не зависящими от индивида природными, техногенными, информационными и социальными факторами, обуславливающими условия жизни человека. *Результаты жизнедеятельности* – это результаты поведения человека в отношении целевых предметов, что, в частности, реализуется в потреблении товаров и услуг и в отношении субъектов деятельности – других индивидов.

Таким образом, жизнь – это процесс реализации жизненного потенциала носителя жизни. Реализуются, во-первых, генетически заданное сохранение, развитие и репродукция человека как биопсихосоциального объекта и субъекта, во-вторых, генерируемая самим человеком в процессе деятельности целевая трансформация внешних и внутренних (самого себя) объектов. Этот процесс происходит в природной, в искусственной антропогенной и социальной средах путем сложного противоборствующего взаимодействия с разными объектами и субъектами, «населяющими» эти среды. Можно выделить факторы человеческой жизни:

- жизнь определяется присущими человеку внутренними возможностями осуществлять жизненные процессы, т.е. его жизненным потенциалом;
- следующим фактором жизни являются внешние возможности, т.е. свойства окружающих сред, объектов и субъектов, имеющих инструменты и ресурсы. Они должны быть такими, чтобы жизненный потенциал мог, безусловно, осуществляться, а результаты жизнедеятельности имели значимую вероятность достижения целей для людей, которые хотят это сделать и прилагают для этого необходимые усилия;

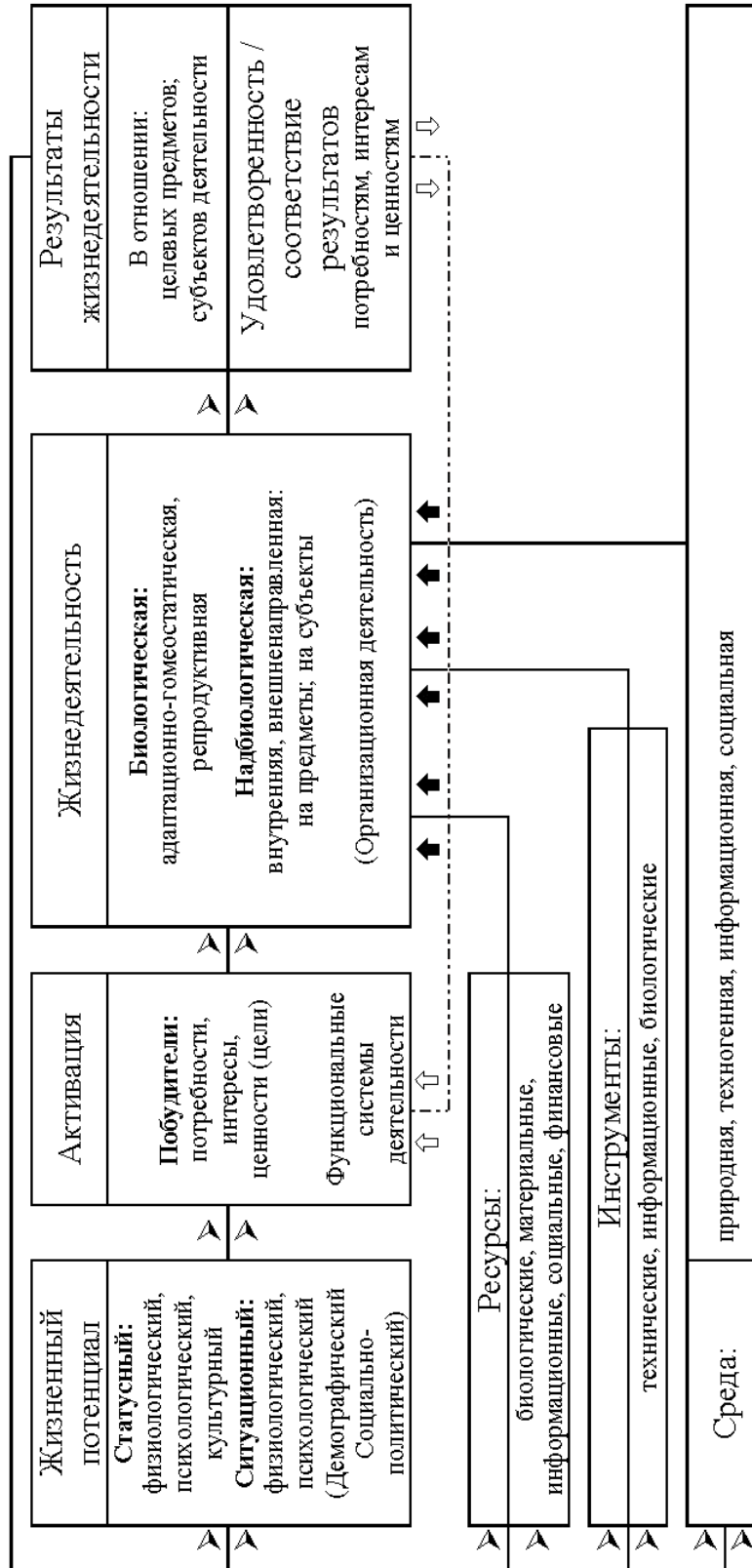

Рис. 1. Функциональная система жизни человека (социума)

– другим фактором жизни являются процессуально-результативные характеристики целевых жизненных процессов (деятельности) по отношению к имеющимся у людей потребностям, интересам, ценностям и целям. Это характеристики поведения людей в реальной жизни, в частности потребительского поведения и удовлетворенности сторонами жизни.

Данное экзистенциальное представление функциональной системы жизни человека содержит в себе ряд ключевых понятий маркетинга: потребности, население-потребитель, потребительское поведение, удовлетворенность. Оно дополняется путем *транскрипции ряда традиционных маркетинговых моделей, концепций, методов* представления и исследования потребительно-покупательского поведения:

– модель «черного ящика» покупательского поведения [8, с. 211; 9, с. 62], предполагающая изучение реакций потребителя на внешние воздействия и полезна с точки зрения первичного уточнения сфер исследования потребительского поведения;

– модель процесса покупки или принятия решения покупателем [10, с. 53], определяющая этапы процесса покупки;

– развернутая модель формирования спроса и его детерминант [11, с. 28; 12, с. 115], которая демонстрирует принципиальные возможности влияния на механизм и процесс потребительского поведения на рынке и, в итоге, на спрос;

– концепция трехуровневой поведенческой реакции покупателя (или потребительского отношения) на рынке и основных характеристик реакции рынка [2, с. 213; 13, с. 574].

В результате разрабатывается *маркетинговая модель жизнедеятельности населения территории, выделяются детерминанты жизнедеятельности и характеристики реакции населения* (рис. 2).

Данная модель имеет *ориентационную функцию* представления теоретико-мировоззренческого видения жизни населения территории в рамках актуальной концепции исследования качества жизни.

Имеются и *две прагматические функции*, первая из которых состоит в выделении комплекса элементов количественной определенности жизни (рис. 3), вторая – в выделении свойств и характеристик жизни, что в свою очередь обеспечивает параметризацию качества жизни.

Констатируется, что под *количественной определенностью жизни*, следовательно и *качества жизни*, необходимо понимать *уровень выраженности совокупности свойств жизни, ее результатов и их соответствия некоторому предельно минимальному уровню или какому-либо иному ориентиру*. Качество жизни человека – это оценочная категория, обобщенно характеризующая параметры всех составляющих жизни человека. Таким образом, установлено, что *качество жизни (населения территории) определяется* жизненным потенциалом населения, входящих в него социальных групп и отдельных граждан, условиями жизнедеятельности, соответствием характеристик процессов, средств, условий и результатов жизнедеятельности потребностям, интересам и ценностям населения территории, которые можно выражать через показатели *спроса, предложения и удовлетворенности*. Элементы комплекса составляющих количественную определенность жизни в той или иной мере участвуют в процессе параметризации качества жизни.

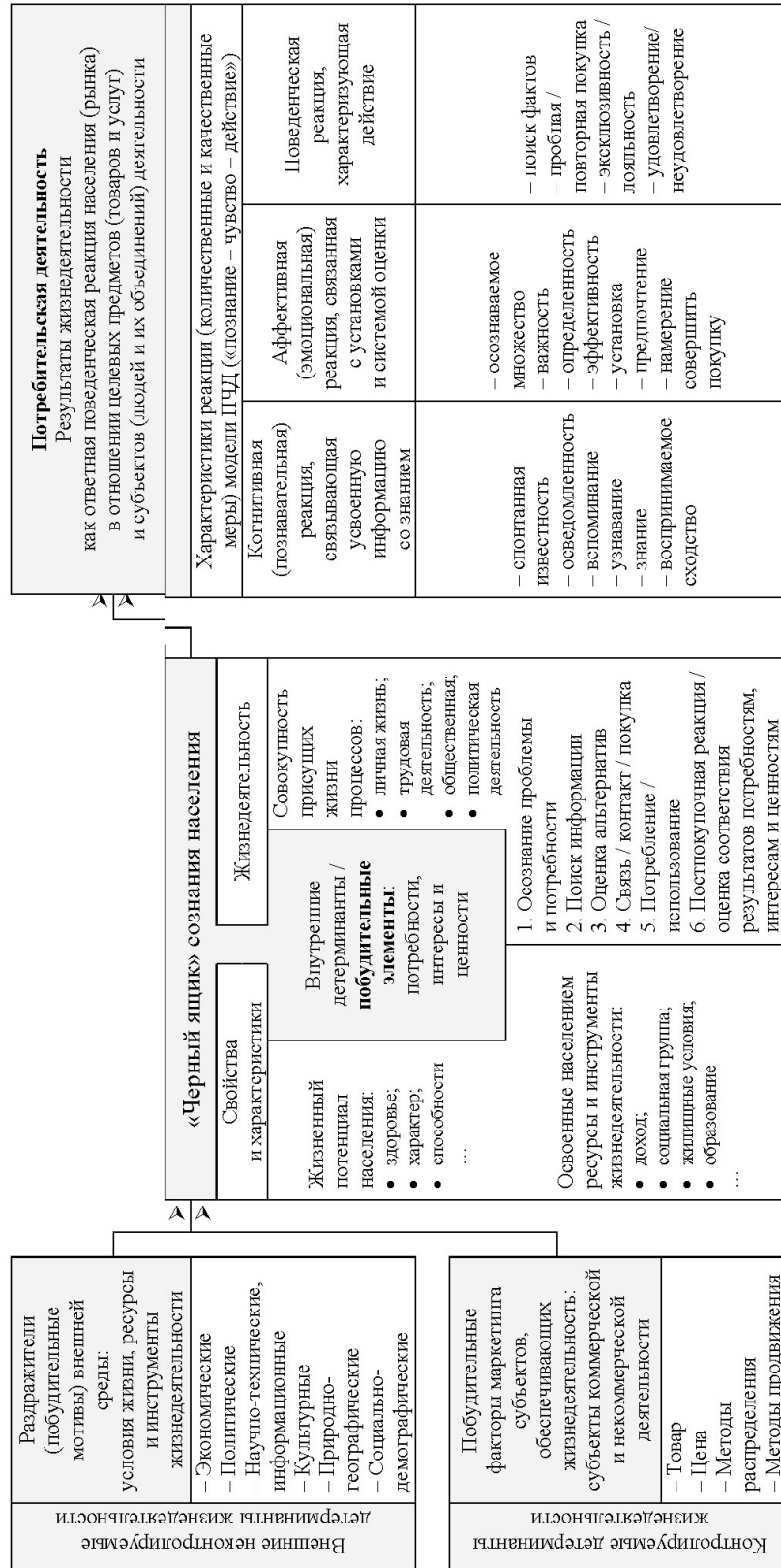

Рис. 2. Маркетинговая модель жизнедеятельности населения территории, формирования детерминант жизнедеятельности и характеристик реакции населения

Рис. 3. Комплекс элементов количественной определенности жизни

Методологические подходы к исследованию и параметризации качества жизни расходятся именно по вопросу главенства, степени участия и состава элементов. Определенность наступает лишь вследствие авторской концепции исследования и интерпретации качества жизни с позиций субъекта управления территорией и самого населения. Каждый конкретный методологический подход к параметризации качества жизни опирается на свою модель отображения приоритетности и связи между элементами количественной определенности жизни и, как следствие, систему/схему показателей оценки качества жизни.

Список литературы

1. Субетто, А. И. Качество жизни: грани проблемы / А. И. Субетто. – СПб. ; Кострома : Астерион, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. – 210 с.
2. Кулайкин, В. И. Социально-психологические параметры качества жизни в различных социальных группах : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Кулайкин В. И. – Кострома, 2006.
3. Словарь русского языка : в 4 т. – М. : Государственное издательство иностранных и русских словарей, 1959. – Т. 2.
4. Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования / под ред. Л. А. Кузьмичева, М. В. Федорова, Е. Е. Задесенца. – М. : ВНИИТЭ, 2000. – 421 с.
5. Зараковский, Г. М. Качество жизни населения России: Психологические составляющие / Г. М. Зараковский. – М. : Смысл, 2009. – 319 с.
6. Буржуазная философия XX века. Экзистенциализм. – М. : Политиздат, 1974. – 335 с.
7. Экзистенциализм (историко-критический очерк) // Вопросы философии. – 1966. – № 12. – С. 10–19; 1967. – № 1. – С. 17–23.
8. Котлер, Ф. Маркетинг. Менеджмент / Ф. Котлер. – 11-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 800 с.
9. Минаев, Д. В. Маркетинг в схемах и моделях / Д. В. Минаев. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 480 с. – (Высшее профессиональное образование).
10. Фоксол, Г. Психология потребителя в маркетинге / Г. Фоксол, Р. Голдсмит, С. Браун ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с.
11. Немчин, А. М. Маркетинг / А. М. Немчин, Д. В. Минаев. – СПб. : Бизнес-пресса, 2001. – 512 с.

12. **Ламбен, Ж.-Ж.** Менеджмент, ориентированный на рынок / Ж.-Ж. Ламбен, Р. Чумпитас, И. Шулинг ; пер. с англ. ; под ред. В. Б. Колчанова. – СПб. : Питер, 2008. – 720 с.
13. **Ламбен, Ж.-Ж.** Менеджмент, ориентированный на рынок / Ж.-Ж. Ламбен ; пер. с англ. ; под ред. В. Б. Колчанова. – СПб. : Питер, 2004. – 800 с.
14. **Энджел, Д. Ф.** Поведение потребителей / Д. Ф. Энджел, Р. Д. Блэкуэлл, П. У. Миниард ; пер. с англ. – 8-е изд. – СПб. : Питер, 1999. – 759 с.

Семеркова Любовь Николаевна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой маркетинга,
коммерции и сферы обслуживания,
Пензенский государственный
университет

E-mail: penzmarketing@mail.ru

Semerкова Lyubov Nikolaevna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of marketing,
commerce and service sector,
Penza State University

Соколова Надежда Геннадьевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики, технологии
и управления коммерческой
деятельностью, Ижевский
государственный технический
университет

E-mail: Sokolova-ng@mail.ru

Sokolova Nadezhda Gennadyevna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics,
technology and administration
of commercial activity,
Izhevsk State Technical University

Бахтеев Юсеф Джафярович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента, Пензенский
государственный университет

E-mail: management@pnzgu.ru

Bakhteev Yusef Dzhafyarovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management,
Penza State University

УДК 339.13

Семеркова, Л. Н.

К вопросу моделирования жизнедеятельности населения с позиции маркетинга территории / Л. Н. Семеркова, Н. Г. Соколова, Ю. Д. Бахтеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 167–174.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Обоснована необходимость внедрения информационных технологий в процесс управления промышленными предприятиями с целью обеспечения их инновационного развития. Выявлены основные проблемы развития рынка информационных технологий в России и внедрения их в практику деятельности промышленных предприятий. Представлены преимущества совершенствования системы управления промышленными предприятиями на основе внедрения информационных технологий, а также использования инновационных форм взаимодействия участников промышленного комплекса посредством электронной коммерции.

Ключевые слова: информационные технологии управления, промышленные предприятия, конкурентные преимущества, инновационное развитие, электронная коммерция.

Abstract. The article substantiates the necessity of introduction of information technologies into the process of management of industrial enterprises with the aim of ensuring their innovative development. The authors reveal main problems of development of the market of information technologies in Russia and of their implementation in the activity of industrial enterprises. The article lists the advantages of improving the system of management of industrial enterprises on the basis of introduction of information technologies, as well as the use of innovative forms of interaction between the participants of the industrial complex by means of electronic commerce.

Key words: information technologies of management, industrial enterprises, competitive advantage, innovative development, electronic commerce.

Включение российской экономики в систему мировых хозяйственных связей диктует необходимость системного решения комплекса задач по переходу к инновационному социально ориентированному типу ее развития. Главным направлением развития промышленного комплекса России, открывающим долгосрочные перспективы, является производство наукоемкой продукции с низкой материало- и энергоемкостью, которое требует вложения более высококвалифицированного труда и инноваций. Стратегической целью должно стать создание отраслей, основанных на использовании инновационных технологий.

Инновационное развитие промышленных предприятий невозможно без внедрения в процесс их функционирования информационных технологий управления. Внедрение инновационных разработок в области информационных технологий позволит повысить конкурентоспособность промышленных предприятий. В условиях конкурентной борьбы управленческая деятельность сопряжена с целым спектром рисков. Поэтому для минимизации возможных рисков необходимо уделять особое внимание информатизации управленческой деятельности.

Информационные технологии позволяют смоделировать ситуацию и выбрать оптимальный вариант. Использование методов математического моделирования и принятие на их основе обоснованных решений по управлению деятельностью предприятия является конкурентным преимуществом по отношению к предприятиям, действующим в тех же сегментах рынка и не использующим экономико-математические методы в управлении.

Отечественные промышленные предприятия постепенно приходят к осознанию того, что дальнейшее их развитие невозможно без внедрения информационных систем и программных продуктов, и рассматривают информационные технологии как средство решения проблем снижения издержек производства и повышения производительности труда.

В современных условиях эффективное управление представляет собой ценный ресурс, наряду с финансовыми, материальными, человеческими и другими ресурсами. Следовательно, повышение эффективности управленческой деятельности становится одним из направлений совершенствования деятельности предприятия в целом.

Информационные технологии в значительной мере расширяют возможности эффективного управления, поскольку предоставляют в распоряжение менеджеров, финансистов, маркетологов, руководителей производства всех рангов новейшие методы обработки и анализа экономической информации, необходимой для принятия решений. Все большую популярность в информационном обеспечении управления получают системы электронного документооборота, которые позволяют:

- свести воедино все информационные потоки;
- повысить оперативность обмена информацией;
- в полном объеме реализовать концепцию гарантированной доставки электронных документов.

Развитие информационных технологий все более направлено в область интеллектуальных, наукоемких проблем. Визуализация данных, обработка изображений, создание виртуального пространства позволяют человеку погрузиться в образную среду решения сложных задач, приблизиться к поставленным целям на качественно новом уровне, облегчить подготовку и принятие управленческих решений [1].

Главным направлением перестройки системы управления и его приспособления к современным условиям стало массовое использование новейшей компьютерной и телекоммуникационной техники, формирование на ее основе высокоэффективных информационных технологий. Применение информационных технологий в управлении обуславливает трансформацию предприятий с позиций организационной структуры, организации процессов, управления и межорганизационного взаимодействия. Новые технологии, основанные на компьютерной технике, требуют также радикальных изменений кадрового потенциала, системы документации, фиксирования и передачи информации. Информационное обеспечение современных предприятий основано на использовании электронных способов получения, хранения и распространения информации посредством информационно-коммуникационных общественных сетей.

От степени рациональности структуры управления в значительной степени зависит уровень технико-экономических показателей производства.

Правильно построенная структура управления предприятием создает предпосылки высокой оперативности управления, согласованной работы всех его структурных подразделений.

В целом рациональная организационная структура управления предприятием должна отвечать следующим требованиям:

- гарантировать надежность и обеспечивать управление на всех уровнях;
- обеспечивать оперативность управленческих функций;
- иметь минимальное количество уровней управления и рациональные связи между органами управления;
- минимизировать затраты на выполнение управленческих функций.

Совершенствование организационной структуры стало возможным благодаря современным достижениям информационных технологий, которые связывают участников бизнес-процессов в единые технологические цепочки быстрее и надежнее по сравнению с традиционными организационными методами контроля и координации. Автоматизированная система управления представляет собой целый ряд технологий, позволяющих координировать и контролировать работу производственного оборудования при помощи компьютера. В результате этого сокращаются затраты времени на межоперационные переходы, достигается гибкое планирование и использование имеющихся ресурсов [2].

Электронные коммуникации позволяют сделать более прозрачным контроль исполнения процесса, когда в каждый момент времени можно знать его состояние на конкретных рабочих местах, отклонения в процессах сразу становятся автоматически известными для всех заинтересованных исполнителей и менеджеров. Более того, развитые интеллектуальные информационные системы позволяют заблаговременно осуществлять диагностику и прогнозирование развития процессов. Мониторинг производственного процесса становится более оперативным, не требуется большого штата управляющего персонала.

Возможность оперативной связи участников процессов с менеджерами в случае возникающих проблем посредством проведения теле- и видеоконференций также повышает оперативность принятия решений без потери времени на проведение традиционных совещаний. Принимаемые управленческие решения моментально становятся известными через электронную почту и доски объявлений для всех участников бизнес-процесса. Таким образом, сокращается число уровней управления на предприятии.

Развитие современных информационных технологий открывает широкие возможности для совершенствования процесса управления. Создание системы поддержки принятия решений создает реальные условия менеджерам и руководителям любого уровня для того, чтобы не только оперировать в процессе аналитической работы и подготовки решений количественными параметрами, но и оценивать и учитывать качественные стороны управленческих процедур.

Процесс принятия управленческих решений рассматривается как основной вид управленческой деятельности, т.е. как совокупность взаимосвязанных, целенаправленных и последовательных управленческих действий, обеспечивающих реализацию управленческих задач. Цель и характер деятельности предприятия определяют ее информационную систему и автомати-

зацию информационной технологии, а также вид обрабатываемого и производимого информационного продукта, на основе которого принимается оптимальное управленческое решение.

В процессе деятельности на предприятие влияют факторы внешней среды (конкуренты, заказчики, поставщики, государственные учреждения, партнеры, собственники, банки, биржи и т.д.) и внутренние факторы, которые в основном являются результатом принятия того или иного управленческого решения.

Одним из условий для стабильного развития промышленных предприятий является создание и надежное функционирование их информационно-технологической инфраструктуры, которая не только обеспечивает бесперебойную работу всех его подразделений, но и позволяет разрабатывать новые услуги для клиентов. Актуальным становится осуществление сбыта продукции посредством электронной коммерции.

В последние годы возможности информационных технологий значительно расширились, их можно использовать как систему отношений между производителями и потребителями промышленной продукции.

Процедура приобретения товаров посредством электронной коммерции значительно более упрощенная: покупатель имеет возможность самостоятельно изучить и проанализировать предложения, размещенные на сайтах, и выбрать из них подходящие по условиям оплаты и поставки товаров. Производители, минуя посреднические организации, посредством электронных коммуникаций могут заключать договора с торговыми организациями.

Преимущество такого вида коммерческих сделок заключается в том, что продавец имеет возможность размещать объявления в компьютерной сети и тем самым расширять рынок сбыта своей продукции.

Предприятия при данном виде сделок обычно не вступают в личный контакт – их общение происходит в рамках электронной сети. Участники электронных сделок оформляют весь пакет документов в электронном виде с использованием электронно-цифровой подписи (ЭЦП), юридическая сила которой определена Федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации».

В современных условиях в значительной степени возрастают информационные потребности производителей, касающиеся организации и управления производством, конъюнктуры рынка продукции, технологии производства. Свободный доступ к информации и возможность быстро ее анализировать позволяют оперативно принимать решения или вносить в них необходимые коррективы. Эффективность производства немыслима без использования больших массивов информации. Использование информационных систем позволяет миновать посреднические организации при продвижении продукции от производителя к потребителю, тем самым снижать конечную цену товара.

Однако при всех видимых положительных сторонах применения электронной коммерции существует ряд проблем, не позволяющих большинству предприятий внедрять у себя компьютерные технологии, таких как отсутствие средств, отсутствие квалифицированного персонала и пр. Поэтому необходима государственная поддержка внедрения информационных технологий в управление промышленными предприятиями.

Для того чтобы успешно конкурировать с зарубежными предприятиями, необходимо повышать эффективность производства, снижая издержки. В наши дни это становится возможным благодаря применению информационных технологий в управлении. Эффективность принятия управленческих решений в условиях функционирования информационных технологий в организациях различного типа обусловлена использованием разнообразных инструментов анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятий.

Внедрение современных информационных технологий становится популярным мероприятием, направленным на совершенствование всей системы управления. На рынке предлагается широкий ассортимент программных продуктов отечественных и западных разработчиков, которые по замыслу их создателей направлены на оптимизацию управленческого труда. Однако эффективность внедрения информационных продуктов в систему управления зависит от ряда факторов, и не всегда итоги от подобных мероприятий соответствуют ожиданиям. Информационные технологии как условие выживаемости российских предприятий зависят прежде всего от состояния предприятий и рынка информационных технологий.

Состояние отечественных промышленных предприятий в большинстве случаев характеризуется наличием устаревших технологий основного производства и высокой степенью износа основных фондов. Крайне низка и выработка на одного сотрудника. Большинство управленцев слабо знакомы с современными методами управления, так как имеют техническое, в ряде случаев еще и непрофильное, базовое образование. Кроме того, предприятия в большинстве случаев не обладают развитой телекоммуникационной инфраструктурой, поэтому внедрение автоматизированной системы управления начинается с инвестиций в телекоммуникации, что приводит к существенному увеличению стоимости проектов. Общий уровень компьютерной грамотности российских управленцев недостаточно высок, что в свою очередь приводит к увеличению затрат на обучение. Нередки случаи, когда обучение управляющих начинается с обучения их базовым понятиям информационных технологий, затем офисным приложениям, и только потом появляется возможность перейти к их обучению собственно как пользователей автоматизированной системы управления предприятием.

Существенным препятствием при внедрении информационных систем становится уровень организации управления. На российских предприятиях в основной массе отсутствует традиция детально документировать управленческие решения. Одним из основных конкурентных преимуществ, которое дает информационная система, является возможность представления консолидированной информации высшему управленческому персоналу. А это требует ввода информации в систему, причем регулярно и на всех уровнях управления. Это повышает нагрузку низшего и среднего звена управленцев, которая зачастую оказывает существенное сопротивление процессу внедрения системы [3, 4].

Служба менеджмента практически не развита, управленческие решения принимаются, как правило, руководителями предприятий на основе их личного опыта, т.е. субъективно. Кроме того, отставание российских предприятий от запада в области информатизации производства связано с отставанием самого производства, поэтому для предприятий первоочередным вопросом

является модернизация оборудования, в связи с чем информационные технологии выступают в роли составляющей новых технологий производства.

Основными проблемами функционирования промышленных предприятий на современном этапе являются: отсутствие оборотных и инвестиционных средств, значительная степень физического и морального износа основных фондов, низкая конкурентоспособность, слабый внутренний спрос, неэффективность механизмов финансового, научно-технологического, кадрового воспроизводства, неэффективность механизмов государственной поддержки, все большая утрата инновационного характера и др.

Проблемы, которые приходится решать при реализации проекта автоматизации системы управления, представляются достаточно типичными для большинства российских предприятий. Большинство потенциальных проблем не являются материальными и кроются внутри предприятий, в кадровой политике, в организации управления и т.п. В результате неготовности предприятий перейти к общепринятым в мировой практике стандартам управления руководством отвергаются западные прикладные пакеты.

В современных условиях к промышленным предприятиям предъявляется множество требований, ко многим из которых современное российское производство не готово. Требуется выпускать конкурентоспособную продукцию и систематически ее обновлять, обеспечивая надлежащий сервис в соответствии с требованиями рынка. Необходимо рационально использовать производственные ресурсы, систематически совершенствуя средства производства, технологические процессы, методы и способы организации труда на основе максимального использования автоматизированных систем управления.

Рынок информационных технологий в России характеризуется недостаточной разработанностью функционирования рынка информационных технологий управления экономикой предприятия, а также неразвитостью рынка консалтинговых, аутсорсинговых услуг и инжиниринговых исследований во взаимодействии с информационными технологиями. Кроме того, выявлено отсутствие опыта и готовых специалистов, а также практическое отсутствие готовых решений в области информационных технологий [1].

Российский рынок информационных технологий находится на этапе формирования потребностей по комплексной автоматизации, потому что на большинстве предприятий существует частичная автоматизация (каждое функциональное подразделение автоматизируется самостоятельно), решений получается много, и управлять становится невозможно. Поэтому именно сегодня возникает потребность в единой стратегии информатизации, единой стратегии системы управления предприятием.

Для организации функционирования предприятия необходимо использовать современные информационные технологии и производственное оборудование, которое позволяет автоматизировать процессы изготовления продукции. Наличие большого числа подразделений предприятия требует обязательного автоматизированного учета движения товарно-материальных ценностей для ускорения обработки их потоков и оптимизации складского запаса.

Информационные технологии в управлении современного промышленного предприятия представляют собой распределенную информационно-управленческую систему, обеспечивающую сбор, обработку и представление информации, предназначенной для информационно-аналитического обеспе-

чения принятия управленческих решений. Особенности информационно-аналитического обеспечения состоят в том, что информационные системы должны создаваться с учетом постоянной готовности к возможным преобразованиям и модернизации в управлении.

В настоящее время существует уже огромное количество различных информационно-аналитических систем. Их число постоянно увеличивается, причем, как ни парадоксально, но рынок дорогих и сложных систем насыщен гораздо больше, чем рынок систем малого и среднего масштаба. Так, например, компания Oracle лидирует среди независимых производителей бизнес-приложений и занимает 36 % этого рынка. Oracle E-Business Suite – это полнофункциональный комплекс интегрированных бизнес-приложений, который обеспечивает эффективное управление всеми аспектами деятельности предприятия: финансами, производством, кадрами, закупками, логистикой, маркетингом, продажами, обслуживанием, отношениями с поставщиками [5].

Oracle E-Business Suite обладает расширенными возможностями бизнес-анализа и учитывает специфические задачи различных отраслей.

Семейство модулей Oracle E-Business Suite бизнес-приложения для управления предприятием включает:

- управление эффективностью производства: обеспечивает повышение оперативности и обоснованности принимаемых решений, гибкость процессов стратегического и оперативного планирования, лучшее формулирование и реализацию стратегии развития на основе ключевых показателей деятельности, прозрачность и качество учета;

- управление материальными потоками: позволяет в режиме реального времени проводить планирование и моделирование работы цепочки поставок, включающей поставщиков, перевозчиков, подразделения предприятия;

- финансовые приложения Oracle: управляют внутренними и внешними денежными потоками и движением активов предприятия, при этом система обрабатывает тысячи проводок, рассчитывает налоговые обязательства, определяет показатели работы для отдельных подразделений, прогнозирует развитие предприятия и т.п.;

- систему управления персоналом: осуществляет контроль расходования средств, предоставляет оперативную информацию руководству, проводит анализ эффективности использования трудовых ресурсов;

- управление производством: является всеобъемлющим программным решением, предназначенным для управления предприятиями, а также для управления производствами;

- подсистему логистики: позволяет предприятиям управлять информацией и процессами, связанными со стадиями управления материальными потоками, начиная с входящих потоков (поступления от поставщика) и до отгрузки продукции и др. [5].

Внедрение бизнес-приложений для управления предприятием позволит: сократить время на обработку товара и документов, включая проверку наличия; ликвидировать ошибки учетчиков; перейти к управлению деятельностью в реальном масштабе времени; осуществить автоматизацию учета движения товарно-материальных ценностей, обеспечение наличия требуемой отчетности с заданной периодичностью и по требованию и многое другое.

Внедрение информационной системы будет способствовать инновационному развитию промышленных предприятий, повышению производительности аппарата управления, его надежности, адаптивности и гибкости, оперативности принятия управленческих решений. Эффект от внедрения проявляется также в том, что реализуется единая учетная политика, достигается прозрачность планирования и т.д.

Список литературы

1. **Багриновский, К. А.** Новые информационные технологии / К. А. Багриновский, Е. Ю. Хрусталева. – М. : ЭКО, 2006. – 229 с.
2. **Вендров, А. М.** CASE-технологии. Современные методы и средства проектирования информационных систем / А. М. Вендров. – М. : Финансы и статистика, 2008. – 176 с.
3. **Баронов, В. В.** Информационные технологии и управление предприятием / В. В. Баронов, Г. Н. Калянов, Ю. Н. Попов и др. – М. : Компания Айти, 2005. – 328 с.
4. **Максимович, Г. Ю.** Автоматизация информационного обеспечения управления / Г. Ю. Максимович, В. И. Берестова // Секретарское дело. – 2005. – № 11. – С. 25–27.
5. URL: <http://www.oracle.com>

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет

E-mail: management@pnzgu.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
dean of the faculty of economics
and administration, Penza State University

Сергеева Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента, Пензенский
государственный университет

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

Sergeeva Irina Anatolyevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management,
Penza State University

УДК 637.5

Володин, В. М.

Инновационное развитие промышленных предприятий и информационные технологии управления / В. М. Володин, И. А. Сергеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 175–182.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. Приведены теоретические основы государственного воздействия и саморегулирования. Выявлены основные проблемы функционирования промышленности региона и Российской Федерации в целом. Определены направления формирования промышленной политики, основанные на рациональном сочетании мероприятий государственного воздействия и саморегулирования процесса развития промышленности региона. Обоснована необходимость создания промышленными предприятиями организаций саморегулирования. Определены преимущества саморегулирования по сравнению с мерами государственного воздействия.

Ключевые слова: государственное воздействие, промышленность региона, организации саморегулирования, преимущества саморегулирования.

Abstract. The article presents theoretical foundations of the state influence and self-regulation. The authors reveal the main problems of the industry of the region and of the Russian Federation on the whole. The article determines directions of formation of industrial policy, based on a rational combination of activities of state regulation and self-regulation of the process of development of the industry of the region. The necessity of creation of organizations of self-regulation by the industrial enterprises is proved. The authors determine the advantages of self-regulation in comparison with the measures of the state influence.

Key words: state influence, industry of the region, self-regulating organizations, advantages of self-regulation.

Системное решение комплекса задач по переходу российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития, предлагавшееся в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», сдерживается рядом проблем функционирования предприятий различных сфер экономики.

Основными проблемами функционирования промышленности региона, как и в целом по стране, являются: отсутствие оборотных и инвестиционных средств, значительный физический и моральный износ основных фондов, низкая конкурентоспособность, низкая доля в экспорте продукции обрабатывающих отраслей, слабый внутренний спрос, неэффективность механизмов государственной поддержки, утрата инновационного характера развития производства, не сбалансированная с промышленной тарифная политика в естественных монополиях и др.

Кроме того, не выполняется ряд требований, предъявляемых к промышленным предприятиям, и в частности: необходимость выпуска конкурентоспособной продукции и систематического ее обновления, обеспечения надлежащего сервиса в соответствии с требованиями рынка, рационального использования производственных ресурсов при систематическом совершен-

ствовании средств производства, технологических процессов, методов и способов организации труда, максимального использования автоматизированных систем управления.

В сложившихся условиях задача государства состоит в том, чтобы гарантировать правовую защиту отечественного промышленного производства и с этой целью ограничить сферу влияния монопольных структур. Обоснования выработки мер по демонополизации рынка требует и тенденция развития государственных монополий.

Однако повышение эффективности деятельности промышленных предприятий невозможно без применения саморегулирования, так как только рациональное сочетание государственного воздействия и саморегулирования воспроизводственного процесса будет способствовать развитию промышленного комплекса.

Государственное регулирование и саморегулирование всегда находятся во взаимодействии. Саморегулирование осуществляется в рамках действующего законодательства [1, 2], является легитимным и фактически замещает государственное регулирование. Нормы саморегулирования дополняют и конкретизируют действующее законодательство, а также ужесточают требования к участникам рынка по сравнению с требованиями законодательства.

Взаимодействие государственного регулирования и саморегулирования осуществляется путем передачи части полномочий государственных органов организациям саморегулирования, причем государство является инициатором создания организаций саморегулирования, принимая соответствующие нормативные акты или создавая организационные и политические условия для их деятельности [1, 2].

Саморегулирование проявляется не только через систему рыночных отношений, но и через возможность создания самими предприятиями организаций саморегулирования, отстаивающих их экономические интересы.

Организации саморегулирования устанавливают для своих членов более жесткие нормы поведения, чем требуется законодательством. Подобное ужесточение норм служит позитивным фактором в конкурентной борьбе, так как организации, соблюдающие жесткие условия, оказываются более привлекательными для взаимодействия с партнерами. Когда государство вводит жесткие нормы регулирования, организациям саморегулирования выгодно заранее ввести более жесткие стандарты деятельности. Подобные меры показывают, что бизнес сам в состоянии эффективно контролировать рынок и дополнительного государственного вмешательства не требуется, так как организации саморегулирования обладают преимуществами в плане обеспечения эффективного контроля участников рынка.

Саморегулирование предполагает установление определенных формализованных «правил игры» участников рынка, включая санкции за нарушение этих правил, механизмы разрешения конфликтов между участниками рынка, которые в определенной степени ограничивают свободу экономических агентов [3]. Установление правил игры, а также разрешение конфликтов осуществляется самими участниками рынка, без прямого вмешательства государства. С этой целью ими создаются специальные организационные структуры – организации саморегулирования, которым и делегируются определенные полномочия и часть прав экономических агентов.

Одной из целей организаций саморегулирования является представительство и защита интересов производителей во взаимоотношениях с государством и другими общественными силами. Защита интересов производителей во взаимоотношениях с государством чрезвычайно важна, так как ведомственные инструкции часто не просто затрудняют нормальную работу производителей, но и противоречат друг другу. Отдельные организации не всегда могут и готовы спорить с государством, объединениям же производителей делать это значительно легче. Поэтому в качестве важной задачи организаций саморегулирования следует указать защиту законных интересов производителей во взаимоотношениях с государством.

Организационно-правовой формой организаций саморегулирования являются различные виды некоммерческих организаций.

Саморегулирование реализуется через создание участниками рынка специальных структур и делегирование им части полномочий, в том числе право контроля за соблюдением «правил игры», применения санкций за нарушение этих правил и разрешения споров как между участниками рынка, так и с аутсайдерами [3].

Организация саморегулирования – добровольное объединение региональных производителей продукции на основе членства, взаимно заинтересованных в предоставлении самим себе, как владельцам организации, необходимых услуг на некоммерческой основе. Организация саморегулирования осуществляет юридическую, консультационную и прочую деятельность посредством совместного участия своих членов. Руководство осуществляют ее члены на демократической основе.

Организация саморегулирования имеет свой внутренний устав и самостоятельную учетную политику. Деятельность организации саморегулирования предполагает финансовые обязательства со стороны ее членов. Необходимо, чтобы члены осознавали свои финансовые обязательства и понимали, почему в организацию саморегулирования требуется вкладывать средства, когда в других организациях это не требовалось бы. Их решение вступить в организацию саморегулирования или даже участвовать в самом ее создании во многом определяется их способностью и готовностью вложить в нее необходимые средства [4].

Регулирование всех аспектов деятельности организации саморегулирования отнесено на усмотрение ее членов и закреплено внутренним уставом, так как в ее основе лежат интересы производителей, их проблемы и трудности. Через интересы проявляются организационно-экономические отношения субъектов.

В процессе развития производства рыночное саморегулирование и государственное воздействие на развитие промышленного производства строится на механизме товарно-денежных отношений.

Развитие саморегулирования в России происходит в рамках существующей правовой системы. Однако положения, касающиеся деятельности организаций саморегулирования, рассредоточены по разным нормативным актам, что сдерживает их деятельность при отстаивании интересов своих членов.

Принципиальное различие между развитием саморегулирования в развитых странах и в России заключается в том, что в развитых странах оно возникло, как правило, в условиях отсутствия государственного регулирования,

тогда как в России государственное регулирование присутствует практически везде и направлено на его замещение [5].

В отличие от развитых стран, в России при переходе к рыночным отношениям регулирование сохранилось за государством. Государственное регулирование оформилось системой лицензирования огромного количества видов деятельности. При этом государство не несло и не несет финансовой ответственности за возможный ущерб в регулируемых областях. В связи с тем, что создание системы регулирования рассматривается только в отношении отказа от избыточного государственного регулирования, переход к саморегулированию крайне затруднен [5].

В России фактически отсутствуют традиции легального внесудебного урегулирования споров между формально равноправными участниками экономической деятельности. В силу этого требуется внешний толчок. Стимулами создания и активного функционирования организаций саморегулирования становятся чрезмерное давление на бизнес со стороны государства или потребителей и стремление предпринимателей выработать правила и наказывать нарушителей, которые могут спровоцировать новую волну вмешательства в дела бизнеса [5].

Защита коллективных интересов промышленных предприятий во взаимодействии с государственными органами является одной из важных функций организаций саморегулирования. Необходимость защиты прав производителей в сфере финансовых услуг служит толчком к объединению юридических лиц и их самоорганизации. Основным содержанием деятельности организаций саморегулирования является: выработка «правил игры» на принципах кооперативной идеологии, разработка системы стандартов и норм, их внедрение путем разработки документов для организации и функционирования организаций саморегулирования.

Таким образом, применительно к сложившейся в стране экономической ситуации важнейшим условием развития промышленного комплекса является создание организаций саморегулирования.

Создание организаций саморегулирования наряду с созданием финансовых, организационных и правовых условий для осуществления товарного и технологического прорыва в потенциально конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках отраслях и производствах должно стать одним из направлений реализации промышленной политики региона.

Стратегия создания таких структур состоит в том, чтобы оптимизировать имеющийся производственный потенциал под требования рынка, опираясь на достижения научно-технического прогресса, создавать новые продукты и технологии или, имея конкурентоспособную продукцию, осваивать зарубежные рынки сбыта, стабильно наращивая объемы производства.

Промышленный комплекс области представлен следующими отраслями: машиностроение и металлообработка (32,5 % в общей структуре промышленного производства), пищевая (около 26 %), лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (более 10 %), медицинская (3 %), легкая (около 2 %). Доля электроэнергетики в общей структуре промышленного производства составляет более 13 %, предприятий прочих отраслей промышленности – около 13,5 %.

В составе промышленного комплекса – более 1500 предприятий. В промышленности производится до четверти объемов валового регионального продукта, работают около 100 тыс. человек.

Отрасль *машиностроения* области представлена более чем 30 крупными и средними предприятиями. Важнейшими видами машиностроительной продукции являются тяжелое химическое оборудование и промышленная запорная арматура, металлорежущие и деревообрабатывающие станки, дизели, воздушные и газовые компрессоры, автомобильные прицепы, бензовозы и спецавтомобили и многое другое.

Оборонно-промышленный комплекс области включает в себя 12 предприятий, специализирующихся на разработках и производстве изделий военной техники, атомной энергетики, радиоэлектроники, средств связи и вычислительной техники, автоматизированных систем управления.

Значительные объемы промышленного производства области занимают товары культурно-бытового назначения, в том числе велосипеды, светильники, изделия из хрусталя и стеклянная посуда, часы и прочая продукция.

Среди отраслей промышленности наиболее конкурентоспособными являются:

- машиностроение, нацеленное на удовлетворение потребностей нефтегазового комплекса, железнодорожного транспорта, атомной промышленности;

- приборостроение, обеспечивающее потребности оборонного комплекса, авиационной и ракетно-космической промышленности.

Исходя из целевых ориентиров, заданных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., в Пензенской области была разработана Стратегия социально-экономического развития на долгосрочную перспективу (до 2021 г.), приоритетными задачами которой являются:

- интенсивное технологическое обновление базовых секторов экономики;

- развитие высокотехнологичных секторов с высокой добавленной стоимостью.

На инновационное развитие экономики Пензенской области направлены в основном мероприятия государственного регулирования (47 региональных программ). В основном упор делается на создание новой импортозамещающей и экспорто-ориентированной наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Кроме того, особое внимание уделяется повышению конкурентоспособности продукции за счет технического перевооружения производства, внедрению инноваций, дальнейшему развитию инфраструктуры промышленности, повышению инвестиционной активности организаций промышленности. Однако мероприятия государственного регулирования необходимо осуществлять в сочетании с саморегулированием развития экономики региона.

Создание промышленными предприятиями региона организации саморегулирования позволит не только рационально использовать их инфраструктуру, но и обеспечить выполнение следующих функций:

- информационное обеспечение по вопросам конъюнктуры рынка (цен, количества, каналов реализации и форм расчетов, спроса);

- помощь в заключении договоров (продажи);

- юридическое обеспечение сделок;
- контроллинг;
- организация электронной коммерции;
- помощь в кредитовании;
- помощь в организации транспортировки и хранения продукции;
- организация рекламы и т.д.

Саморегулирование призвано проводить рациональную организацию ценообразования, оптимальное распределение бюджетных средств и привлекаемых ресурсов, достигать гибкости налогообложения, обеспечивать реализацию антимонопольных мер, разрабатывать законы и контролировать ход их выполнения, нести ответственность за выполнение договорных обязательств по поставкам продукции.

Современное российское законодательство не создает препятствий для развития саморегулирования. В то же время совершенствование законодательства о саморегулировании может придать этому процессу дополнительный стимул. При совершенствовании законодательства необходимо введение федеральным законом новой организационно-правовой формы некоммерческих организаций – «организации саморегулирования» с более четким определением их прав, а также обязанностью государственных органов с ними взаимодействовать.

Государство через систему лицензирования контролирует организации саморегулирования, а не напрямую производителей. В настоящее же время, наряду с системой лицензирования, большее предпочтение в области саморегулирования должно отдаваться страхованию ответственности.

Свободная конкуренция, опирающаяся на принципы экономического равновесия и дифференциации доходов, обуславливает повышение эффективности производства в промышленности только при развитии организаций саморегулирования. Саморегулирование по сравнению с государственным регулированием позволяет в развитии производства использовать ряд преимуществ:

- нормы саморегулирования гибче норм, устанавливаемых государством, легче адаптируются к изменяющимся обстоятельствам, позволяют быстро заполнить имеющиеся пробелы в законодательстве;
- производители имеют больше легальных возможностей воздействовать на нормотворчество и на политику организаций саморегулирования, чем на политику государственных органов, в том числе путем выборов руководящих лиц организаций саморегулирования и голосованием;
- механизмы разрешения споров дешевле для сторон и занимают меньше времени, чем судебное разбирательство;
- процедуры разрешения споров лучше адаптированы к условиям конкретной сферы и особенностям трансакций между участниками рынка, чем стандартные судебные процедуры;
- для государства возможна экономия бюджетных средств, если определенные функции государственных органов передаются органам саморегулирования.

Для того чтобы саморегулирование стало более эффективной формой, чем государственное регулирование, необходимы следующие условия:

– саморегулирование должно поддерживать высокие стандарты функционирования бизнеса в сфере промышленного производства, т.е. иметь разработанный свод правил, систему контроля за их соблюдением и применения санкций;

– саморегулирование не должно создавать препятствия эффективной конкуренции на рынке;

– саморегулирование не должно обеспечивать соблюдение интересов собственно членов организации в ущерб общественным интересам.

При этом важно, чтобы запланированные мероприятия по созданию условий выполнялись своевременно, полностью и при согласовании интересов как по уровням управления (по вертикали), так и по обеспечению пропорций между ресурсами в техпроцессе (по горизонтали).

Некоммерческая организация создается по инициативе промышленных предприятий Пензенской области при поддержке Министерства Пензенской области для консолидации усилий, координации деятельности, представления и защиты общих интересов производителей, участников рынка промышленной продукции.

Основные цели организации саморегулирования: содействие органам государственной власти Пензенской области в формировании и реализации промышленной политики региона; защита установленных законодательством прав производителей и потребителей при регулировании, производстве и реализации продукции на рынке; содействие созданию и обоснованию стратегии развития Пензенской области до 2021 г.; представление деятельности и защиты общих интересов членов организации саморегулирования на региональном рынке; содействие повышению конкурентоспособности их продукции на основе внедрения наукоемких, высокоэффективных технологий.

Организация саморегулирования выполняет следующие основные задачи:

– координирует работу операторов рынка промышленной продукции; осуществляет их взаимодействие с органами государственной власти по проблемам, возникающим в области организационно-экономических отношений;

– участвует в разработке и реализации региональных программ развития промышленности совместно с органами государственной власти Пензенской области, в разработке нормативных актов, регламентирующих порядок стандартизации и сертификации продукции;

– содействует внедрению новых высокоэффективных отечественных и зарубежных разработок и достижений в области промышленного производства. Формирует общественное мнение в пользу потребления продукции, произведенной в регионе;

– осуществляет научно-техническое сотрудничество с зарубежными организациями и фирмами.

Структура организации саморегулирования производителей промышленной продукции Пензенской области представлена на рис. 1.

Органами управления являются: Съезд, Совет и Правление. Руководящим органом, работающим в перерывах между Съездами, является Совет, осуществляющий права юридического лица и действующий от имени организации саморегулирования. Совет избирается сроком на пять лет.

По нашему мнению, когда будет создана организация саморегулирования, она реально будет решать проблемы промышленных предприятий.

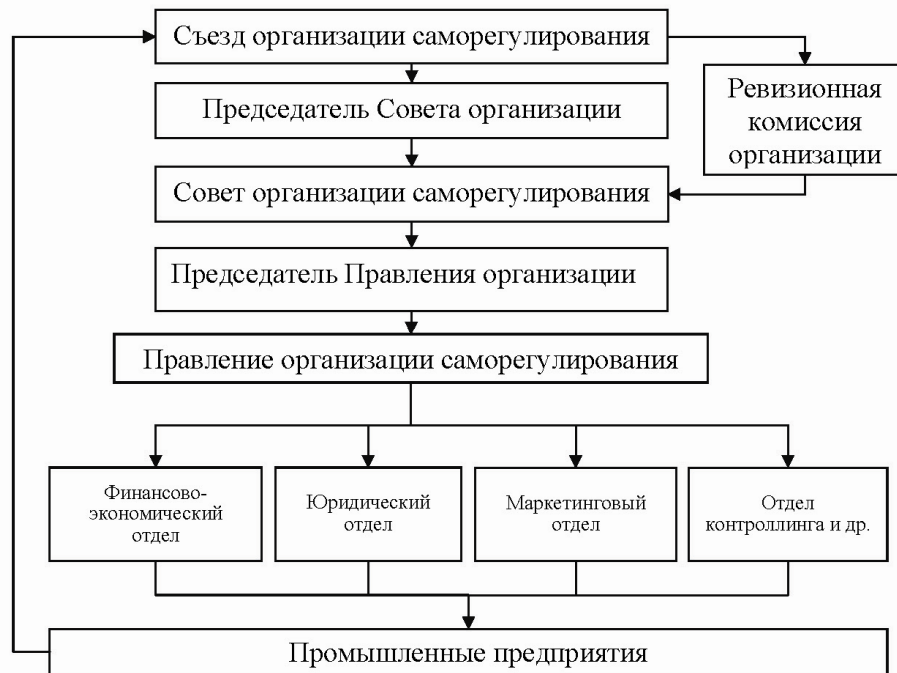

Рис. 1. Структура организации саморегулирования Пензенской области

В связи с этим нами рекомендуется создание в Пензенской области организации саморегулирования, через которую будет осуществляться разрешение споров, возникающих в связи с профессиональной деятельностью ее участников. Кроме того, вступление в организацию саморегулирования дает промышленному предприятию право указывать в информационных, рекламных и других материалах тот факт, что оно является членом соответствующей организации саморегулирования. Этот факт обеспечивает увеличение спроса на продукцию, повышение ее конкурентоспособности, способствует завоеванию новых рынков, так как предприятие, входящее в состав организации саморегулирования, предоставляет определенные гарантии потребителям своей продукции.

Список литературы

1. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».
2. **Кайль, А. Н.** Комментарий к Федеральному закону от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) / А. Н. Кайль, А. А. Батяев // КонсультантПлюс. – 2009.
3. Саморегулирование : пособие для предпринимателей / под общ. ред. П. В. Крючковой. – URL: <http://www.nisse.ru>
4. **Кузнецов, О. В.** Саморегулируемые организации : науч.-практ. пособие / О. В. Кузнецов, С. С. Стрельников, Т. Э. Зульфугарзаде, В. Е. Федотов ; под общ. ред. О. В. Кузнецова. – М. : Финакадемия, 2009.
5. **Федотова, М. А.** Проблемы саморегулирования в России / М. А. Федотова, А. Н. Ряховская, И. Ф. Ветрова. – СПб. : Эффективное антикризисное управление, 2010. – № 4.

Сергеева Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента, Пензенский
государственный университет

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

Sergeeva Irina Anatolyevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management,
Penza State University

Крутова Любовь Ивановна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и мировой экономики, Пензенский
государственный университет

E-mail: econm@pnzgu.ru

Krutova Lubov Ivanovna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and world
economy, Penza State University

УДК 637.5

Сергеева, И. А.

Развитие промышленности региона: государственное воздействие и саморегулирование / И. А. Сергеева, Л. И. Крутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 183–191.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Проанализировано соотношение между моделями социальной политики и особенностями социально-экономической системы конкретного общества. Автор рассматривает некоторые трудности перехода от принципов социальной опеки, присущей советской социально-экономической системе, к принципам социальной защиты.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социально-экономическая система, патернализм в экономических отношениях.

Abstract. The article analyzes the correlation between the models of social policy and the peculiarities of the social-economic system of a particular society. The author considers the challenges of transfer from the principles of social custody, characteristic of the soviet social-economic system, to the principles of social security.

Key words: social policy, social security, social-economic system, paternalism in economic relations.

В содержании всех проблем общественно-экономического развития практически всегда присутствует социальная составляющая. Это особенно относится к проблемам, которые должны решаться в ходе трансформации социально-экономического строя. Социальная политика в реформируемом обществе призвана решать целый комплекс особенно сложных и иногда противоречивых задач, и от ее результативности зависит очень многое. Можно сказать, что содержание социальной политики и ее результаты в очень большой степени участвуют в формировании модели экономической системы, принципов ее существования. Современные российские экономисты совершенно справедливо подчеркивают в этой связи, что «...важнейшей основой экономики является человеческая доминанта, социальная справедливость» [1, с. 83].

В свою очередь принципы функционирования каждой социально-экономической системы не могут не влиять на содержание социальной политики – и не только с точки зрения объема социальных льгот, предоставляемых государством, но и с точки зрения самого характера социально-экономических взаимоотношений в системе «государство – общество», реализуемых в данной сфере.

Исторически сложилось так, что социальная политика в нашей стране чаще всего ассоциируется исключительно с проблемами социальной защиты населения. Так называемая «социалка» традиционно воспринимается как сфера, связанная с проблемами малоимущих, пенсионеров, инвалидов, «чернобыльцев», больных и т.д. Это особенно характерно для регионального общественного мнения. Действительно, при всем многообразии факторов, которые оказывают влияние на уменьшение бедности в регионах, можно отметить, что справиться с бедностью основной группе регионов не удастся, и ее уровень остается очень высоким. Именно он, прежде всего, порождает избыточное экономическое неравенство в регионах [2, с. 59].

Тем не менее такое сужение данного понятия вряд ли продуктивно. Основные принципы социального государства предполагают не только заботу властей о минимально достойном уровне жизни для тех категорий населения, которые по каким-то причинам не могут самостоятельно приспособиться к жестким условиям рынка. В самом полном смысле этого слова «социальность» государства означает его ответственность за воспроизводство социальной солидарности, его готовность и способность влиять на социальную структуру таким образом, чтобы «конфигурация» этой структуры не выводила общество из зоны стабильности.

При этом стоит подчеркнуть, что в современных условиях социальное государство по определению представляет собой своеобразный синтез несовпадающих и в некотором смысле противоречивых принципов. Она направлена на достижение компромисса между принципом повышения эффективности производства и соблюдением нравственных критериев распределения [3, с. 129].

Цель социальной политики российского государства – формирование социально благополучного общества, в котором нет нищеты и чрезмерных разрывов в доходах различных групп населения, достигнут достойный жизненный уровень и качество жизни, налицо достаточная степень общественного согласия и общественной солидарности, а социальные противоречия разрешаются без острых конфликтов. Вместе с тем нельзя забывать и о чисто экономических функциях социальной политики: та же избыточная бедность может напрямую ухудшать экономическую атмосферу в обществе, сужая объем платежеспособного спроса на целый ряд товаров и услуг, а также провоцируя формирование так называемых «теневых рынков».

Миссией государства в современном обществе является обеспечение его существования в условиях баланса, компромисса множества индивидуальных и групповых социально-экономических интересов [4, с. 39]. Она по своей природе социальна, так как связана с созданием условий для достижения общих целей и сохранения коллективных форм человеческого бытия при обеспечении экономической свободы и максимальной реализации потенциала граждан и их ассоциаций.

Анализ процессов становления социального государства свидетельствует о том, что постепенная трансформация классического либерального государства со временем привела к изменениям фундаментального характера, затронувшим основы функционирования государства и изменившим его предназначение в обществе. Позиция полного невмешательства государства в сферу регулирования социально-экономических отношений сменилась новой формой организации государства, в соответствии с которой его основной целью стало обеспечение достойных условий жизни для всех членов общества за счет расширения социальных функций посредством использования множества рычагов воздействия на социально-экономическую сферу. Используя эти рычаги, поддерживая частную инициативу и ответственность граждан, социальное государство создает условия для обеспечения справедливости в сочетании частных интересов и интересов всего общества через механизмы рынка, не допуская высокого социального расслоения общества и сильного разрыва в уровне жизни граждан [4, с. 39].

В процессе формирования социального государства постепенно отработывались и закреплялись основные формы государственного вмешательства (правовое и финансовое регулирование, перераспределение общественных ресурсов, производство социальных услуг и т.д.). Институционализировались способы и механизмы регулирования социально-экономических отношений, среди которых: перераспределение и регулирование доходов и заработной платы; регулирование занятости и безработицы; поддержка частной инициативы и малого предпринимательства; развитие обязательного социального страхования, систем социального обеспечения, помощи малоимущим и нетрудоспособным гражданам, систем пенсионного обеспечения, государственных систем образования и здравоохранения.

Проблемы, стоящие перед современной Россией в данной сфере, весьма специфичны, прежде всего в силу того, что у нас имеет место достаточно резкий переход от радикально-патерналистской социально-экономической системы к либеральной, что не может не вызывать появления целого ряда сложностей социокультурного характера. С этой точки зрения стоит детально рассмотреть различия между моделями социальной политики в условиях советского и современного российского обществ.

Советская модель социальной защиты соответствовала основным стандартам традиционного общества и основывалась на патерналистских принципах. Суть этих принципов заключалась в том, что в обществе как бы воспроизводилась атмосфера большой патриархальной семьи, в которой роль «отца», «хозяина» играли государственные и окологосударственные институты. При господстве подобных представлений, с одной стороны, от государства ждут определенной заботы о своих подданных, а с другой – воспринимают как должное претензии власти на своеобразный моральный надзор за гражданами, на некоторую долю деспотизма. И уровень заботы, и уровень деспотизма при этом регулируются в основном негласными традициями, обладающими сильнейшей принудительной силой как по отношению к подданным, так и по отношению к представителям власти.

Эта сила наиболее ярко проявлялась в том, что издавна существующие порядки и достижения (в том числе уровень социальной защиты) с огромным трудом подвергаются пересмотру даже в условиях, когда они вроде бы становятся излишними, неуместными и т.д. Характерный пример – отказ советского руководства от повышения цен на основные продукты питания в ситуации, когда рост платежеспособного спроса обгонял рост производства этих продуктов: массовый дефицит, очереди, знаменитые «колбасные электрички» и даже элементы нормированного распределения воспринимались как меньшее зло благодаря тому, что они оказались более укоренены в советской традиции, чем резкое или постоянное повышение цен (заметим, что во многих европейских коммунистических странах дело обстояло прямо противоположным образом – но опять же в силу явной «нетрадиционности» массовых очередей в этих странах). Аналогичные причины обуславливали и такое общеизвестное явление, как многолетнее сохранение исключительно низкой квартплаты в СССР. Разумеется, свою роль играло и пропагандистское противостояние между советской системой и Западом, но, по нашему мнению, эта роль в данном случае была второстепенной.

Еще одним проявлением силы традиций в патерналистской системе являлся фактический приоритет традиций перед законом в тех случаях, когда речь шла о сложившемся образе «заботливого отца» в лице государства либо его представителей. Скажем, многие помнят явное несоответствие между довольно жестким содержанием известной статьи 33 советского КЗОТ, которая позволяла администрации увольнять работника после двух зафиксированных нарушений трудовой дисциплины в течение года, и реальной правоприменительной практикой по данной статье: на самом деле быть уволенным «по тридцать третьей» имели шанс чаще всего лишь те, чье поведение было уж совершенно скандальным. Даже работники, явно конфликтующие с начальством, нередко защищались парткомом, профсоюзом, «коллективом», брались на поруки и т.д.

При этом нельзя сказать, что тот же профсоюз был некоей силой, реально противостоящей администрации. В советское время профсоюз был не менее «карманным», чем сейчас; на самом деле работника защищало именно традиционное представление о том, что любой уволенный – это «позорное пятно на коллективе» и фактически свидетельство недоработки власти. Здесь мы можем провести прямую аналогию с положением отца-патриарха, который не может бросить на произвол судьбы даже непутевого сына, если его поведение не выходит за традиционные рамки того перечня проступков, который в социологии относят к так называемой *первичной девиации*.

Заметим, кстати, что даже защита от угрозы безработицы, хотя и гарантировалась в советской конституции, но на самом деле обеспечивалась не юридическими методами (соответствующая конституционная гарантия фактически не была подкреплена четкими правовыми стандартами), а скорее идеологическими традиционными установками, господствующими в культуре тогдашнего общества, и, разумеется, соответствующим экономическим строем.

При этом советские механизмы социальной защиты были вписаны в сложную систему всеобъемлющего властного контроля за поведением человека: оборотной стороной социальной защищенности советских граждан был «отеческий» надзор за ними (уголовное преследование за тунеядство, принудительное лечение от алкоголизма, формальная и полуформальная деятельность партийных, профсоюзных, молодежных и прочих идеократических организаций в сфере социального контроля над личностью, «товарищеские суды» и т.д.).

Строго говоря, советский вариант социальной политики базировался не на принципах социальной защиты, а на принципах социальной опеки. Именно эта особенность советского общества, а отнюдь не объем социальных выплат и гарантий в первую очередь проводит границу между прежней социальной политикой и ее современной моделью, ориентированной на реализацию так называемых «субсидиарных» принципов [5, с. 44].

Говоря о трудностях перехода от одной системы социальной защиты к другой, необходимо иметь в виду не только «дистанцию» между прежними и новыми принципами, на которых строятся эти системы. Само представление о дистанции незаметно редуцирует рассматриваемую проблему до уровня «социальной механики», выводя на первый план вопросы о необходимости

особой «политической воли к реформам» или, напротив, о желательности «постепенной трансформации». Между тем, возможно, гораздо более важная проблема связана с опасностью негативной конвергенции двух систем, при которой появляющиеся институциональные «гибриды» соединяют в себе далеко не самые функциональные характеристики исходных социальных моделей. Подчеркнем, что такие «гибриды» возникают не столько из-за противоречий в законодательстве, сколько из-за наложения новых правовых стандартов на старую культуру. При этом речь идет как о культуре граждан, являющихся адресатами социальной политики, так и о культурных установках элитных и, в особенности, бюрократических групп, от которых зависит реализация этой политики.

Так, многие формы социальной защиты (к примеру, пособия по безработице), взятые изолированно, вне системы идеократического контроля над личностью, могут провоцировать фактическое иждивенчество: в нашем культурном контексте (особенно в провинции) человек, «сидящий на пособии» и имеющий некоторые, пусть небольшие, возможности для получения дополнительных доходов, отнюдь не всегда воспринимает себя в качестве неудачника. И это его мнение довольно часто поддерживают окружающие, выросшие в условиях патерналистской системы. Современной России приходится пока только нащупывать варианты решения этого своеобразного парадокса современного социального государства: тотальный патернализм в таком государстве невозможен, а серьезная реализация принципа социальной защищенности граждан в нашем культурном контексте иногда действительно может оборачиваться социальным иждивенчеством.

С другой стороны, если говорить о государственных и муниципальных структурах, непосредственно отвечающих за реализацию социальной политики, вполне можно констатировать наличие взрывоопасной смеси из классического «западного» подхода к *сущности и объему* социальной защиты (разумеется, с поправкой на бедность нашего государства) и традиционно патерналистского *стиля* оказания публичных услуг в этой сфере. Столь же нестандартно сочетание «карманных» профсоюзов («советский» признак) с отсутствием или ослаблением традиционалистских, внеправовых барьеров, ограничивающих свободу рук предпринимателей и администрации предприятий («западный» признак).

Список литературы

1. **Савченко, П.** Человеческая доминанта в современных условиях / П. Савченко, М. Федорова // *Экономист*. – 2009. – № 3.
2. **Беляева, Л. А.** Социальная стратификация и бедность в регионах России / Л. А. Беляева // *Социологические исследования*. – 2006. – № 9.
3. **Петросян, Д.** Экономический эгоизм и гуманизация экономики / Д. Петросян, Н. Фаткина // *Вопросы экономики*. – 2010. – № 8.
4. **Константинова, Л. В.** Социальная политика: штрихи к социологической концепции // *Социологические исследования*. – 2005. – № 2.
5. **Любимцев, Ю.** Социальная реформа «субсидиарного государства» / Ю. Любимова, Е. Быкова // *Экономист*. – 2010. – № 12.

Воробьев Владимир Павлович

доктор социологических наук,
профессор, кафедра государственного
управления и социологии региона,
Пензенский государственный
университет

E-mail: vvp@sura.ru

Vorobyov Vladimir Pavlovich

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of public administration
and regional sociology, Penza
State University

УДК 334.02

Воробьев, В. П.

Трансформация института социальной политики в условиях перехода к новой социально-экономической системе / В. П. Воробьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 192–197.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОПОСТАВИМОСТИ ДАННЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОМЫШЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье раскрываются проблемы обеспечения сопоставимости данных в сравнительном экономическом анализе. Авторами предлагается к классическим приемам добавить применение пороговых значений исследуемых критериальных показателей, а также ряд других направлений для решения данных проблем.

Ключевые слова: сопоставимость, анализ, сравнение, группировка.

Abstract. The article reveals the problems of providing comparability of data in comparative economic analysis. The authors suggest to add to classic methods the implementation of threshold values of criterion rates under investigation, as well as a number of other methods to solve the given problems.

Key words: comparability, analysis, comparison, grouping.

Сопоставимость показателей – методологическая основа сравнительного экономического анализа, так как сравнение несопоставимых данных может привести к ошибочным результатам и, соответственно, к неверным управленческим решениям. Под сопоставимостью принято понимать обеспечение условий для проведения сравнения одних показателей с другими с целью получения обоснованных выводов.

Сопоставимость данных определяется двумя группами объективных факторов. Первую из них составляют факторы, которые полностью зависят от анализируемого показателя и оказывают решающее влияние на сопоставимость. Ко второй группе относятся факторы формальной сопоставимости, состав которых постоянен и не зависит от целей сравнительного анализа.

Общепризнано, что при проведении экономического анализа важно выполнить ряд условий, обеспечивающих сопоставимость всех используемых показателей, именно в этом заключается обеспечение научной достоверности выводов по результатам анализа.

Проблема обеспечения сопоставимости включает решение нескольких вопросов:

- 1) выявление показателей, отличающихся условиями их формирования, которые необходимо элиминировать в сравнительном экономическом анализе;
- 2) выделение видов различий, требующих устранения до начала сравнительного анализа или в ходе его проведения;
- 3) выбор методов и приемов, используемых для обеспечения сопоставимости данных.

Проблема сопоставимости заключается не только в выявлении видов различий (и отражающих их показателей), которые необходимо элиминировать, выборе методов и приемов, используемых в обеспечении сопоставимости, но и в определении последовательности их устранения – до начала анализа или в ходе его проведения. Эта проблема должна решаться в зависимости от задач конкретных видов сравнительного экономического анализа.

Известен ряд аналитических приемов, позволяющих обеспечить необходимую сопоставимость данных: детализация, способ разниц, группировка, прием цепных подстановок, дифференцирование, интегрирование, исключение несопоставимых элементов, корреляция, перегруппировка данных, корректировка показателей с помощью коэффициентов; одинаковые периоды наблюдения; приведение к одинаковым единицам измерения и др.

По-нашему мнению, к вышеперечисленным приемам следует добавить применение в сравнительном экономическом анализе промышленных организаций пороговых значений исследуемых критериальных показателей с целью достижения сопоставимости итоговых значений целевых, комплексных и консолидированных рейтингов при их построении. Пороговые значения коэффициентов должны изменяться при сравнении организаций различных сфер деятельности. Таким образом, будут достигаться сопоставимость показателей и точность полученных результатов.

Задача обеспечения сопоставимости данных об исследуемых организациях связана с определенными трудностями для аналитика, поскольку доступ к полной и достоверной информации может быть ограничен или недоступен. Одной из таких трудностей, в частности, является отсутствие информации о теневом бизнесе в официальной бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Одна из основных проблем, возникающих на пути к достижению сопоставимости информации в сравнительном экономическом анализе, унаследована еще от плановой экономики. Так, центральной и наиболее сложной методологической проблемой межзаводского анализа считалось определение границ сравнимости (сопоставимости) предприятий или степени однородности, которая необходима для проведения такого анализа. Для решения проблемы выделялось несколько условий проведения сравнительного анализа. Границы сравнимости зависели от конкретных целей и задач сравнительного анализа; сравнимость определялась для решения практических задач по управлению производством; в качестве объектов сравнительного анализа выделялись предприятия, цеха, отдельные производства, изделия; обязательное проведение сравнений уровней эффективности в динамике. Для каждой задачи межзаводского анализа необходимо было строить свою систему сравнимости, поскольку сравнимость определяется действием одних и тех же объективных факторов, а различия касались лишь ее количественных оценок, связанных с решением конкретных задач. По-нашему мнению, система сравнимости или сопоставимости действительно может различаться, но не для каждой задачи, а для направлений сравнительного экономического анализа промышленных организаций.

Б. И. Майданчик [1, с. 33] предложил методы ранжирования границ сравнимости. При этом должны были выполняться условия зависимости уровня сравнимости от трех признаков – однородности выпускаемой продукции, масштабов выпускаемой идентичной продукции, размеров предприятия. При применении данного метода можно рассчитывать частичные уровни (коэффициенты) сравнимости как средний удельный вес идентичной продукции по формуле простой арифметической и устанавливать количественные значения уровня сравнимости для соответствующих отраслей. На основе частных коэффициентов сравнимости, которые варьируют от 0 до 1, определялся общий коэффициент сравнимости (как их произведение), а по каждому частно-

му коэффициенту сравнимости устанавливалась минимально допустимая величина. Если соответствующая величина частичного уровня сравнимости ниже допустимой, то анализируемая группа объектов (предприятий) классифицировалась как неоднородная, что могло привести к неверным выводам об уровне эффективности и величине резервов.

На выбор объектов сравнения также оказывают влияние и различия в сравниваемых показателях, число однородных предприятий, их тип производства. По-нашему мнению, в современных условиях трансформации сравнительного экономического анализа применение метода ранжирования границ сравнимости нецелесообразно, поскольку есть неясность в его применении и предназначении для оценки вероятности верного или неверного вывода в новых условиях хозяйствования. Предлагается другое, на наш взгляд, наиболее приемлемое, решение – применять традиционный способ группировки промышленных организаций по такому группировочному признаку, как объем продаж продукции, товаров, выполненных работ, оказанных услуг, но с разбивкой на подгруппы для точного определения места этих организаций в сравнительном экономическом анализе (при построении рейтингов).

Распределение единиц совокупности по группам – следующий важный шаг после определения группировочного признака. Здесь необходимо решить вопрос о числе групп и интервале, которые между собой взаимосвязаны. В теории статистики оптимальная наполняемость интервалов является важным критерием правильного формирования группировки.

В экономической практике применяются в основном неравные интервалы, прогрессивно возрастающие или убывающие. Это позволяет учесть неравномерную колеблемость признака и в больших пределах. Действительно, неправильно применять равновеликие интервалы по объему продаж для малых, средних, крупных и крупнейших организаций, и в то же время минимальное и максимальное значения интервала для сравнительного анализа можно определять в конкретной их зависимости (минимальное значение составляет определенную долю в максимальном значении). В общей теории статистики рекомендуется устанавливать интервалы более короткие для малых и более длинные (широкие) для крупных предприятий или на основе малых групп образовывать более крупные (удлиняя интервалы), позволяющие получить новое качество групп, не нарушая их однородности.

С введением ОКВЭД в статистическую практику с 1 января 2005 г. отменена классификация отраслей и подотраслей, поэтому в целях сравнительного экономического анализа предлагается использовать статистические группировки с классификационным признаком видов экономической деятельности – «сфера деятельности» и дальнейшей детализацией в полном соответствии с ОКВЭД в зависимости от масштабов и целей сравнительного анализа.

Для проведения сравнительного экономического анализа как крупнейших организаций, так и крупных и средних представляется правильным устанавливать подгруппы интервалов по объемам продаж внутри подклассов. С одной стороны, годовой объем продаж может уточняться в зависимости от сфер деятельности. Например, организации, отнесенные к группам «производство пищевых продуктов» и «производство машин и оборудования» будут значительно отличаться по объемам продаж как в группе средних, так и

крупных или крупнейших. С другой стороны, для разных территорий могут различаться и сами понятия «крупные», «крупнейшие», «средние». Например, если проводить сравнения в областях, то объемы продаж в этих группах могут быть ниже, чем при сравнении в масштабах федерального округа и страны.

Б. И. Майданчик также отмечает, что у предприятий, выпускающих идентичные изделия (особенно, если предприятия близки по размерам и объему выпуска отдельных изделий), сравнимость является наивысшей, а однородность продукции – основным, но не единственным фактором, ее определяющим. Сравнительный анализ может проводиться с любой степенью детализации, а результаты могут использоваться для решения его задач [1, с. 28].

Можно согласиться с этой точкой зрения в том, что проведение сравнительного анализа только между предприятиями, выпускающими идентичную продукцию, существенно ограничило бы его, поскольку в большинстве отраслей, например машиностроения, доля таких предприятий была невелика. Но следует отметить, что в современных условиях возникла новая проблема, связанная с необходимостью проведения сравнения промышленных организаций, функционирующих не только в одной сфере деятельности, но и на региональном, национальном и международном уровнях.

Общеизвестно, что в экономическом анализе для сравнимости промышленных организаций имеют большое значение различия в объемах производства и продаж продукции. Существуют различные точки зрения относительно соблюдения условий сопоставимости при сравнении организаций с разными масштабами деятельности внутри отраслей (например, промышленности).

Так, в условиях плановой экономики при сравнении предприятий, имеющих различные объемы производства, предлагалось приводить меньший объем к большему по отраслевым справочникам, в которых указывались поправочные коэффициенты, отражающие влияние роста объема производства изделий на экономические показатели их производства внутри одной отрасли. Но данный прием не корректен в современных экономических условиях при сравнении организаций различных сфер деятельности. В настоящее время изменились задачи и объекты сравнительного анализа, в соответствии с этим меняются и критерии сопоставимости.

М. И. Баканов и А. Д. Шеремет отмечали, что для межзаводских сравнений использовался весь арсенал методов и приемов экономического анализа, но особое значение в данном случае имеет научно обоснованная группировка предприятий, которая чаще всего осуществляется по размерам предприятий, выпускающих однородную продукцию [2, с. 210–211]. Размер предприятий, по их мнению, наиболее полно отражается в показателях объема производства продукции, а такие показатели, как численность рабочих, стоимость основных фондов и др., характеризуют размер предприятия косвенно. В настоящее время при сравнении организаций различных сфер деятельности целесообразно рассматривать и долю добавленной стоимости каждой организации в добавленной стоимости сферы деятельности или региона. Данный показатель также определяет масштаб деятельности организаций.

При плановой экономике на основе изучения практики считалось, что различия в объеме производства однородной продукции или конструктивно

одинаковых деталей имели в межзаводском анализе значительно меньшее значение, чем степень однородности изделий. По-нашему мнению, при проведении сравнительного экономического анализа, даже в случае, если они занимаются одним видом экономической деятельности, различия в объемах оказывают существенное влияние не на расчеты показателей рейтингов, а на обработку получаемых результатов, т.е. отнесение организаций к конкретной группе или категории и определение их места в рейтинге.

Считалось, что на целесообразность проведения сравнения наибольшее влияние оказывают степень различия в уровнях экономических показателей сравниваемых предприятий, количество предприятий, выпускающих однородную или идентичную продукцию (центральный признак сравнимости), тип производства. А наиболее существенное влияние на выявление резервов оказывало количество анализируемых предприятий. И в современных условиях при проведении сравнительного экономического анализа количество организаций также должно оказывать влияние на конечный результат. Чем больше организаций – участников рейтинга, тем точнее определяются их места.

Наиболее целесообразным считалось проводить сравнения между предприятиями с крупносерийным и массовым производством, поскольку там значительно лучше были поставлены планирование и учет, легче было организовать работу по выявлению резервов. Очевидно, что проведение анализа не должно зависеть от типа производства, а наоборот, достигать широкого охвата сфер экономической деятельности.

В зарубежной практике Л. Бернштейн предлагает оценивать влияние на сопоставимость отчетных периодов сезонных и циклических колебаний [3, с. 69]. Для того чтобы исключить влияние таких колебаний в сравнительном анализе, наиболее целесообразно использовать отчетные данные только за финансовый год и проводить анализ по показателям квартальной бухгалтерской отчетности только внутри сфер экономической деятельности.

Также Л. Бернштейн предлагает аналитикам устранять несопоставимость перед проведением анализа путем корректировки отчетной информации [3, с. 69]. По-нашему мнению, это мнение ошибочно, поскольку возможность использования различных методов учета важна при сравнении объектов учета, но их влияние на результативные показатели – свершившийся факт, который уже отражает фактические результаты деятельности промышленных организаций.

Таким образом, применение пороговых значений критериальных показателей – наиболее удобный инструмент в интегральной рейтинговой оценке, поскольку только эти значения можно изменять внутри групп при сравнении промышленных организаций различных сфер деятельности и добиться сопоставимости данных.

Список литературы

1. **Майданчик, Б. И.** Сравнительный экономический анализ в машиностроении / Б. И. Майданчик. – М. : Машиностроение, 1973.
2. **Баканов, М. И.** Теория экономического анализа / М. И. Баканов, А. Д. Шеремет. – М. : Финансы и статистика, 1997.
3. **Бернштейн, Л. А.** Анализ финансовой отчетности: теория, практика и интерпретация / Л. А. Бернштейн. – М. : Финансы и статистика, 1996.

Свиридова Нина Владимировна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой бухгалтерского
учета, налогообложения и аудита,
Пензенский государственный
университет

E-mail: sviridovanv@rambler.ru

Sviridova Nina Vladimirovna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of accounting,
taxation and audit, Penza State University

Туктарова Фирюза Касимовна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета,
налогообложения и аудита, Пензенский
государственный университет

E-mail: dyeneris@mail.ru

Tuktarova Firyuza Kasimovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of accounting,
taxation and audit, Penza State University

УДК 33:303.7; 330.44

Свиридова, Н. В.

**Проблемы обеспечения сопоставимости данных при проведении
сравнительного экономического анализа промышленных организаций /
Н. В. Свиридова, Ф. К. Туктарова // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 198–203.**

КОЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ МАРКЕТИНГА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается взаимообусловленное развитие содержания маркетинговой деятельности и интерпретации эффективности бизнеса в процессе развития экономических отношений между субъектами рынка.

Ключевые слова: маркетинг, маркетинговая деятельность, партнерские отношения.

Abstract. The article considers the interdependent development of the content of marketing activity and interpretation of efficiency of business in development of the economic relations between subjects of the market.

Key words: marketing, marketing activity, partnership.

Развитие экономических отношений между субъектами рынка обуславливает изменения в интерпретации эффективности бизнеса и содержании маркетинговой деятельности хозяйствующих субъектов. На каждом эволюционном этапе в понятие «эффективность» вкладывается разный смысл, при этом изменяются роль маркетинга, его содержание и охватываемые им сферы бизнеса. Такая ситуация свидетельствует о коэволюции (взаимообусловленном изменении) содержания маркетинга и интерпретации эффективности бизнеса в процессе развития экономики. Коэволюция позволяет рассматривать трансформацию маркетинга и изменения интерпретации эффективности бизнеса как целостную систему взаимозависимых явлений: развитие бизнеса стимулирует приращение, распространение и качественные изменения маркетинга, которые стимулируют новый виток развития бизнеса, сопровождающийся обновлением взглядов на эффективность и новой трактовкой эффективности хозяйствующих субъектов, при этом изменения происходят перманентно.

Роль маркетинга в деятельности хозяйствующих субъектов на протяжении последнего столетия изменилась: от комплекса инструментов работы с рынком, обеспечивающего достижение целевой текущей прибыли, до функции стратегического планирования, управления, формирования стоимости бизнеса, системы обеспечения интеграции с бизнес-партнерами, подбора контрагентов в условиях вновь создаваемых бизнесов и обеспечения их направленности на удовлетворение потребностей конечного потребителя. Если в начале XX в. маркетинг рассматривался как концепция совершенствования производства, товаров и сбыта, действующая внутри предприятия, то уже к середине XX в. маркетинговая деятельность охватывала потребителей и впоследствии общество в целом. Сегодня Network-маркетинг, маркетинг партнерских отношений пронизывают полностью экономические отношения предприятий и их контрагентов.

Развитие организационных форм маркетинга также свидетельствует о постоянной их адаптации к внешним условиям. В частности, если на этапе

возникновения маркетинга были введены отдельные должности, предусматривающие выполнение функций маркетинга, то на сегодняшний день в составе хозяйствующих субъектов функционируют специализированные маркетинговые службы, имеющие зачастую многоуровневую, сложную внутреннюю структуру, что способствует интегрированию маркетинга в процессы управления, а впоследствии и маркетинговой ориентации хозяйствующего субъекта в целом (маркетинг менеджмент).

Этиология постоянного эволюционирования маркетинга находится в области развития бизнеса, его стремления к достижению эффективности, интерпретация которой зависит от стадии развития экономической системы, отношений между субъектами рынка.

Наиболее ранние научные трактовки рассматривают эффективность бизнеса как соотношение результатов (прибыли или товарооборота) и затрат хозяйствующего субъекта (т.е. степени отдачи затрат) в течение определенного периода времени. Критериями эффективности при этом выступают прибыль, рентабельность, степень минимизации издержек. В основе оценки эффективности лежит распределение внутренних ресурсов хозяйствующего субъекта. Маркетинг на этом этапе выполняет сбытовые функции и рассматривается как набор инструментов для оперативной работы с рынком. При этом достижение эффективности маркетинговой деятельности сведено к максимизации соотношения результатов и затрат на нее, а сама маркетинговая деятельность ограничена комплексом 4P, где основным источником затрат зачастую выступают сбыт и маркетинговые коммуникации.

Стремление к формированию долгосрочного характера эффективности распределения ресурсов хозяйствующего субъекта, к стабилизации финансовых потоков, прибыли и товарооборота привело к необходимости ориентации хозяйствующих субъектов на удовлетворение потребностей покупателей и потребителей. Поэтому в дальнейшем (70-е гг. XX в.) получила распространение трактовка эффективности бизнеса как возможности ориентации рыночных субъектов на потребности рынка в стратегическом периоде, обеспечения долгосрочного характера прибыли. Критериями эффективности в этом периоде выступают: темпы роста предприятия, способность реагировать на изменения внешней среды в долгосрочном периоде. Дополнением данного толкования стала трактовка эффективности как темпов роста стоимости бизнеса, возникшая в 80-е гг. XX в. Распространенным критерием эффективности становятся соотношение рыночной стоимости активов хозяйствующего субъекта и их балансовой стоимости. Маркетинговая деятельность в этот период переходит в категорию философии бизнеса, ориентации на потребности рынка, а в дальнейшем позволяет создавать и повышать стоимость бизнеса (создание и развитие брендов, репутационного капитала, комплекс маркетинговых коммуникаций), осуществлять долгосрочное планирование и прогнозирование.

Снижение длительности жизненного цикла товаров и инноваций, динамичное развитие существующих рынков, постоянное появление новых рынков и отмирание старых привело к ситуации (90-е гг. XX в.), когда долгосрочная эффективность и конкурентоспособность хозяйствующего субъекта достигаются только благодаря высокой мобильности ресурсов. При этом потенциал использования внутренних ресурсов участников рынка зачастую не

позволяет получить конкурентные преимущества, а его изменения, проводимые в течение определенного временного периода и связанные с ростом затрат, нивелируются в результате активности конкурентов. Это обусловило необходимость использования хозяйствующими субъектами не только своих внутренних, но и внешних ресурсов (ресурсов контрагентов), что возможно только в ходе выстраивания экономически целесообразных межфирменных партнерских отношений, длительность которых варьируется в зависимости от целей участников. Достижение эффективности стало возможным при обеспечении гибкости и мобильности в функционировании хозяйствующих субъектов, создании условий для быстрого выявления и удовлетворения потребностей рынка, возможностей организации нового бизнеса в короткие сроки. Критериями эффективности при этом выступают: оптимизация транзакционных издержек, быстрый подбор бизнес-партнеров, согласованность действий субконтракторов. Таким образом, содержание и трактовка экономической эффективности бизнеса перенесены в сферу стратегической работы, при этом способность к интеграции и оперативному удовлетворению рыночных потребностей не всегда приводит к оптимальному распределению внутренних ресурсов хозяйствующего субъекта в текущем периоде, однако определяет стратегический характер его деятельности и стабилизирует финансовые потоки в долгосрочном периоде, формируя баланс долгосрочных и краткосрочных его интересов. В этом периоде развитие получил маркетинг партнерских отношений, Network-маркетинг.

Динамические изменения маркетинга, постоянное приращение его содержания, позволяют уточнить определение маркетинга следующим образом: маркетинг – это саморазвивающаяся система, имеющая тенденцию к повсеместному распространению, направленная на адаптацию бизнеса к условиям внешней среды в долгосрочном периоде путем как ориентации внутренних составляющих деятельности хозяйствующего субъекта на удовлетворение потребностей потребителя, так и формирования рыночных партнерских активов, в частности бизнес-сетей, предполагающих реорганизацию и реструктуризацию бизнеса в целом.

Системное понимание маркетинговой деятельности позволяет констатировать, что ее характер, с одной стороны, во многом определяет степень эффективности бизнеса, а с другой – является производной от состояния бизнеса.

Маркетинговая деятельность сама по себе является сложной системой, предполагающей симбиоз оперативного, тактического и стратегического направлений деятельности в рамках таких функций, как сбытовая, коммуникационная, товарная, исследовательская, инвестиционная, субконтракторская и др. Выполнение функций маркетинга, распределяясь между различными подразделениями, предполагает необходимость взаимоувязанного функционирования подразделений и маркетинговых систем (системы маркетинговой информации, маркетингового планирования, разработки новых товаров).

Работа с потребителями, определение и реализация стратегий бизнеса позволяют рассматривать маркетинговую деятельность в качестве подсистемы в системе «внешняя среда – предприятие». При этом в качестве субъектов внешней среды рассматриваются не только потребители, но и общество в целом, а также поставщики, подрядчики, аутсорсинговые компании, т.е. все

участники внешней среды, ресурсы которых позволяют получать конкурентные преимущества. В этом случае и хозяйствующий субъект, и участники внешней среды рассматриваются не как отдельные элементы, а как составляющие общей системы, находящиеся в постоянном партнерском взаимодействии и стремящиеся к достижению общей цели, а обеспечиваемые при этом синергетический эффект и снижение транзакционных издержек позволяют повысить эффективность использования ресурсов как отдельных участников системы, так и вновь создаваемых общих активов. При этом основным критерием экономической целесообразности выстраиваемых партнерских отношений является достижение и (или) повышение экономической эффективности каждого участника партнерств.

С позиции неинституциональной теории маркетинг выступает как инструмент создания доверия в системе институтов; обеспечивает адаптивность в стратегическом периоде; обеспечивает учет потребностей участников внешней среды; способствует определению общей цели бизнес-партнерств, а соответственно, и условий партнерских отношений хозяйствующих субъектов.

Таким образом, *содержание маркетинговой деятельности, ее эффективность во многом определяются характером эффективности бизнеса. Маркетинговая деятельность формирует стратегический характер, мобильность и гибкость хозяйствующего субъекта.* Роль маркетинга в деятельности хозяйствующих субъектов определяется как обеспечение устойчивости (сбалансированности) в ходе развития и взаимодействия системы хозяйствующего субъекта и систем участников внешней среды. Маркетинг позволяет создать аппарат адаптивных механизмов, обратных связей и правовых уложений, направленный на повышение эффективности взаимодействия и собственно функционирования перечисленных систем, способствует снижению транзакционных издержек. Системность маркетинговой деятельности не позволяет получать максимальную отдачу при автономном использовании отдельных элементов маркетинга вне связи, как с другими его элементами, так и с внешней и внутренней средой хозяйствующего субъекта. Проводя аналогию с производственными службами, объектом воздействия которых является сырье, материалы, полуфабрикаты, объектом воздействия в маркетинге выступает продукт производства, который, по мере воздействия маркетинговых технологий и основного маркетингового ресурса – информации, превращается в товар с конкретными свойствами для конкретного потребителя. Однако если продукт производства изначально не удовлетворяет потребности потребителей, то и маркетинговая деятельность не способна сделать из него востребованный товар. При этом в реальных условиях производства, когда исходные материалы не удовлетворяют требованиям производства и разработанным ГОСТам, ОСТам и ТУ, такие материалы отбраковываются и не попадают в производственный процесс, однако в маркетинге, если исходный материал – продукт производства – удовлетворяет техническим характеристикам для данного типа товаров, но не удовлетворяет потребности рынка, считается, что продукт в любом случае должен быть продан.

Являясь подсистемой внешней и внутренней среды хозяйствующего субъекта, маркетинг выступает и как критерий развития конкретного бизнеса, так как несистемное внедрение маркетинга в практику, осуществляемое без учета состояния внешней и внутренней среды субъекта, не позволяет достичь

высоких результатов ни в самом маркетинге, ни в деятельности субъекта в целом.

Таким образом, в современных условиях исследование маркетинговой деятельности и управление ею может осуществляться на основе системно-эволюционного подхода, при котором роль маркетинга состоит в сохранении оптимального соотношения результатов и затрат как непосредственно маркетинга, так и хозяйствующего субъекта в целом на протяжении долгосрочного периода за счет обеспечения гибкости и мобильности ресурсов, достигаемых путем синергетического взаимодействия с субъектами микросреды и выстраивания с ними партнерских отношений.

Список литературы

1. **Дойль, П.** Маркетинг, ориентированный на стоимость / П. Дойль ; пер. с англ. ; под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2001. – 480 с.
2. **Карделл, С.** Стратегическое сотрудничество: Креативный бизнес-курс / С. Карделл ; пер. с англ. К. Ткаченко. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 256 с.
3. Кластеры нооэкономики: региональные особенности, методы и механизмы : моногр. / науч. ред. д-р экон. наук, проф. Н. М. Сурнина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. – 160 с.
4. **Ойнер, О. К.** Управление результативностью маркетинга : учеб. для магистров / О. К. Ойнер. – М. : Юрайт, 2012. – 343 с.
5. **Третьяк, О. А.** Маркетинг: новые ориентиры модели управления : учеб. / О. А. Третьяк. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 403 с.

Беркутова Татьяна Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики, технологии
и управления коммерческой
деятельностью, Ижевский
государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова

E-mail: tberkutova@yandex.ru

Berkutova Tatyana Alekseevna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economy,
technology and management of commercial
activity, Izhevsk State Technical
University named after M. T. Kalashnikov

Дорофеев Владимир Дмитриевич

доктор технических наук, профессор,
заведующий кафедрой менеджмента,
Пензенский государственный
университет

E-mail: meneqment@pnzgu.ru

Dorofeyev Vladimir Dmitrievich

Doctor of engineering sciences, professor,
head of sub-department of management,
Penza State university

УДК 330.163

Беркутова, Т. А.

Коэволюция содержания маркетинга и интерпретации эффективности бизнеса в процессе развития экономики / Т. А. Беркутова, В. Д. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 204–208.

К ВОПРОСУ О ДОЛГОСРОЧНОМ МАРКЕТИНГОВОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ РЫНКА

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к маркетинговому прогнозированию, ориентированному на долгосрочный период. Определяется его важность в структуре стратегического маркетингового планирования на предприятиях. Раскрывается взаимосвязь этапов жизненного цикла продукции и методологии маркетингового прогнозирования.

Ключевые слова: прогнозирование, маркетинговые исследования, маркетинговое прогнозирование.

Abstract. The article considers approaches to long-term marketing forecasting. Its importance in structure of strategic marketing planning at enterprises is investigated. The authors reveal the interrelation of life cycle stages of goods and the methodology of marketing forecasting.

Key words: forecasting, marketing research, marketing forecasting.

Постиндустриальный период, обусловленный революционными изменениями в жизни общества, требует от маркетинга точных ориентиров для развития бизнеса в условиях турбулентной среды. Необходимо понимание того, как будет развиваться рынок, какие товары и услуги будут востребованы сегодня и в будущем. Для российского маркетинга такие вопросы ставятся впервые. Практика показывает, что большинство отечественных предприятий ориентированы на текущий рынок, и практически никто не составляет прогнозов развития на долгосрочную перспективу. В основном на краткосрочную и среднесрочную перспективу прогнозируются объемы продаж.

Как отмечает доктор физико-математических наук, профессор Г. Г. Малинецкий, в последней трети XX в. произошла научная революция в сфере прогнозирования [1]. США, Япония, Финляндия, Китай и многие другие страны всерьез занимаются мониторингом научной, информационной, промышленной сферы, прогнозируют их развитие и на этой основе строят свою промышленную и инновационную политику.

В США действуют более 30 футурологическо-прогнозных конференций, тесно связанных с разведывательным сообществом. Американцы прекрасно понимают: прежняя модель мирового развития исчерпала свои возможности, впереди – переход в совершенно новый (шестой) технологический уклад. И они готовятся возглавить его. В США специально изучают: какие еще несуществующие инновации, какие изобретения нужны для скорейшего перехода в новую эру [2]. В 2009 г. был организован Институт сингулярности, основателем которого стал Р. Курцвейль. Спонсировали проект Google и NASA при поддержке Департамента передовых разработок Пентагона – DARPA. В стенах Института сингулярности проходят обучение высшие менеджеры государства и корпораций и читаются такие курсы, как нанотехнологии, биотехнологии, роботехника, мехатроника, прогностика, новые финансы, предпринимательство в новом мире [2].

Зарубежные компании уже не одно десятилетие занимаются прогнозированием. По данным **Ассоциации профессиональных футурологов**, основанной три года назад, прогнозы будущего становятся все более востребованными по мере того, как ускоряются темпы научно-технического прогресса. По исследованиям в 1991 г., долгосрочным (свыше одного года) прогнозированием занимались 87 % американских компаний [3].

Сейчас некоторые коммерческие компании и государственные агентства не только обращаются к услугам футурологов, но зачастую даже имеют их в собственном штате [4]. Работают целые отделы, которые занимаются прогнозированием будущего. Известно, что такие отделы имеются в компаниях British Telecom и IBM, а также при Правительстве США есть Национальный совет по разведке США (NIC), который публикует свои прогнозы мирового развития [5]. Многие фирмы нанимают футурологов на должность консультантов. Так, например, известен биографический факт, что представления известного американского социолога и футуролога Э. Тоффлера о взаимосвязях технологии и социально-экономических изменений сформировались в 1960-е гг., когда компания IBM заказала ему статью о долгосрочных социальных и организационных последствиях внедрения компьютеров. В компании Cisco, являющейся лидером мировой индустрии сетевых технологий и оборудования для Интернета, есть штатная должность футуролога, которую занимает Дэйв Эванс.

Россия может считаться прародительницей научного прогнозирования. Современный *научный подход в прогнозировании* возник в начале XX в., и среди прогнозистов этого времени можно назвать П. Сорокина (социологическое прогнозирование, 1918), А. Чижевского (солнечно-земные связи, 1918), Н. Кондратьева (экономические циклы, 1927), В. А. Базарова-Руднева (технологическое прогнозирование, 1924–1927), Е. Слуцкого (1927), В. Леонтьева («Будущее мировой экономики», 1977) и др.

Доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН В. С. Сутягин отмечает, что во второй половине 1970-х гг. в СССР происходит организационное оформление общегосударственной системы прогнозных исследований. С этого времени эти исследования рассматривают как официальный этап, предшествующий разработке государственных планов экономического и социального развития страны.

В качестве координирующего органа прогнозно-аналитических исследований в стране создается Научный совет по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования при Президиуме АН СССР и Государственном комитете СССР по науке и технике. Работа включается в Государственный план важнейших научных исследований. Заказчиками выступают Госплан СССР, Госстрой СССР и ГКНТ СССР [6].

Впоследствии данная система была разрушена и начали создаваться общественные научные и коммерческие организации: Ассоциация содействия Всемирной федерации исследований будущего (1989 г., президент – И. Бестужев-Лада), Ассоциация «Прогнозы и циклы» (1990 г., президент – Ю. Яковец), Институт экономических стратегий (1990 г.), Ассоциация финансовых аналитиков и прогнозистов (президент – Ю. Сидельников), Международный фонд Н. Д. Кондратьева (1992 г.), Отделение исследования циклов

и прогнозирования Российской академии естественных наук (1996 г.), Академия прогнозирования (исследования будущего) (1997 г.), Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева (1999 г.), ЗАО «Стратегия-центр» (2004 г.), Ассоциация футурологов (2010 г.) и др. Данные организации в основном занимаются макропрогнозированием экономики, геополитики, демографии и пр.

Если в США отрасль прогнозирования сложилась как коммерческая, то в России бизнес практически не занимается данным видом деятельности, что обусловлено его ориентацией на решение задач краткосрочного планирования. Методология маркетинговых исследований в основном ориентирована как раз на решение данных задач. Анализируя сложившийся маркетинговый исследовательский аппарат, можно отметить, что в основном применяемые методы и приемы ориентированы не на получение долгосрочных прогнозов развития, а имеют целью изучение сложившихся условий на рынке. Анализ научно-практической литературы и банков готовых маркетинговых исследований показывает, что в лучшем случае перед маркетингом ставят следующие задачи:

- краткосрочное прогнозирование реакции конкурентов на изменение элементов 4P (т.е. в товарной, ценовой, сбытовой и коммуникативной политике);
- краткосрочное прогнозирование сбыта;
- краткосрочное прогнозирование факторов маркетинговой среды с целью использования данных для краткосрочного или среднесрочного планирования.

Анализ развития маркетинговых структур в отечественном бизнесе показывает, что, как правило, сотрудники маркетинговых служб ориентированы на проведение краткосрочных мероприятий и не имеют ни опыта, ни целей для долгосрочного прогнозирования и развития предприятий. Информация о долгосрочных перспективах развития рынка не востребована ни руководством предприятий, ни самими маркетинговыми службами, так как большинство предприятий не занимаются разработками товаров и услуг на долгосрочную перспективу для будущих рынков.

Показательно, что и ведущие специалисты в России в области маркетинговых исследований тоже ориентированы в основном на краткосрочные и среднесрочные исследования. Так, президент Гильдии маркетологов России, член Правления Российской ассоциации маркетинга, эксперт исследовательского холдинга Romir И. С. Березин отмечает, что маркетинговые исследования помогают определить возможные направления развития бизнеса. Их нужно проводить, принимая решения: о выходе на новые рынки, о введении нового продукта, о ребрендинге, об определении цены на продукцию (услуги) Вашей компании и о каналах и методах продвижения товаров, о формировании сбытовой политики и методах стимулирования клиентов [7].

Доктор экономических наук Е. П. Голубков расширяет сферу маркетинговых исследований, включая туда прогнозирования, но не раскрывает его методологической и методической базы. Он лишь отмечает, что отдельные наиболее важные направления предплановых исследований проводятся в целях как оценки текущей ситуации, так и разработки прогнозов ее развития в будущем.

Ниже охарактеризованы отдельные направления маркетинговых исследований и стратегического анализа: исследование рынков; изучение потребителей и анализ потребительской ценности; изучение конкурентов и анализ конкурентоспособности; ситуационный анализ, включая анализ внешней и внутренних сред, оценку положения продуктов на рынке и анализ выполнения плана маркетинга; выбор целевых рыночных сегментов и позиции на рынке [3].

Встает вопрос о разработке методологии маркетингового прогнозирования, ориентированного на предвидение дальнейшего развития рынка. На отечественных предприятиях эту функцию по объективным причинам может взять на себя только маркетинговая служба.

Основной проблемой стратегического анализа рынка является исследование закономерностей состояния и развития покупательского спроса и предложения товаров и услуг со стороны бизнеса. Следовательно, прогноз потенциального спроса и НТП, который обуславливает технологии производства товаров, – главная цель маркетингового прогнозирования для определения параметров стратегической конкурентоспособности товаров и услуг на будущих рынках.

Потребность в долгосрочном прогнозировании для коммерческих структур обусловлена двумя причинами:

- 1) удержанием или занятием лидерских позиций на рынке в перспективе;
- 2) длительным циклом создания сложнотехнических объектов.

Приступая к маркетинговому прогнозированию будущих параметров и требований рынка, необходимо оценить возможности предприятия самостоятельно провести работу по прогнозированию, которая заключатся в следующем:

- постановка целей прогнозирования;
- разработка планов действий;
- выбор методов прогнозирования;
- сбор информации;
- обработка информации и написание вариантов прогнозирования;
- оценка надежности прогноза;
- отслеживание реализации вариантов прогноза.

Для качественного проведения работ необходимо:

- иметь квалифицированный персонал, способный справиться с таким объемом работ;
- программное обеспечение для соответствующих расчетов;
- поддержка и заинтересованность со стороны топ-менеджмента.

При отсутствии специалистов и инструментария прогнозирования возможны варианты аутсорсинга.

В результате проведения работ по маркетинговому прогнозированию потенциального спроса и предложения используется как первичная, так и вторичная информация, это будет зависеть от исследуемых факторов и используемых методов.

Методология маркетингового прогнозирования включает совокупность принципов, методов и показателей, применяемых в процессе прогнозирования факторов маркетинговой среды, и строится на следующих принципах:

1. Методы необходимо увязывать с жизненным циклом инноваций, начиная от возникновения идеи и заканчивая снятием с производства. Для каждого цикла предполагается использование своих методов прогнозирования.

2. Следует установить связь между долго-, средне- и краткосрочным прогнозами развития и жизненным циклом инноваций, что позволит своевременно реагировать на изменения рынка, учитывая при этом пожелания покупателей. При этом методы, применяемые при прогнозировании, ориентированном на разные периоды, будут различными по точности и способам применения. При этом необходимо, с одной стороны, конкретизировать и уточнить результаты долгосрочного прогноза, а с другой – более полно использовать данные краткосрочных прогнозов (до двух лет).

3. Различные методики прогнозирования необходимо использовать в зависимости от прогнозируемого фактора. Могут применяться однофакторные и многофакторные модели прогнозирования.

4. Для повышения точности прогнозов необходимо применять комплекс методов прогнозирования с целью получения нескольких вариантов прогноза и выбора оптимального варианта.

5. Методически долгосрочное прогнозирование развития рынка представляет собой работу с первичной и вторичной информацией высокой степени агрегации. С помощью современных методов прогнозирования разрабатываются качественные и количественные показатели, например тенденции развития потребностей, перспективные научные открытия и др.

Взаимосвязь принципов отражена в табл. 1. Так, в зависимости от стадии жизненного цикла продукции происходит выбор прогнозируемых характеристик и факторов и, соответственно, методов прогнозирования.

Маркетинговое прогнозирование включает в себя следующие этапы:

– предпрогнозная ориентация – совокупность работ, предшествующих разработке задания на прогноз и включающая обоснования объекта прогнозирования, задач прогнозирования, период упреждения прогноза;

– разработка задания на прогноз – определение цели прогнозирования, конкретизация задач, определение порядка;

– ретроспекция прогнозная – этап, на котором анализируется история развития объекта прогнозирования и прогнозного фона с целью получения их систематизированного описания;

– прогнозный диагноз – этап на котором исследуют систематизированное описание объекта и прогнозного фона с целью выявления их изменения и разработки моделей и методов прогнозирования;

– прогнозная проспекция – этап, на котором разрабатываются прогнозные оценки;

– верификация прогноза – этап, на котором осуществляется оценка достоверности и точности прогноза;

– корректировка прогноза (вновь прогнозная ориентация) – это этап, на котором осуществляется уточнение прогнозных оценок и его корректировка с учетом дополнительных данных.

Результаты маркетингового прогнозирования являются основой составления параметров стратегической конкурентоспособности объектов, т.е. являются основой последующего стратегического маркетингового планирования.

Таблица 1

Взаимосвязь этапов жизненного цикла продукции и методологии маркетингового прогнозирования

Стадии жизненного цикла продукции	Прогнозируемые факторы	Прогнозируемые характеристики (факторы, влияющие на них)	Временной уровень прогнозирования	Задачи маркетингового прогнозирования
1	2	3	4	5
Фундаментальный НИР	Потенциальный спрос	<ul style="list-style-type: none"> Качественные характеристики потенциального спроса (базовые потребности первого и третьего уровней) Количественные характеристики потенциального спроса (демография, экономика, география, климат и т.д.) Качественно-количественные, стоимостные характеристики будущих товаров и услуг (скорость и направление развития НИТТ, основные технологические параметры) 	Уровень сверхдолгосрочного, долгосрочного и среднесрочного прогнозирования	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определение направлений развития НИТТ на долгосрочную перспективу. 2. Определение перспективных будущих потребностей потребителей. 3. Формирование параметров стратегической конкурентоспособности объекта. 4. Определение областей для финансирования фундаментальных и прикладных НИР. 5. Прогнозирование появления конкурирующих технологий. 6. Прогноз доступности и достаточности ресурсов
Прикладной НИР	Потенциальное предложение			
ОКР				

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Подготовка производства	Реальный спрос	<ul style="list-style-type: none"> • Качественные характеристики реального спроса (базовые потребности четвертого и пятого уровней) • Количественные характеристики реального спроса (демография, экономика, география, климат и т.д.). • Качественно-количественные, стоимостные характеристики разработанных товаров и услуг (дизайн, упаковка, весовые параметры, цена и пр.) 	Уровень среднесрочного прогнозирования	1. Уточнение: <ul style="list-style-type: none"> • качественно-количественных, стоимостных характеристик товара или услуг; • параметров спроса. 2. Прогнозирование возникновения конкурентов и их действий
Массовое производство: 1. Выход на рынок. 2. Рост. 3. Стабилизация. 4. Падение. 5. Снятие с производства	Реальное предложение		Уровень среднесрочного и краткосрочного прогнозирования	Прогнозирование: <ul style="list-style-type: none"> • объема спроса на конкретные товары и услуги; • действий конкурентов; • результатов реализации мероприятий маркетинга-микса

Список литературы

1. **Малинецкий, Г.** Проектирование будущего / Г. Малинецкий // Знание сила [Электронная версия журнала]. – 2010. – № 10. – URL: http://www.znaniye-sila.ru/?issue=articles/issue_1602.html&t=1.
2. **Малинецкий, Г. Г.** Будущее – превыше всего. Ч. III / Г. Г. Малинецкий. – URL: <http://narodsobranie.ru/node/223>.
3. **Голубков, Е. П.** Маркетинг для маркетологов / Е. П. Голубков. – URL: <http://referent.mubint.ru/security/8/5385/1>.
4. Association of Professional Futurists. – URL: <http://www.profuturists.org/>.
5. Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года. Изменившийся мир / А. И. Уткин, В. Г. Федотова. – М. : Институт экономических стратегий, 2009. – 248 с.
6. **Сутягин, В. С.** Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы / В. С. Сутягин. – URL: <http://www.ecfor.ru/index.php?pid=history>.
7. **Березин, И.** Когда и зачем проводить маркетинговые исследования / И. Березин // Генеральный директор. – 2006. – № 2. – URL: <http://publish.rea.ru/>.

Дорофеев Владимир Дмитриевич
доктор технических наук, профессор,
заведующий кафедрой менеджмента,
Пензенский государственный
университет

E-mail: menecqment@pnzgu.ru

Белякова Вера Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра маркетинга, коммерции
и сферы обслуживания, Пензенский
государственный университет

E-mail: vera.belyakova@mail.ru

Dorofeyev Vladimir Dmitrievich

Doctor of engineering sciences, professor,
head of sub-department of management,
Penza State university

Belyakova Vera Anatolyevna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of marketing,
commerce and service sector,
Penza State University

УДК 330.163

Дорофеев, В. Д.

К вопросу о долгосрочном маркетинговом прогнозировании рынка /
В. Д. Дорофеев, В. А. Белякова // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 209–216.

ДВУХФОКУСНАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬЮ БИЗНЕСА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Рассмотрены проблемы современного состояния управления непрерывностью бизнеса промышленного предприятия, а также концептуальные подходы к формированию системы ее поддержки.

Ключевые слова: управление, непрерывность, нормы, ВСМ.

Abstract. The article reads about the problems of contemporary condition of management of business continuity at industrial enterprises, as well as about conceptual approaches to formation of systems of continuity support.

Key words: management, continuity of business, enterprises, ВСМ.

В условиях нестабильности экономической ситуации в мире и стране перерывы в деятельности промышленных предприятий представляют собой сложные экономико-технологические явления, имеющие, как правило, негативные последствия, которые описываются определенными параметрами: временными, экономическими, пространственными. Характерная для такого состояния пониженная устойчивость организации требует применения в этот момент (период) специального (адаптивного) менеджмента.

К симптомам прерывания (предкатастрофического состояния) бизнеса относят следующие причины:

– длительная безрезультативность вложений в производство (неверно определен объект инвестиций, что приводит к проблемным ситуациям в организации продуктивной деятельности);

– высокая изменчивость базовых экономических параметров организации от незначительных воздействий внешних и внутренних факторов;

– утрата способности к восполнению потерь, возвращению кредитов, поставкам продукции по авансовым платежам и др.;

– нарастание задолженности по налогам и платежам;

– наличие задолженности по заработной плате;

– нарастание задолженности перед организациями деловой среды;

– неисполнительность среди менеджеров среднего звена;

– конфликтность отношений в коллективе, текучесть кадров;

– конфликты между подразделениями;

– нехватка оборотных средств;

Непрерывность бизнеса обеспечивает его надежность и экономическую безопасность. Согласно толковому словарю русского языка слово «непрерывный» означает «не имеющий перерывов, промежутков». Под надежностью понимается сложное свойство объекта выполнять заданные функции, сохраняя во времени значения установленных эксплуатационных показателей в заданных пределах, соответствующих определенным режимам и условиям использования, технического обслуживания, ремонтов, хранения и транспортировки. Довольно часто в контексте обеспечения непрерывности бизнеса употребляются категории «опасность», «угроза» и «риск». Однако в научной

литературе эти понятия раскрываются недостаточно глубоко и полно. Не находит отражение и их этимология (истинное значение). С другой стороны, в риск-менеджменте имеются некоторые разграничения. В частности, под опасностью понимается возможность чего-либо опасного, какого-нибудь несчастия, вреда. Языковое значение «угроза» показывает динамику опасности и выражается через опасность, содержит субъект, объект и предмет угрозы. Риск, по В. И. Далю, – это «пускаться наудачу, на неверное дело, идти на авось, подвергаться опасности, случайности, превратности, неудаче». Рассматриваемые категории – продукты жизнедеятельности людей и природы, характеризующие среду обитания организаций, и потому могут рассматриваться как факторы прерывности бизнеса.

Существует большое число литературных источников по риск-менеджменту, в которых достаточно подробно представлены классификации рисков. Однако в аспекте предмета исследования интерес представляют источники возникновения рисков ситуаций. Поскольку нашей целью является обоснование организации и методов управления непрерывностью бизнеса организации, важно представлять, какой элемент внешней и внутренней среды генерирует рассматриваемую ситуацию.

Антикризисной устойчивости хозяйствующих субъектов способствует система управления непрерывностью делового процесса.

Практика заставила многие компании вырабатывать эффективные системы защиты и корпоративные нормы, обеспечивающие управление рисками, безопасность от внешних и внутренних угроз и непрерывное функционирование бизнеса. Результатом обобщения этого опыта стали корпоративные принципы Business Continuity Management/Planning (BCM или BCP) – методологии планирования и обеспечения непрерывности бизнеса.

Мировой авторитет *теории и практики обеспечения непрерывности бизнеса* – британский Business Continuity Institute – так определяет названную методологию: «...представляет собой целостный процесс управления, который определяет потенциальное негативное для организации воздействие и обеспечивает устойчивую эластичную структуру и способность к эффективному ответу, сохраняющему интересы ключевых заинтересованных лиц организации, репутацию организации, ее бренд и активы, создающие стоимость в организации».

Business Continuity Management (BCM) – достаточно широкое понятие и чаще всего используется как общий термин, описывающий интегрированные процессы в масштабах предприятия, среди которых выделяют: риск-менеджмент, страхование, анализ внешнего воздействия на бизнес, управление проектом и контроль за качеством, планирование уменьшения убытков, менеджмент программного обеспечения, информационную безопасность, компьютерную безопасность, кризис-менеджмент, кризисные коммуникации, восстановление бизнес-процессов, безопасность и охрану, технику безопасности. Современная концепция управления непрерывностью бизнеса подразумевает сохранение деятельности в любой ситуации (чаще в период и после катастрофических событий).

Непрерывность бизнеса можно не только планировать – ею можно управлять. При этом одним из ключевых элементов процесса управления непрерывностью является возможность максимально быстрого восстановления

производственного процесса с минимальными потерями. Существенную роль в этом случае играют информационные технологии и коммуникации. Идеальным случаем для любой организации является наличие проработанного плана обеспечения непрерывности бизнеса и соответствующей информационно-технологической инфраструктуры.

Поиск нового инструментария управления промышленным предприятием, ориентированного одновременно и на целевые ограничения, и на критерии обеспечения безопасности, становится актуальным в условиях экономического кризиса и нестабильности внешней среды. Предлагаемая авторами двухфокусная стратегия (ДФ-стратегия), базирующаяся на управлении как непрерывностью бизнеса, с одной стороны, так и рисками компании – с другой, позволяет решить возникающие при этом противоречия.

Стратегическое управление ассоциируется традиционно с вопросами принятия управленческих решений на базе как однокритериального, многокритериального выбора, портфельного анализа (матричного анализа, анализа жизненного цикла и др.), а также критериев теории игр и исследования операций. При этом объектами стратегического управления и анализа являются внешняя среда предприятия и внутренняя среда по элементам декомпозиции (стратегические хозяйственные подразделения, бизнес-единицы и функциональные зоны организации).

Вместе с тем инструментарий предлагаемой модели ДФ-стратегии управления, расположенный на стыке внешних и внутренних информационных потоков, играет роль дополнительной цепи между целевыми компонентами и непрерывностью бизнеса промышленного предприятия.

Как инновационный компонент стратегического управления деятельностью компании ДФ-стратегия ориентирована на достижение нового качества системы управления: возможности оценки эффективности инвестиционных проектов и мероприятий, функционирования бизнес-единиц и компании в целом, по «разрывам» в логистических цепях и управленческим воздействиям по «фокусам» безопасности.

Элементарный подход, предложенный Д. Нортоном и Р. Капланом [1] в системе сбалансированных показателей, которая является инструментом стратегического управления, предлагает основу декомпозиции инструментов управления предприятием по причинно-следственным связям. Что касается проблемы управления рисками, то ими предлагается управлять так же, как и доходами, уравнивая прибыль (это касается проблем непрерывности бизнеса) с управлением рисками в стратегии бизнеса.

Отдельные специалисты в данной предметной области пытаются провести анализ взаимосвязи процессов управления непрерывностью бизнеса и управления рисками.

Шутка про Британию и Америку о двух нациях, «разделенных общим языком», подходит для дисциплин управления непрерывностью бизнеса и управления рисками. Обе адресованы к одним и тем же проблемам, имеют одни цели и используют единую терминологию, при этом временами демонстрируя недопонимание [2].

Риск-менеджеры пытаются учесть все типы рисков, стремятся оценить как величину ущерба, так и вероятность наступления чрезвычайных ситуаций (ЧС) и затем определяют риск как линейную функцию этих двух величин.

Исследователи непрерывности бизнеса всегда обращают значительное внимание на последствия, т.е. на ущерб, который является результатом реализации ЧС. В случаях, когда возможен крупный ущерб, бессмысленно для определения бюджета защитных мероприятий перемножать очень большую стоимость ущерба на очень малую вероятность наступления события.

Рассматривая систему управления непрерывностью бизнеса (BCM) как дисциплину, дополняющую систему взглядов управления рисками (RM), необходимо отметить, что BCM определяет риски и управляет их последствиями для бизнеса или для отдельных процессов организации. При этом организация определяет меры, необходимые для защиты людей, помещений, производственных технологий, ИТ-инфраструктуры, цепочек поставок, интересов акционеров и репутации. На основе этой информации формируются планы действий в соответствующих обстоятельствах.

Существуют три точки зрения, являющиеся причиной споров между специалистами по рассматриваемым категориям [3–5]:

1. Процессы управления непрерывностью бизнеса и рисками тесно взаимосвязаны.

2. Управление непрерывностью бизнеса и управление рисками жестко связаны, а непрерывность рассматривается как один из компонентов риска.

3. Управление непрерывностью бизнеса и управление рисками взаимосвязаны, но они сосуществуют без какой-либо иерархии между собой.

Управление рисками – хорошо укоренившаяся и понимаемая составная часть общего бизнес-процесса организации. В бизнес-функционирование с трудом интегрируются современные технологии управления непрерывностью бизнеса по причине не столько реальной сложности, сколько в связи с проблемами восприятия и противодействия нововведениям. Субъекты, имеющие опыт работы с управлением рисками, имели дело с предшественниками современных методологий управления непрерывностью бизнеса, аварийного восстановления, кризисного управления и т.д., интерпретируя их как реакцию на конкретные риски. При таком подходе BCM рассматривается как подмножество RM, точнее как один из компонентов RM, что, по сути, неверно.

Анализируемая проблема может быть рассмотрена с позиций финансового менеджмента. Поскольку прерывание бизнеса влияет на доходы предприятия, следовательно, финансовое управление состоит в использовании концепции компромисса между риском и доходностью. Получение любого дохода в бизнесе сопряжено с риском. Плата за потенциальный доход измеряется определенной степенью риска и величиной возможной потери. Поэтому ключевым критерием при планировании потенциально обещающих доход финансовых операций является критерий субъективной оптимизации соотношения {доходность (доход), риск} [6].

Двухфокусная стратегия управления предполагает, что управление непрерывностью бизнеса интегрирует в себе следующие функции:

- планирование действий в особенных ситуациях (emergency planning);
- кризисное управление предприятием;
- планирование аварийного восстановления производства;
- мероприятия по защите здоровья и безопасности персонала и др.

Такой набор процессов можно интерпретировать как декомпозицию отдельного процесса управления рисками.

Анализируя функциональность рассматриваемых двух процессов, можно предположить, что речь идет о двух самостоятельных процессах. Необходимость управления рисками диктуется потребностью обеспечения непрерывности бизнеса. Данная инсинуация является ключевым аргументом для позиционирования RM как компонента ВСМ. Следовательно, одним из первых шагов программы ВСМ является оценка рисков.

Управление рисками в большинстве организаций можно разделить на две части, которые связываются с двумя категориями рисков. С одной стороны, управление рисками может быть составной частью всеобъемлющих (end-to-end) бизнес-процессов, а с другой – ключевой функцией минимизации угроз выполнения самого ВСМ-процесса. Таким образом, эти две функциональности RM взаимосвязаны, но существуют независимо друг от друга.

Из сказанного следует, что риски имуществу, людям и вообще любым ресурсам, на которых базируется бизнес, ассоциируются с управлением непрерывностью бизнеса, и, соответственно, управление этими рисками – подмножество ВСМ. Это управление не включает риски капитализации бизнеса и хеджирования.

Поскольку организация может управлять обоими процессами, то для нее не имеет значения, как позиционируются между собой RM и ВСМ. Такой подход может отрицательно сказаться на деятельности предприятия. Производственные ситуации требуют корректного разграничения сущности и важности этих функций на предприятии. Сложно представить программу управления непрерывностью сложного промышленного бизнеса, ответственность за которую возложена, например, на административно-хозяйственный отдел.

Таким образом, ДФ-стратегия управления предполагает:

1. Процесс управления непрерывностью бизнеса не является частью управления рисками; существует отдельно процесс управления рисками.

2. RM-функционал является компонентом ВСМ.

Любое распределение зон ответственности между ВСМ и RM каждое предприятие выбирает самостоятельно, исходя из сложившейся ситуации.

Системный подход к управлению непрерывностью бизнеса основывается на том, что все явления и процессы рассматриваются в их взаимосвязи, учитывается влияние отдельных элементов и решений на систему предприятия в целом, и находит свое выражение в следующем:

– целью обеспечения непрерывности бизнеса является параллельная защита социальных, экономических, финансовых, производственно-технологических и информационных процессов (потоков), окружающей среды от рисков прерывания и отрицательных последствий для обеспечения баланса всех целей предприятия;

– различной физической природы риски, связанные с одним объектом или операцией, рассматриваются как единый комплекс факторов, влияющих на эффективность деятельности и расход ресурсов предприятия;

– рассматривается связь всех функций управления с эффективностью работы системы и расходом ресурсов по обеспечению непрерывности на всех иерархических уровнях предприятия;

– определяется совокупность действий, объединенных целью повышения экономической безопасности предприятия, за счет использования ограниченного объема ресурсов, распределенных во времени и пространстве, рас-

смаатриваются операции по предупреждению, снижению, страхованию и поглощению рисков.

Управление непрерывностью бизнеса (УНБ) – это процесс, связанный с бизнесом и развивающийся в зависимости от него и соответствующих ему рисков, в ходе которого формируется стратегическая и оперативная системы, направленные на обеспечение:

– способности предприятия к восстановлению бизнес-процессов при нарушении запланированного хода достижения его основных целей;

– отработанной процедуры восстановления производства основных продуктов и услуг на согласованных уровнях и сроках после нарушения нормального хода деятельности;

– способности предприятия к управлению нарушением нормального хода бизнеса и защите его репутации и брэнда.

В мировой практике пользуется популярностью серия «Британский стандарт BS 25999 – Непрерывность бизнеса». Стандарты направлены на минимизацию рисков возникновения и снижения потерь при реализации неблагоприятных для бизнеса событий. Естественно, что только крупные корпоративные структуры при разработке стратегий пользуются указанными стандартами.

К управлению непрерывностью следует подходить не просто как к процессу планирования, а как к виду деятельности, способствующей повышению ценности организации. Управление предприятием в соответствии с двухфакторной стратегией осуществляется в рамках разработанной политики обеспечения непрерывности. Управление программой УНБ может включать следующие элементы: выбор стратегии обеспечения непрерывности бизнеса; разработку и внедрение самой программы; процедуру проведения мероприятий, систему поддержки и процесс аудита мероприятий; внедрение системы УНБ в культуру организации.

Политика обеспечения непрерывности бизнеса может представлять собой документально зафиксированные принципы, к соблюдению которых организация будет стремиться и в сравнении с которыми будет оценивать способность к обеспечению непрерывности бизнеса.

Внедрение политики обеспечения непрерывности бизнеса включает разработку, формирование и реализацию программы, доведение ее содержания до заинтересованных сторон.

Политика УНБ может включать в себя следующие этапы:

1. Заявление по сфере распространения, определение круга ответственных и их полномочий.

2. Анализ воздействия на бизнес.

3. Оценка рисков и угроз.

4. Разработка стратегии.

5. Формирование программы повышения осведомленности.

6. Планирование обучения персонала.

7. Составление сценариев по управлению инцидентами.

8. Организация обеспечения непрерывности бизнеса.

9. Проектирование работ по восстановлению бизнеса.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что, во-первых, управление непрерывностью бизнеса среди промышленных предприятий но-

сит фрагментарный характер; во-вторых, наибольшее распространение получили методики управления рисками; в-третьих, предложенная авторами двухфакторная концепция управления может быть эффективно внедрена в работу предприятий.

Список литературы

1. **Каплан, Р. С.** Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р. С. Каплан, Д. П. Нортон. – М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.
2. **Альтерман, Б.** Этюды об управлении непрерывностью бизнеса / Б. Альтерман // Jet Info. – 2008. – № 7.
3. **McCrackan Andrew.** Is Business Continuity a Subset of Risk Management.
4. **Graham Julia.** Business Continuity and Risk Management are Interwinded.
5. **Bird Lyndon.** Business Continuity & Risk Management – two sides of the same coin.
6. **Ковалев, В. В.** Финансы (организаций) предприятий / В. В. Ковалев, Вит. В. Ковалев. – М. : Финансы и статистика, 2010.

Кузьмина Мария Геннадьевна

старший преподаватель, кафедра экономики, финансов и менеджмента, Пензенский государственный университет

E-mail: em@pnzgu.ru

Kuzmina Mariya Gennadyevna

Senior lecturer, sub-department of economics, finance and management, Penza State University

Будина Валентина Ивановна

кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики, финансов и менеджмента, Пензенский государственный университет

E-mail: em@pnzgu.ru

Budina Valentina Ivanovna

Candidate of economic sciences, professor, head of sub-department of economics, finance and management, Penza State University

УДК 338.2:338.45

Кузьмина, М. Г.

Двухфокусная стратегия управления непрерывностью бизнеса промышленного предприятия / М. Г. Кузьмина, В. И. Будина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 217–223.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, политики и права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.